

АЛЕКСАНДР
ЖЕЛЕЗНЯК

ГОНЬ ВЕРЫ

Александр Железняк

Огонь веры

«Издательские решения»

Железняк А.

Огонь веры / А. Железняк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983157-6

В мире, охраняемом волей Единого бога, жизнь идет своим чередом. Сменяют друг друга королевские династии, растут дети, земля дает урожай, а морские разбойники по-прежнему грабят проходящие суда... Ярким весенним днем послушник Лит, ученик чародея, отправляется к месту своего служения. Многие испытания и встречи ждут его на пути, великие воины, отважные мореплаватели, ему предстоит обрести истинного друга и познать боль утраты. И лишь родная земля поможет ему узнать, так ли крепок его Огонь веры.

ISBN 978-5-44-983157-6

© Железняк А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	34
Глава четвёртая	49
Глава пятая	62
Часть вторая	74
Глава шестая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Огонь веры

Александр Железняк

Иллюстратор Юлия Варасаби

Иллюстратор Даша Одуванчик

Корректор Ольга Рыбина

© Александр Железняк, 2020

© Юлия Варасаби, иллюстрации, 2020

© Даша Одуванчик, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-3157-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая Лучшее решение

Холодный ветер, дующий с моря, трепал стяги. Грозный королевский орёл и княжеская белая чайка, словно живые, летали по ветру. Геральдические птицы высоко взлетали над головами тех, кто придерживал их за гладкие, блестящие на солнце шесты. Оглушающий звук ударов массивных полотнищ был похож на стук крыльев настоящих птиц, и это только ещё больше напоминало о море, но, однако, мало же кто прислушивался к этому. Отплытие кораблей с королевским посольством – вот что волновало всех вокруг.

На набережной Свирелей в порту Калантира было чрезвычайно многолюдно: сотни жителей Северных ворот, как иногда именовали город, собрались у пристани, чтобы посмотреть на государя Энелии и членов его семьи. Титулованные витязи и богатые торговцы, обычно разделённые ремеслом, сейчас соседствовали друг с другом. Стальные доспехи с выбитыми на них цветами, птицами и зверями перемежались с роскошно расшитыми кафтанами. Первые люди края собрались ныне на королевской пристани.

Были здесь и иноземные подданные: поездка короля должна была стать новой важной вехой в отношениях между двумя государствами, и внимание к этому событию было приковано необычайное. Заморские купцы, из тех, что гостили сейчас в Калантире, пришли почти все. Были даже и такие, кто приплыл из Ремара, хотя отголоски войны между этой провинцией Игноса и Энелией ещё ощущались в отношениях между соседями.

Ремарцы стояли небольшим скопом в отдалении, и на них были накинута скромные меховые плащи. Они тихонько общались между собой на языке Игноса и мало смотрели на самого короля, но можно было не сомневаться: их внимательные глаза не упускают ничего. Несколько стражников князя Северина из числа наиболее смыслёных, переодетые в моряков, стояли неподалёку от иноземцев и не спускали с них глаз.

Неподалёку от слуг игносийского императора стояли линдиорские купцы. Их гигантские бороды заметно выделялись из толпы. Верно писал в своей «Истории» достопочтенный Велеран про жителей этого княжества, что мальчики там рождаются сразу с щетиной. Кажется, что пока ещё ни один линдиорец так и не соизволил побриться в целый век. Когда линдиорец возьмётся за бритву, то это событие станет достойным пера летописца. В бородах купцов прятались курительные трубки, из которых вырывались ароматные клубы дыма. Жители Линдиора в глубоких горных долинах выращивали превосходный табак, который был известен не только в северных землях, но даже и далеко на юге, в Ирмане и даже в Симахии! А уж пресыщенных жителей южных королевств было очень сложно удивить северными диковинками. В Ирмане многие и поныне полагали, что даже первые люди на Крайнем Севере вынуждены довольствоваться мхом и тем, что удастся вырвать у оленя изо рта.

Табачный дым поднимался над толпой, но тут же улетал, влекомый ветром. Линдиорский табак щекотал ноздри валнарскому послу – Эдвину Ваасу. Этот великан стоял в окружении людей в зелёных княжеских накидках. За пределами Валнара все валнарцы по какой-то неведомой остальным северянам причине предпочитали рядиться в цвета своего княжества, как будто бы их нельзя было узнать по одному только наречию, высокому росту и ореховому цвету волос. Возвышаясь даже над своими соплеменниками, Эдвин Ваас озирает всех вокруг, и от его зорких глаз не укрывалось почти ничего. На плечах у него висела золотая посольская цепь с ярко горящим изумрудом. И эта была едва ли не единственная драгоценность, которой

располагал посланник: род его обеднел, и потому он вынужден был оставить своё владение, чтобы служить валнарскому великому князю Миврену Ярелу на посольском посту.

За посланником также внимательно следили: отношения Валнара и Энелии всегда были чрезвычайно ужасными. Столкновения между ними случались почти столь же часто, сколь часто выпадал снег зимой. И ведь неслучайно, что река, разделяющая эти два края, носила название Огневины. Как правило, люди пересекали эту границу с огнём и мечом в руках.

Больше прочих иноземцев было только хасгардцев. Именно в их королевство и направлялся король Энелии Василий Некрид. Хасгардцы узнавались по длинным, просторным накидкам, которыми они пользовались только летом или же за пределами своего королевства. Хасгард лежал севернее Энелии, и потому эта земля была известна в первую очередь своими мехами. Без по-настоящему тёплой одежды пережить хасгардскую зиму было попросту невозможно. Даже в лежащем ещё севернее Нортранде зимы были не так жестоки, что, впрочем, можно было объяснить жаром, источаемым Мировым Очагом – вулканом, расположенным в центре земель нортрандеев. К слову сказать, из самих нортрандеев на набережной Свирелей не присутствовало никого, однако же в этом не было ничего удивительного: жители Нортранда жили своей, обособленной жизнью и мало общались с соседями.

Хасгардский посол Клар Отмар стоял рядом с королём, и многие из его соплеменников с гордостью наблюдали за тем, как энелианский государь приветствует их посла как равного себе. На плечах Клара Отмара была похожая золотая цепь, как и у Эдвина Вааса, только в хасгардскую был вставлен сапфир. Посол был молод, и на его ясном лице отобразилось довольство его нынешним высоким положением. Он был в энелианском кафтане, на котором были вышиты не обычные для Энелии природные мотивы, а полностью открытый глаз, у которого вместо зрачка был начертан лунный серп. Это был герб королевства, сохранившийся ещё с тех пор, когда все его жители поклонялись языческому Мистире – богу ночи.

Всех этих достойных людей из самых разных мест окружали королевские гвардейцы, прибывшие вместе с королём из столицы королевства. Зоркий глаз их воеводы Данаира Вирского внимательно осматривал ряды государевой охраны. Длинные пшеничные волосы были стянуты плетёным обручем, а голубые глаза вглядывались в каждого воина. Полковник ещё только-только приблизился к тридцати годам, но уже успел заслужить славу отличного военачальника.

Под его присмотром гвардия ещё ни разу не терпела поражений, и потому при королевском дворе его единогласно считали защитником государства. В его войске были лучшие из лучших воинов, отобранные из гарнизонов по всей стране. Полковник Вирский потратил много сил на службе в гвардии короля, собирая непобедимую силу, и сейчас он собирался в очередной раз представить лучших воинов Энелии во всей красе. Их кольчуги были вычищены до блеска, а сверкающие щиты и наконечники копий стояли в один ряд, так что, если смотреть на одного воина сбоку, то сразу за ним не было бы видно второго. Плащи гвардейцев были белее морской пены, что разбивалась о пристань. На панцире у каждого из них был выбит взлетающий орёл, смотрящий на запад, – символ королевского рода и всей Энелии.

За спинами гвардейцев стояли дружинники князя Людека Северина, который являлся Хранителем Северной Чети, или же в просторечье просто Севера. С искренним любопытством и интересом воины смотрели на короля, именитых горожан, собравшихся всех вместе в одном месте, и воинов гвардии. Им редко выпадал случай видеть такое: княжеские люди обыкновенно охраняли покой жителей города и окрестных земель, которые издревле принадлежали роду Северинов. Калантиру почти не угрожали набегами враги, и ещё реже жителям северных земель приходилось терпеть усобицы с другими частями Энелии. Происходило это от того, что Север был обособлен от государства Багрянными горами на юго-западе и Ливадскими – на юго-востоке. Войны в самой Энелии, если и случались, то, как правило, они обходили Север стороной; уже долгое время край жил в мире. Так что стража князя обыкновенно занималась тем,

что следила за охраной городского порядка и за тем, чтобы на дорогах княжества не разводилось лихих людей.

На панцирях дружинников князя был его родовой герб – белая чайка на синем поле, сидящая на железном морском якорю. Много лет назад предки князя Северина вместе с предками нынешнего короля пришли из-за моря, и на этом берегу будущие Северины остались жить, где основали великий порт Севера – Калантир. Именно этот город долгое время оставался воротами для чужеземцев, попадающих в Энелию морем, и даже после того, как дед нынешнего короля Аристар взял порт на юге, – влияние Калантира не угасло.

Через Северные ворота король Василий Некрид и отправлялся в плавание в королевство Хасгард. Его Энелии были нужны друзья, и советники короля посчитали, что будет чрезвычайно разумно установить союз с королём Хладвигом, с которым Василий делил Студёное море. Отношения между королевствами в последние годы становились только лучше, и было решено заключить династический брак, который бы закрепил королевский союз. У короля Хладвига недавно родилась дочь, а у энелианского короля был младший сын Михаил. И мужи Королевского совета, да и сам государь посчитали, что выпал очень удобный случай для того, чтобы двум великим домам породниться и обеспечить Энелии надёжный союз с Хладвигом. Хасгардский посланник Клар Отмар немало поспособствовал продвижению этого решения, потому как он видел в союзе с энелианцами основу для грядущего процветания обоих великих королевств и укрепления мира по всему северу.

Переговоры шли долго, но, наконец, посол владыки Хладвига обнадёжил Королевский совет Василия той вестью, что их государь заинтересовался предложением своего морского соседа и будет рад принять его у себя дома. И ныне владыка Энелии отправлялся в путь.

– Это и есть «София», папа?

– Да, сынок, это она и есть, – Василий нагнулся к младшему сыну, который с восхищением разглядывал огромный двухмачтовый корабль, чьи могучие прямые паруса могли затмить собой небо. Огромный форwent был построен не так уж давно и был первым из череды подобных кораблей: остальные энелианские суда, вроде галер и стругов, строились старыми мастерами, обучавшимися по древним манускриптам, пришедшим напрямиком из той эпохи, когда и Энелии-то ещё не было. Новый корабль назвали в честь только что родившейся дочери князя Людека. Это было первое большое плавание «Софии», но в это путешествие форwent вести доверили лучшим мореходам во всём крае.

– Какая она красивая! – юный Михаил был в восхищении. Ему лишь недавно исполнилось семь лет, и он ещё ни разу не был в морском плавании. Не суждено ему было отплыть от родных берегов и на этот раз. Королева Горана – его мать – настояла на том, чтобы малолетний королевич остался дома. Изначально король хотел отправить сына ко двору своего соседа Хладвига в сопровождении сына, но после внял мольбам своей супруги, и в королевской опочивальне было принято высочайшее повеление, что Михаил останется в Энелии.

Свадьба, если о таковой удастся договориться с королём Хасгарда, всё равно должна была состояться не скоро, и Василий вместо своего сына взял лишь его портрет работы лучшего живописца из Ланара – столицы королевства.

– Как бы мне хотелось поплыть с тобой, папа! Можно? – Михаил моляще посмотрел в глаза своему отцу-королю, надеясь, что тот всё же изменит своё решение в последний момент.

А тот лишь усмехнулся в свои густые пшеничные усы:

– Боюсь, что тебе об этом стоит просить твою маму. Это не в моей власти.

– Михаил! Мы уже говорили об этом! И не раз! Прекрати свои просьбы! – Горана строго посмотрела на своего младшего сына, и тот присмирел под её взглядом.

Василий положил руку ему на плечо:

– Не беспокойся, сын, придёт время, и ты поплывёшь на ещё более прекрасном корабле. Ведь так, Людек?

– О, всенепременно, ваше величество! – князь Северин шутливо поклонился перед Михаилом, отчего его рыжие локоны упали ему на грудь. – Клянусь, что к вашему совершеннотею в нашем порту вы найдёте себе корабль, который сочтёте достойным сына лучшего из королей! И даже не один корабль, а целую флотилию!

– Вот видишь, сын! Пройдёт совсем немного времени – и у тебя будет твоя собственная флотилия!

– Но я не хочу свой собственный! Я хочу плыть на этом! С тобой! – молодой королевич нахмурился ещё сильнее и уже вот-вот был готов расплакаться прямо на набережной Свирелей.

Король, предчувствуя скорое поражение, решил пойти в наступление:

– Не хочешь свою флотилию?! А как насчёт своего меча? – и выпрямился, а после отстегнул ножны с клинком от пояса и протянул их своему сыну.

– Василий, но... – в глазах королевы вспыхнула тревога. Горану явно взволновало это решение, и было от чего побеспокоиться! Клинок Орлевир – святыня рода – издревле передавался от отца к сыну ещё в те времена, когда Некриды ещё даже не ступили на энелианскую землю. Василий знаком велел жене замолчать, а сам при этом смотрел только на Михаила. В глазах молодого королевича росло восхищение – настоящий боевой меч! Прошедший через сотни битв, а после них ещё через сотню! Это был не тот глупый, детский кинжал, которым он учился фехтовать в Ланаре. Меч, который служил десяткам поколений Некридов, теперь принадлежал ему!

Мальчик медленно протянул за ним руку, и отец отдал ему меч, а Михаил вцепился в него обеими руками и стал с восторгом рассматривать расписные ножны и рукоять, украшенную драгоценными камнями, не в силах поверить в происходящее. Король, ныне оставшийся безоружным, положил руки на пояс. Государь был доволен, видя восхищение в глазах сына.

Людек Северин и Данаир Вирский с любопытством и обеспокоенностью смотрели на реликвию королевского рода в руках малолетнего королевича. По рядам горожан, из тех, что стояли ближе всех, пошёл шёпот. А после те, что стояли впереди, оборачивались назад и рассказывали задним о том, что только что сейчас произошло. Гвардейцы перестали смотреть перед собой и все как один начали глядеть на Михаила, и их можно было понять: как второй сын короля Михаил должен был в своё время возглавить войско, так что сейчас их будущий воевода получил своё первое настоящее оружие. Данаир, почуяв неладное в рядах гвардейцев, оглянулся назад и бросил строгий взгляд на воинов, и порядок вновь был восстановлен.

– Но, дорогой, а как же Павел? – Горана всё же подступила к своему супругу, напоминая тому о старшем сыне, остававшемся в столице.

А Василий лишь отмахнулся:

– Не стоит беспокоиться о мальчике. Он получит мою корону, а власть золота намного больше власти стали.

– И всё же! Меч передавался от отца к старшему сыну многие столетия!

– Горана, возлюбленная моя жена, я прекрасно знаю историю своего рода, можешь мне поверить. И я прекрасно знаю, что лучше для моей семьи. Если даже Павел не одобрит моего решения сейчас, то когда-нибудь он поймёт, что это было лучшее решение. Я верю в своего сына. Я верю в них обоих.

Горана покачала головой:

– И всё же он будет расстроен. Ему ведь всего только одиннадцать...

– Уже одиннадцать! Совсем скоро он сможет стать королём, любовь моя! Пора ему и думать по-королевски.

– Если позволит ваше величество, то ваше решение, проникнутое большой заботой о Михаиле, – с лёгким поклоном обратился к королевской семье Клар Отмар, – чрезвычайно благоразумно в той связи, что может воспитать в наследнике тягу к скромности и неприятие алчности.

– Вот как? – недоверчиво поднял бровь монарх. – Может быть, будет и так, может, и так. Вперёд выступил начальник гвардии:

– Прошу прощения за беспокойство, ваше величество, но мы задерживаем отплытие, – и Данаир, поклонившись, отошёл обратно.

– Какой смысл быть правителем в стране, где ты вынужден делать то, что должно, а не то, что хочется, – притворно вздохнул Василий Некрид.

Горана звонко рассмеялась:

– Но ты ведь только что сам призывал думать по-королевски, разве нет?

– Да, верно, – король вновь наклонился к своему сыну. – Настало время прощаться, сынок. – Отец кивнул на меч в руках своего сына, – сбережёшь маму?

Михаил отставил Орлевир в ножнах назад и поклонился, как подобает витязю кланяться своему господину:

– Буду защищать, сколько хватит сил, ваше величество! – было сказано таким серьёзным тоном, что все, кто слышал ответ королевича, засмеялись, а после он и сам улыбнулся.

Василий поднял своего сына на руки и расцеловал его:

– Как же я люблю тебя!

– Фу, пап! – молодой королевич изо всех сил пытался освободиться, но безуспешно. – Это совсем не по-королевски!

Когда Михаил, наконец, оказался на земле на своих двоих, то, отдав отцовский подарок матери на временное хранение, обнял своего отца и тихо сказал ему, чтобы никто больше не слышал:

– Я тоже тебя люблю!

Василий взъерошил ему волосы. В это мгновение он был счастлив: у его семьи всё было хорошо, и они жили в согласии. Что могло быть лучше?

Но вид его подданных за спинами гвардейцев вовремя напомнил ему о том, зачем они здесь собрались. Вирский был прав – отплытие не следовало задерживать. Самое время было проводить короля в путь-дорогу: государевы дела были превыше дел семейных. Так было и так будет всегда. Нужно в первую очередь быть хорошим королём, а не хорошим отцом. И как бы Василию не хотелось остаться здесь вместе с женой и сыном, он должен был уплывать сейчас в далёкую страну, хотя человеку на пристани в короне вовсе не этого хотелось. Он желал растянуть это мгновение мира и согласия на целую вечность, но даже у него – монарха – не было власти над временем. Краткий миг счастья исчез, но остался в памяти тех, кому суждено было разлучиться.

– Я скоро вернусь, сын.

Из толпы горожан, следящей за прощанием короля с семьёй, наблюдал один молодой человек в чёрной шляпе с приколотым пером альбатроса. В то время как все смотрели на королевскую чету, он смотрел чуть дальше.

– Какая же она прекрасная! – вздохнула одна из благородных дам в богатом платье.

– Да, прекрасная, – хрипловатым голосом ответил худошавый и низкорослый по северным меркам молодой человек. Он по-прежнему не смотрел туда, куда и все остальные. В его голосе даме послышался далёкий вой морского ветра, и она с удивлением посмотрела на него.

– Да королева прекрасная, а не корабль, Каэр! – дама поморщилась. – Будьте хоть немного внимательнее!

Годрик Каэр встрепенулся как воробей, на которого вылили ушат с ледяной водой. Он посмотрел на даму, стоящую рядом с ним, рассеянными глазами и узнал в ней жену главы торгового дома Доран, в чьей собственности находилась галера, на которой он ходил в плавание.

Годрик неловко улыбнулся жене своего нанимателя и пробормотал:

– Да, конечно, извините, госпожа Доран, вы правы, удивительно прекрасная, – и поспешил скрыться с глаз долой, чтобы не получить потом от капитана нагоняй. Хоть он и был самым

молодым старшим помощником во всём калантирском флоте, но всё же не стоило нарываться на неприятности. Напоследок он услышал, как она говорила:

– И сын у короля тоже такой красивый! Вот что значит – северная кровь!

– Это точно! – сказала другая дама, которой Годрик, однако, не узнал по голосу. – Король поступил мудро, взяв в жёны сестру нашего Людека...

В её голосе Годрику послышалась неподдельная гордость. Насколько он помнил, в среде благородных северян считалось, что союз Гораны и Василия это то, за что следовало поднимать второй тост на пиршествах. Уже долгое время в крае считали, что Север венчает Энелию, как корона венчает голову короля. Впрочем, самому Годрику не было никакого дела до этих пересудов. Он поднимал второй тост, как и все северяне, но не более того. Моряк отошёл на несколько десятков шагов и, убедившись, что рядом нет никого, кто бы мог повлиять на его дальнейшую судьбу, стал спокойно наблюдать за тем, как «София» снимается с якоря.

Двухмачтовая красавица с крутыми бортами, из которых на воду спускались вёсла, выглядела так, как будто сам Господь спустился на грешную землю, чтобы построить этот корабль. Мощными толчками гребцы вели «Софию» от набережной Свирелей на расстояние, достаточное для манёвра, и после чего корабль, плавно развернувшись, словно в танце, двинулся по Студёному морю в своё первое плавание. Паруса наполнились воздухом, и вёсла поднялись из моря. Северо-западный ветер дул в левый борт и несколько отклонял «Софию» от её начального курса, но сейчас это было не так важно. Капитан видел отклонение по тому, как двигалась его «София» относительно берега, но пока что оно было не слишком сильным.

Студёное море славилось своими могучими ветрами, которые могли завести судно прямо на подводные скалы, чья печальная слава унесла на морское дно не одну сотню кораблей... Капитаны из Калантира должны были всегда следить за своим курсом, чтобы не попасть в пасть к морскому дьяволу.

Многие из горожан оставались на набережной Свирелей, покуда белые паруса «Софии» не стали так малы, что их стало возможно закрыть полностью большим пальцем вытянутой перед собой руки. Но мало-помалу народ стал расходиться. Маленький королевич всё хотел застать момент, когда «София» в сопровождении двух стругов с воинами исчезнет за горизонтом, но под настойчивыми уговорами матери он всё же сдался. Они вместе с королевским полковником и гвардейцами двинулись вверх по лестнице, ведущей от набережной прямо к Белому дворцу – месту, откуда князя Северины вот уже полтора столетия управляли всем Севером.

Сам дворец был деревянным, но его выстроили на каменном основании, которое далёкие предки нынешних властителей Энелии обнаружили, впервые высадившись на этих новых для себя берегах века назад. Фундамент был заложен задолго до того времени, как на землю будущего королевства ступили первые нортрандеи. Основали ли его местные племена, с культурой которых чужеземцам ещё только предстояло познакомиться, или же это был кто-то ещё, никому тогда так и не довелось узнать. О древних хозяевах этих земель много позже узнали учёные мужи, но история этого таинственного народа и поныне была покрыта секретами. Было лишь ясно, что основание служило для какой-то могучей башни, от которой не осталось и следа. Каменный фундамент был весьма внушительным и прочным. Опора была сделана из белого камня, который можно было добыть только за десятки вёрст от того места, где высадились пришельцы из-за моря. Глубоко в недрах Багряных гор лежал тот камень, к которому вели рукотворные шахты, какие тоже были обнаружены первыми нортрандеями. Кто их проложил? И кто оставил фундамент на северном берегу? Тогда, в первые дни освоения этой земли, было решено, что всё это создано по воле богов, ибо местные полудикие народы были не в состоянии построить хоть что-то отдалённо похожее. Нортрандеи сочли это добрым знаком для переселения и остались здесь жить.

Белый камень начали добывать из древних шахт на южных склонах Багряных гор. Из этого камня переселенцы впоследствии стали строить свои первые города и крепости. Новые князья не жалели этого материала для строительства Ланара – форпоста на реке Лавре, по которой было удобнее всего сплавиться с северного побережья на равнинные земли. Именно Ланару в будущем предстояло стать столицей объединённого королевства Энелия.

Глядя на великолепие энелианской столицы и того величия, что окружает Белый город, властитель рода Северинов решил, что и в его вотчине будет место для божественного камня. Он повелел основать дворец на том фундаменте, который увидели первые нортрандеи и вокруг которого уже вырос порт Калантир. Стены и крышу своего терема князь построил из дерева белегорнской лиственницы, которая имела ярко-белый цвет и несколько напоминала божественный камень. Оттого и пошло название дворца Северинов – Белый. В сиянии утреннего солнца дворец казался ослепительным настолько, что на него почти нельзя было смотреть: городской вид Калантира был украшен огромной морской жемчужиной дворца. Многие моряки, прибывающие в солнечную погоду, эту жемчужину поначалу принимали за свет маяка, указывающего путь на добрую землю.

Когда на набережной Свирелей оставались лишь последние зеваки, громко обсуждавшие событие, которому они стали свидетелями, да крики чаек разносились по ветру, наполняя и без того узнаваемые звуки порта, то в город, наконец, двинулся и молодой Годрик Каэр. Он, засунув руки в карманы своего простого моряцкого полукафтана и наклонив голову к мосто-

вой, думал о виденном им чуде и о том, что самому ему следовало бы проситься на службу на подобном корабле.

Форвент был тяжелее и многим быстрходнее струга или галеры. Он мог дать бой шторму и мог дойти туда, где кончается мир. На борту форвента можно было легко обогнуть Нортландский полуостров – об этом слышал Годрик Каэр от мастеровых в порту, что строили «Софию».

Капитанам галер, приближаясь к Вострому мысу, приходилось задабривать море молитвами Богу. Многие собирали экипаж перед походом к мысу, открывали Священную книгу и читали написанное пророком Иосифом. Некоторые даже брали с собой священников из религиозных орденов, чтобы Господь наверняка внял их мольбам. Наиболее презренные из всех моряков – пираты – при переходе Вострого мыса постоянно совершали жертвоприношения языческой Крессиде.

Но когда первые форвенты сошли в море, то необходимость беспокоить высшие силы по пустякам должна была отпасть. Тяжёлые суда с широченными парусами могли сопротивляться мощным подводным течениям, которые каждый год бросали на кинжальную скалу мыса корабли тех, кого боги не слышали.

И если мастера окажутся правыми, то тогда должна была усилиться торговля Северной Чети с Линдиором, берега которого как раз лежали за Нортландеем. Большая часть товаров из этого княжества, окутанного горами, шла в южную Крестовицу, что очень уязвляло самолюбие Северинов, так как Линдиор упорно считался князьями одним из северных королевств. Помимо этого, Людек рассчитывал начать торговать с Ирманом и даже с островитянами Симаксии, что по расчёту князя должно было превратить его Север в богатую житницу и освободить Четь от необходимости везти хлеб с надменного Юга по Лавре.

Расчёт князя встречал одобрение у всех калантирцев, и многие богатые дома края не пожалели средств на строительство нового северного флота. Торговые дома наподобие Доранов вкладывали всё до последнего медяка в тяжёлые форвенты, но были и такие, кто считал, что новые суда могут послужить не только торговле.

При должном экипаже на форвенте возможно было добраться не только до тех земель, до которых было плыть чрезвычайно далеко, но и до таких, о которых никто и не слыхивал... Ещё Велеран в своей «Истории» подмечал, что некоторые виды альбатросов, журавлей и орлов улетают на восток, а после возвращаются обратно, из чего Велеран делал вывод, что за Адрамовым морем всё же есть земля и вполне может быть, что Инафор не единственный континент.

Молодой помощник капитана галеры, который ещё совсем недавно был обыкновенным матросом, а до того – гребцом, Годрик Каэр шёл по улочкам портового города, мощённым чёрным камнем, поднятым со дна морского, и мечтал о своём будущем и славе первооткрывателя. О том, как он сам, будучи капитаном огромного корабля, впервые сойдёт на никому не известную доселе землю и самолично нанесёт на карту мира своё открытие!

Но мечты о мореходстве были недолгими: с каждым новым шагом мечты о дальних плаваниях уходили прочь. Туда же, куда уходили и все корабли из порта Калантир. Мысли помощника капитана галеры возвращались от свершений будущего к делам настоящим. А именно к его молодой и прекрасной жене Агнии, которая вот-вот должна была подарить ему первенца.

Агния была единственной дочерью судовладельца Герда Панарона – одного из достойнейших людей, каких встречал Каэр. Герд Панарон работал совместно с торговым домом Доран, хоть иногда их интересы и отличались. Порт кормил многих в Калантире, но семьи Панаронов и Доранов принадлежали к числу тех, кого порт кормил больше остальных, и иногда то одна, то другая фамилии принимали попытки взять под свою опеку все морские перевозки. Обыкновенно эти устремления заканчивались сбором в княжеском дворце, где Людек Северин заставлял их примириться и вновь работать вместе на благо всего Севера.

В одно из этих собраний Герду Панарону князем был пожалован титул барона, что возвысило его ещё больше. Но, однако же, несмотря на это, Дораны – чей глава был графом в седьмом поколении – не уставали напоминать всем о том, что «выскачка» не принадлежал к дворянскому сословию по праву рождения. Как бы то ни было, после того как был начертан герб рода Панаронов, его основатель задумался над тем, с какой из знатных фамилий Севера будет удобнее всего заключить союз, а проще говоря – за кого выдать замуж свою единственную дочь.

Но достойный судовладелец в своих расчётах не учёл той простой вещи, что его своёвольная дочь и сама была способна решить свою судьбу. Агния была украшением своей семьи, и многие в городе совершенно справедливо полагали, что на всём Севере не сыщешь более чудесной девушки: от отца ей достался высокий рост и дивные светлые волосы, а от матери – пронзительные серые глаза, в которых легко можно было утонуть.

Агния была не только прекрасна лицом, но также, вопреки представлениям, распространённым на суровом севере, о предназначении женщины в семье, обладала острым, прозорливым умом, которым она вовсе не боялась пользоваться. Она догадывалась о том, какая судьба её ждёт: Агния помнила о том, как её отец прошёл жизненный путь от простого конторщика до одного из самых влиятельных господ в городе. Ей также было известно о том, как Герд Панарон ведёт дела, и ей меньше всего хотелось превращать свою жизнь в разменную монету для очередной удачной сделки отца. Потому Агния Панарон, до того неуклонно пресекавшая все попытки со стороны молодых людей завоевать её сердце, решила, что пора действовать самостоятельно.

Она решительно отвергала любые мысли о браке со знатными господами Калантира, так как не видела среди них ни единого достойного человека, а достоинство – это то, что она искала более всего в своём будущем избраннике. Отец Герд начинал терять терпение, быстро разгадав замысел дочери, но до поры пока не принимал окончательного решения, позволяя Агнии своёвольничать. Как бы он ни вёл дела в порту, но его семья – это был не порт, однако выдать дочь замуж было всё же необходимо. И при этом совершенно необходимо было, чтобы жених был из знатного сословия, дабы повеление князя о наделении Герда титулом закрепило родовые права Панаронов и превратило эту фамилию в один из столпов Севера не на бумаге, а в умах людей.

Агния понимала, что настанет время и её отцу-барону придётся навязать ей неуютное решение, какого не хотели ни дочь, ни отец, но какого требовал Север. В один из дней, когда упавшая духом Агния прогуливалась вблизи порта, к ней неожиданно обратился один из моряков с галер. Дело это было неслыханное, ибо люди из низших сословий редко напрямую обращались к знатным господам и вообще, как правило, не имели привычки вставать у них на пути. От неожиданности Агния Панарон даже остановилась, хотя моряк всего-то спросил, отчего она такая печальная.

Агния, видя невысокое происхождение обратившегося к ней простолюдина и находясь под влиянием сильных и тягостных чувств, неожиданно для себя рассказала незнакомому человеку о том, что терзало её душу: об отце, который желает выдать её замуж; о том, что она сама того не хочет; о том, что не хочет подводить отца, которого любит, но всё же не может смириться с той судьбой, что он ей предлагает.

Моряк внимательно выслушал её, что удивило Агнию даже больше того, что она сама рассказала о тревоживших её печалях. Ранее она считала, что проблемы богатых и знатных господ мало заботят бедняков, но её неожиданный собеседник проявил участие, выслушав её, а после того, как она завершила говорить, он тяжело вздохнул и начал делиться историей своей жизни!

Он был бедным моряком, как и угадала Агния. Ходил на торговой галере, но не потому, что людям его сорта в порту больше не найти никакой другой работы, а потому, что он искренне и беззаветно любил морские походы. Раньше моряк был всего лишь гребцом, но теперь стал

помощником капитана и, возможно, вскоре и сам сможет подняться до звания капитана, и тогда он сможет направить свой корабль в неведомые дали, туда, куда ещё никто не ходил. Моряк рассказывал Агнии о дальних странах, о которых мало кто слышал и мало что знал; об островах, на которых ещё чувствовалась древняя сила, что создала всё вокруг; о народах, которые ещё поклонялись языческим богам, как некогда делали и сами энелианцы.

Агния слушала этого моряка, который говорил о таких вещах, которые можно было прочесть только в книгах, редких и дорогих, что писали монахи и путешественники, и чувствовала странное влечение к нему. Она видела в этом необычном человеке очень далёкое напоминание из детства. Словно бы её отец вернулся из прошлого, молодой и отчаянный, открытый для всего нового, открытый для нового вызова. Из того прошлого, где он ещё не был помазанным витязем, а был скромным конторщиком, когда он был погружен в мир фантазий, а не в мир расчётов, когда он стоял гордо и прямо, а не согбенно сидел над счетами, как сейчас.

Долго ль, коротко ль, но Агния нашла свою любовь сама. Такой поворот судьбы очень не понравился её отцу, который вовсе не желал породниться с обыкновенным матросом, да к тому же ещё работающим на чванных Доранов! Но мало того, что Годрик Каэр был низкого происхождения, так он ещё и не имел никаких родных: оба его родителя были погребены под лавиной в Багряных горах, когда они шли с торговым караваном через перевалы. Сам молодой Каэр в то страшное одинокое время был оставлен на попечение друзей своего отца. И после того как он вырос сиротой без всякой опоры, то был вынужден самостоятельно добывать себе хлеб и потому пошёл наниматься в порт. Для него это было самое честное решение.

Но работа в порту приносила лишь крохи: постоянная нужда отразилась на Годрике. Он был ниже многих мужчин Северной Чети, которые во всех землях отличались большим ростом, но имел широкие плечи, на которые он мог взвалить мешок с зерном по весу вдвое больше его самого. Его могучие руки выпирали из рукавов рубахи, так что даже ткань иногда скрипела, когда он работал. Ладони были испещрены мозолями – это было постоянное напоминание о тяжёлом труде галерщика. Но, несмотря на всё это, сам по себе Годрик был приятен на вид и имел красивое лицо правильной формы. У него были чёрные, выющиеся волосы, которые спадали до плеч, и выразительные синие глаза.

Агния и её отец Герд сломали немало копий меж собой, прежде чем, в конце концов, благородный Панарон согласился принять в свою семью Годрика Каэра. Герд увидел в этом молодом помощнике капитана торговой галеры молодого себя, и это напомнило ему о том, что всего, что он имел, он добился сам безо всякой помощи. Отец Агнии поверил своей дочери, что Годрик тоже сможет всего добиться в жизни. Герд преисполнился надежды, что Годрик не разочарует его, и согласился благословить брак между ним и его единственной дочерью.

Несмотря на то что такое решение Герда Панарона ударило по чести некоторых благородных господ, жаждавших взять замуж Агнию, это не лишило его того положения в обществе, которым он обладал. Хоть и нашлось несколько злых языков при дворе князя Северина, распространяющих дурные слухи о семье барона и о якобы истинных причинах такой партии... Но, как бы то ни было, Герд остался при своём решении, а союз Агнии и Годрика был заключён на небесах. А вскоре Агния сообщила с радостью своему отцу, что тот, не пройдёт и нескольких месяцев, станет дедом, и эта новость окончательно развеяла немногие оставшиеся тревоги отца благородного семейства.

Годрик ныне шёл домой с набережной Свирелей. Он совсем недавно вернулся из долгого плавания, и ему предстояло провести множество драгоценных часов рядом со своей любимой, ибо их первенец уже скоро должен был появиться на свет. Моряк бросил последний взгляд на уходящую вдаль «Софию». Она уже почти совсем зашла за горизонт. Виднелся лишь массивный силуэт, возвышающийся над крохотными стругами, словно исполин нависал над обыкновенными смертными.

– Какая же она прекрасная! – повторил Годрик слова, услышанные на набережной, и пошёл прочь.

«София» была действительно прекрасным кораблём, но вопреки всеобщим ожиданиям ждала её иная, жестокая судьба. В глухую, беззвёздную ночь корабль попал в шторм, который пришлось переждать в стороне от первоначально проложенного курса. Капитан «Софии» решил, что на глубоководье будет безопаснее, ибо до того они шли между крошечных скалистых островков, на которых росли только водоросли и ничего более. В час, когда небо было затянуто тучами и путь впереди освещался только яростными ударами молний, налететь и разбить о них судно ничего не стоило. «София» повернула к северу.

Наутро, когда ночь рассеялась, но море ещё было тревожно, экипаж и король со своей стражей увидели, что они вышли далеко за пределы той безопасной кромки Студёного моря, что находилась под охраной флотов Энелии, Валнара и Хасгарда. Ныне они оказались в опасных водах, находившихся во власти лихих людей, которые считали всё море безраздельной вотчиной.

Пираты северных морей были жестоки и кровожадны. Они не подчинялись закону королей и не признавали ничьих ленных прав и титулов. Презирали они не только владык земных, но и Владыку Небесного. Морские бродяги насмехались над Единым и преклонялись только перед языческой Крессидой – богиней моря. Всё и вся было для них только преградой к тому, что истинно их волновало, а интересовала их только пожива. И они осуществляли разбой повсюду, куда могли доплыть на своих утлых драккарах и галерах. Они высаживались на берега в стороне от государевых крепостей, грабили и убивали, брали в полон крестьян и продавали их позже в рабство другим народам. Нападали они и на тех, кому не посчастливилось встретиться им в море...

Многие купеческие суда в Студёном море шли под конвоем из боевых кораблей, и такие караваны, которые снаряжались так, словно шли на войну, были трудной добычей для лихих людей, однако они всё же были лакомыми кусками для пиратов. Между королями Энелии и Хасгарда и великими князьями Валнара существовало соглашение о взаимной охране северных берегов от «морского отребья» – как обыкновенно величали пиратов в государственных грамотах. Эти разбойники устрашали подданных всех трёх стран и сводили на нет торговлю между королевствами, в которой были заинтересованы все. Из Энелии соседям шли камень и металлы, а также золото, из Валнара – бумага и кожи для письма и платья, а кроме того, мёд, воск и серебро, а из Хасгардского королевства шёл мех. Также Хасгард был знаменит своими красками, секрет изготовления которых тщательно оберегался, ибо стоили они дорого и обеспечивали королевскую казну так надёжно, что короли Хасгарда могли не беспокоиться о неурожайных летах. Зерно им везли или из южных княжеств и графств Энелии, или из южных баронств Валнара.

Северные королевства были чрезвычайно богаты, но тучные года оплачивались только взаимной дружбой, подкреплённой обильной торговлей. В годы усобиц всё это прерывалось и внутренний порядок во всех владениях приходил в запустение. Народ страдал и хирел, а ленники королей похлопывали по тощим карманам и не слышали привычного звона монет. Всё это делало положение владык шатким и опасным, потому-то они и избегали длительных и затратных войн, а также всего того, что могло помешать добрососедским отношениям, в том числе и пиратства.

Морских разбойников вылавливали и топили в море; их вешали и сжигали на площадях в портовых городах; их логовища находили и разоряли, так же как крестьяне поступали с гнёздами пауков и иных гадов, повинных в истреблении урожая. Но год от года число пиратов не уменьшалось, а только увеличивалось: сколько бы ни тратили великие владыки на морскую стражу, сколько бы ни строили боевых кораблей, пираты заходили всё дальше и дальше.

И в этот злополучный день капитан «Софии» увидел на горизонте то, чего он более всего опасался увидеть: ряды рваных, серых знамён, которые обозначали, что это судно не признаёт ничьей власти над собой. Судов с пустыми знамёнами было великое множество, намного больше, чем могли одолеть стражники энелианского короля на трёх кораблях.

Доподлинно никто не знает того, что случилось в тот день, и о том, как прекратилось правление Василия Некрида, тоже никто не смог поведать, ибо в тот день пали все слуги короля. Тем басням, что рассказывали морские бродяги в портовых корчмах, никто из честных людей не верил. Известно было только, что сторожевые струги с королевскими воинами были сожжены и сброшены на дно морское, а «София» уцелела, и один из пиратских вожаков превратил её в разбойничье судно, сдёрнув все знамёна и стесав её название. Благородная «София» превратилась в «Крессиду» – проклятое судно, ставшее грозой для всех добрых моряков Студёного моря. Пираты были довольны своей добычей и везде трубили о своей великой победе. Но за такие рассказы во всех северных владениях была введена самая суровая кара, ибо король Василий был уважаем не только у себя на родине, но и среди соседей. В чёрное оделся весь Север.

Клар Отмар, оставшийся в Энелии, писал в ту пору своему королю, что «Закатившееся солнце Энелии грозит обернуться большими бедами не только для одного королевства, но и всех прочих, ибо страна, лишившаяся столь доброго короля, была уязвима для врагов, как внутренних, так и внешних. Союз с Энелией приходится отложить».

Прервалось многолетнее и благое правление великого короля, а его наследник Павел был ещё слишком юн, чтобы принять бразды правления на себя. Во главе королевства встала королева Горана и наиболее видные советники из числа тех, что были приближены к трону и заслужили свою верность перед короной. Горана тяжело восприняла смерть своего возлюбленного мужа, и недолго ей оставалось ходить по брэнной земле: вскоре Создатель призвал и её к себе. Бразды правления государством перешли в руки Королевского совета, который следил за тем, как взрослеет юный Павел Некрид, и все достойные мужи Энелии предались суждениям, каким же будет его грядущее правление.

Глава вторая Воительница

Был ясный весенний день, и солнце жгло немилосердно. Ни одного облачка не было на небе, так что путники, изредка попадавшие на тракте, шли без передышки, чтобы поскорее добраться до спасительной тени постоянного двора. Говоря о путниках, следует сразу сказать, что по дороге, широкой ровно настолько, чтобы вместить две повозки, катящихся в ряд, сейчас ехал только один всадник. Говоря о всаднике, следует понимать не воина, облечённого в латы, с копьём и мечом, находящегося верхом на коне, а монаха, едущего из одного монастыря в другой.

Это был послушник одного из больших орденов. Коричневая холстинная ряса была препоясана верёвкой, к которой был привязан небольшой мешочек с горсткой мелких монет. При нём также была котомка за спиной с дорожным хлебом и вещами, необходимыми человеку, находящемуся в пути. Среди этих вещей были и ценные предметы, однако их ценность различалась для разных людей. Этими предметами были три книги, которые путешествующий монах набело переписал с оригиналов в библиотеке своего монастыря. Эти манускрипты представляли огромный интерес для тех, кто был сведущ в науках, и ровно так же бесполезны для всех остальных. Трудом были «Травник» Гевольта, книга об истории народов Велерана и, разумеется, «Священная книга» Иосифа.

Вместо доброго коня путешественник ехал на рыжей кобыле, более уместной в поле, запряжённой плугом, но не на большой дороге, избавленной от обильной сочной травы и сладкой росы, зато полной серой пылью и гулких длинных шагов. Солнце уже успело выжечь все капли живительной влаги, а ветер поднимал пыль с высохшей почвы, и она оседала на ногах и боках животного в виде отвратительных разводов грязи, а после застывала и превращалась в твёрдую корку. Весь низ кобылы был похож на панцирь, подобный тем, что воины иногда надевают на своих коней перед битвой. Сквозь кожу животного изредка проглядывали ребра. Её вид был несчастен, а в больших карих глазах можно было разглядеть скорбь целого мира.

Сбруей ездоку служила простая перевязь из верёвки и длинных полосок грубой ткани, такой же, из которой была сделана его ряса. Вместо седла было свёрнутое тонкое одеяло, переброшенное через спину лошади. Больше на ней не было никакого груза, кроме наездника: ни единой сумки с пожитками. Даже распоследний грабитель подумал бы дважды, прежде чем доставать нож ради такой добычи, которая годилась разве что стае голодных волков на скудный обед, ибо монах мало знал о том, что может пригодиться ему в пути, прежде чем отправиться в путешествие из своего монастыря. Воспитанный в духе нестяжательства он полагал, что от жизни ему нужно совсем немного. Однако за стенами его обители мир казался не таким, каким он виделся из окна его кельи. Монаха начинал донимать голод, а его кобыла устала. Жар солнца прижимал их обоих к земле, заставляя жалеть, что они вообще вышли на тракт в полуденное время, но монаху надо было ехать, и он продолжал свой путь, несмотря на все свои лишения.

Этого бедолагу-путешественника звали Литом, и он был учеником чародея.

Лит был высок ростом. Он возвышался почти над всеми, кого встречал, но сам не находил в этом никакого преимущества. Он слегка сутулил плечи, чтобы никого не смущать своим видом или привлекать к себе излишнее внимание. У Литы были светлые, льняные волосы, которые были коротко острижены, как велел монашеский устав. Его высокий лоб был полностью открыт, а голубые глаза цвета северного моря с любопытством взирали на мир. Деревенским детям вблизи монастыря он напоминал великана, который надел солнце на голову. В погожий день его голова будто бы искрилась на свету и казалось, что он, действительно, в короне из света.

Вдобавок к своему внешнему виду монах имел строгий, прямой нос и высокие скулы, какие обыкновенно изображали иконописцы на ликах пророков и святых. Если бы у него за спиной покоились белоснежные крылья, то каждый повстречавшийся Литу на пути без всякого сомнения посчитал бы, что перед ним явился сам посланник Божий. Весь его образ словно бы нарочно был для того создан.

Лит держал свой путь из главного монастыря своего ордена, названного в честь святого Лукрециана. Монах направлялся в одно из почитаемых его братьями мест. Орден насчитывал не одну сотню лет своего существования и успел обрасти немалым количеством легенд и мифов за это время, но кое-что оставалось незыблемым на протяжении всей истории ордена лукрецианцев. На протяжении многих веков в разных местах стояли святыни, которым обязан был поклониться каждый член ордена. Именно к одному из таких мест и был направлен Лит своим учителем Гиртом Иссимарским. Тот, предчувствуя свою скорую смерть, распустил всех своих немногочисленных учеников, напоследок дав им последнее поручение – совершить паломничество туда, где некогда творились дивные дела.

Сам Гирт Иссимарский родился под именем Гакрита близ крепости Иссимар, что находится на острове Халголад, являющимся одним из важнейших островов в цепи Дананеев в море Клаата, что лежало севернее Студёного моря. Проживали на этих островах люди с одноименным прозвищем – дананеи.

Дананеи в незапамятные времена считались среди соседних народов самыми сведущими в мореплавании и искусстве укрощения водной стихии. Острова не изобиловали ни пастбищами с тучными стадами, ни обширными полями с зерном, ни богатыми золотой рудой жилами, так что всё необходимое для себя дананеям приходилось добывать в море. Оно кормило и одевало их.

Море было источником невиданного богатства для жителей островов, но, как это часто случается, правители некоторых островов решили, что у них больше прав на морские владения, чем у соседей. Многие из Дананейских островов были малы, и люди, населяющие их, были малочисленны. Владыки, правящие там, не могли тягаться со своими более крупными соседями и потому смирились со своей участью. Но вот меж тех двух островов, что считались главными, постоянно шёл спор о том, кто же из них стоит выше и чей владыка могущественнее. Одним из этих двух островов был Клаат, считавшийся местом, где появились первые дананеи, и потому правитель Клаата претендовал на первенство в море, которое называлось так же, как и сам остров. Второй – Халголад был крупнейшим и богатейшим среди всех Дананейских островов. Когда на одном из мелких островов случалось то или иное бедствие, вроде ужасного шторма или дерзкого пиратского налёта, то его жители спасались именно на земле Халголада. Халголадцы привечали всех дананеев в нужде, и со временем, когда беженцы крепили и возвращались к родным берегам, в памяти этих бедолаг оставалось то, к кому они обратились за помощью и как им помогли.

В ту пору в Халголаде правил владыка Иссимар, который в своём стремлении к власти не признавал ничьих прав, кроме своих собственных. Он видел в притязаниях своего ближайшего соседа – оба великих острова были разделены между собой не более чем несколькими морскими милями – особое оскорбление для своей чести. Но что более важно – чести своего рода, так как владыка Клаата открыто объявлял о том, что его семья принадлежит к числу тех, кто основал дананейскую страну, а род Иссимара – это всего лишь младший род – дружинники на службе у Клаата Перворождённого.

Советники Иссимара призывали его открыто выступить против владыки Клаата, утверждая мысль о том, что в Халголаде больше умелых воинов, чем у соседа. Иные, наоборот, советовали сначала заручиться поддержкой всех малых островов, а после этого объединёнными усилиями отговорить клаатцев отступить от своих притязаний, ведь, оказавшись без поддержки других островитян, они мало бы что могли сделать Халголаду. Иссимар, называющий

сам себя Благородным, а позднее воспетый потомками как Гордый, не послушал никого и принял своё собственное решение. Под залог своих богатых морских товаров он заключил союз с пиратами северных морей, которые ударили по Клаату со всей яростью чужеземцев. Клаат Перворождённый окутался дымом и пеплом деревень, а Иссимар Гордый тогда основал крепость в честь своей победы, которую нарёк столицей всех дананейских владений...

Эти владения Иссимара считались последними из тех, что населены людьми к северу от Великой земли – как островитяне называли огромный континент Инафор. К востоку от Дананейских островов находилась северная часть Инафора, которая именовалась Нортранд. В переводе с языка нортрандеев название их страны означало «лишённые зла».

Несколько южнее и западнее островов дананеев лежал Итарисар – остров-государство, по площади вдвое превосходящий все Дананейские острова вместе взятые. Итарисар был много ближе к Великой земле, чем его восточные соседи. Из-за этого на остров часто высаживались полчища многочисленных завоевателей с континента. Столетия кровавых войн и чёрных дней рабства привели итарисарцев к жестокости в сердцах. Они предпочитали видеть красоту в тяжёлых клинках и быстрых стрелах, нежели в славной поэзии и горячем вине.

Итарисар был страной, где считали необходимым жить за каменными стенами. Весь остров был поделён на вотчины, в центре каждой из которых была поставлена крепость с высокими и толстыми стенами. Эти твердыни издревле строились для защиты от нападков врагов всех жителей округи. Во главе каждой вотчины стоял воевода, который правил по своему усмотрению и подчинялся лишь хозяину всего Итарисара, двор которого находился в Итарболге – столице островного государства.

Со временем военные укрепления острова привели к тому, что набеги на остров заканчивались плачевно для завоевателей, и мало-помалу нападения и вовсе прекратились. Население острова начало стремительно расти, и наследных королей страны начал беспокоить вопрос нехватки земель на острове: крестьяне покрыли полями и пастбищами всю видимую землю, и всё равно этого едва хватало разросшемуся народу Итарисара.

Воеводы начали спорить между собой о землях и праве на них: их богатства, столь неуклонно приумножавшиеся при их отцах и дедах, стали вдруг оскудевать. Многие из них считали, что черни следует больше работать, раз новую землю неоткуда было взять. Только первые люди Итарисара забыли о кровавом гнёте чужеземцев, столь презираемом свободными итарисарцами, как тут же начали размышлять о кабале для своих соплеменников, но те, не потерпев нового угнетения, восстали, и вспыхнула крестьянская война...

Многие из крепостей и сёл омылись кровью. После множества битв и казней во главе страны встала новая династия Тармундов. Король Далвин Первый призвал присягнувших ему воевод возглавить отряды крестьян, уже познавших ярость схватки, которых теперь едва ли можно было заставить обрабатывать поля и пасти скот, как было раньше. Именно вооружённая чернь привела Тармундов к власти, и теперь те ждали новых битв и новой добычи. Король обратил свой взор на северо-восток, на Дананейские острова...

Иссимар Гордый давно уже умер, и дананейский народ находился в мирном спокойствии, когда у их берегов показались галеры, полные безжалостных воинов. Сопrotивление дананеев не было долгим, за что новые господа позволили им жить.

Юный Гакрит встретил итарисарцев сыном уважаемого землевладельца, который не знал никаких бед. Размеренная и наполненная жизнь сопровождала его, и отец Гакрита полагал, что так будет вечно, но его мечтам не суждено было сбыться из-за заморских пришельцев... Всё наследство Гакрита перешло в руки завоевателей, а над каждым из его родных нависла угроза скорой расправы. Никому из Тармундов не нужны были старые хозяева Дананейских островов – они сами желали ими стать. Сам же Гакрит спустя недолгое время, лишь чудом избежав голодной гибели в яме, куда его бросили итарисарцы, смог уплыть с Халголада на корабле проповедников из ордена святого Лукрециана. Только лишь наличие знака почитания Единого

на парусах корабля позволило священникам беспрепятственно отплыть из новых владений Итарисара.

Братья ордена тогда спасли многих дананеев, которых итарисарцы старались извести: захватчики видели свою миссию в том, чтобы обустроить новые владения по своему вкусу, и свободомыслие и миролюбие дананеев им явно претило. Король Далвин повелел всех знатных дананеев заковать в цепи и заключить в крепостях тут же, на островах.

Но он, будучи сыном своего народа, не учёл того факта, что дананейские крепости были не чета итарисарским. За годы мира, установившегося после разгрома Клаата Иссимаром, почти все укрепления пришли в негодность. Молодого Гакрита заключили в камеру, со стен которой осыпался камень, а в полу зияли глубокие трещины. Заключённому не давали ни есть, ни пить. К нему даже никто не спускался, никто из воинов-захватчиков. Когда отчаяние отпустило его, то он решил воспользоваться этим.

Свои железные цепи Гакрит использовал как молот, и спустя несколько дней он смог пробить себе дыру, достаточную для того, чтобы бежать из крепости и оказаться в море, где его подобрала рыбаки. Эти простые люди спрятали его, пока шли его поиски, а после, когда итарисарцы посчитали, что тот утонул в море, передали его на один из кораблей ордена, которые нарочно заходили как можно ближе к северным островам, чтобы принять беженцев.

Итарисарцы не могли ничего поделать с кораблём лукрецианцев, потому что их орден был под защитой короля Энелии, а вновь воевать с людьми с Великой земли Далвин так и не решился.

Когда Гакрита взяли на корабль, то он решил, что его спасение – это дело рук Божьих и его судьба отныне должна принадлежать Создателю; он вознамерился стать послушником в монастыре святого Лукрециана. Именно такую цену Гакрит посчитал достойной за своё избавление от гибели. Вскоре Гакрит стал монахом Гиртом Иссимарским, и глава ордена Илларион разглядел в нём силу творить чудеса.

Очень немногие были отмечены Божьим благословением вершить чародейство, и Илларион, будучи сам из таких, взялся обучать нового брата ордена искусствам, сокрытым от множества смертных, но позволяющим подчинять себе неведомые силы. Много времени прошло, прежде чем Гирт сумел освоиться со своим даром, однако ему это удалось, и он начал влиять на судьбы мира.

Его сила превзошла все ожидания лукрецианских мудрецов. Гирт был самым талантливым чародеем во всём королевстве, за что и был призван ко двору короля Павла Второго в качестве члена Королевского совета. Будучи сведущим в науках не только мистических, но и естественных, он быстро завоевал доверие короля. Почти пятьдесят лет Гирт служил советником при трёх монархах, и его советы обеспечили Энелии могущество и процветание.

Гирт Иссимарский открывал новые виды обработки почв, строительства дорог и городов, возведения плотин, добычи ценных руд и способы выплавки металлов. Благодаря ему двор энелианского монарха слыл одним из самых просвещённых среди северных королевств, куда съезжались самые прославленные музыканты, поэты и архитекторы со всего известного мира. За всё то время, что Гирт стоял по правую руку от престола, народ Энелии увеличился в числе вдвое. Значительная часть свободных людей стала жить в новых городах, возведённых по замыслам королевского советника. При всех монастырях и храмах стали открываться школы для обучения простых людей грамоте.

Но всё это искусство, вся эта мудрость ничего бы не стоили, если бы у Гирта не было власти видеть будущее и желания повелевать им! С первого же своего дня, как он переступил порог королевских чертогов, он нажил себе немалое количество врагов. Чародей обличил немалое количество бездарей и казнокрадов, скрывавшихся в толпе государевых людей. Значительные прежде люди при Гирте перестали иметь влияние на короля и остались не у дел. Представители древних и могущественных родов оказались отставлены от власти, и они рвали

и металы в своих вотчинах. Немало нападков предвидел Гирт на себя и отвратил их все, и всю власть свою он обрушил на головы неприятелей. Свои чародейские познания он, не скупясь, применял для того, чтобы расправляться с врагами. Погибали наследственные земли, замерзали и горели урожаи, ветшали и рушились родовые замки, сыновья баронов и графов рождались хилыми и вскоре погибали... Ни одна знатная фамилия, восставшая против королевского советника, не осталась нетронутой.

Будучи не в силах возобладать над своим последним противником – временем, – Гирт оставил все государевы дела и вернулся в Илларионову обитель. Именно так, по имени старого учителя Гирта, стали называть новый главный монастырь ордена лукрецианцев, возведённый по приказу Гирта. Старый наставник давно уже почил, и бывший королевский советник взял на себя обучение молодых чародеев. Одним из них и стал Лит: Гирт увидел в нём нечто такое, что, наверное, однажды Илларион разглядел и в нём самом. Впрочем, он ни разу не обмолвился ученику о том, что видит в судьбе юноши.

Обучив Лита тем вещам, которые ему мало кто мог рассказать, и, поведав о мире то, что ему было нужно узнать, Гирт отправил его в путешествие, в котором ему предстояло научиться многим большему, чем если бы он оставался в тиши монастырских стен.

Решение главы ордена распустить всех учеников вызвало удивление и смущение среди остальных наставников. По традициям ордена чародеи должны были оставаться в монастырях или при храмах и все свои магические знания применять на пользу стране и во имя Бога. Паломничества допускались, но только когда монахи полностью совладают со своим магическим даром, но Гирт повелел иначе. Все молодые чародеи отправились в те места, куда он им указал, а после этого они будут вольны делать то, что захотят.

Лит в пути по пустой, пыльной дороге через землю Риндай думал о последнем напутствии своего учителя:

– Ты должен будешь ехать в Варийскую долину, в сердце нашего ордена – Столпы Лукрециана, настоятель примет тебя со всем почтением.

– Но, учитель, я знаю ещё так мало...

– Ты знаешь достаточно, поверь мне, ты готов к путешествию.

– Моё образование...

– Твоё образование отныне будет зависеть только лишь от тебя самого. Все мудрецы мира бессильны перед тем, чтобы открыть тебе глаза на мир. Ты должен будешь сделать это сам. Ты знаешь основы, на тебе лежит Божья благодать, как ты ей распорядишься – только твоя воля.

– Я принимаю ваше испытание на веру, учитель, – опустил глаза Лит и скорбно поклонился.

Гирт положил ему руку на плечо:

– Я вижу, как тебя точит червь сомнения. Запомни этот момент, сын мой. Он будет повторяться ещё великое множество раз! Но не дай сомнению сгубить благородные порывы твоей души!

– Да, отец, – смиренно ответил Лит тогда.

Сейчас он ехал и вспоминал всё, что вынес из Илларионовой обители.

Он не считал своё обучение законченным, и более того – он считал его лишь едва начавшимся: Лит пробыл в монастыре не многим более трёх лет. И за это время ученик чародея не овладел всерьёз ни одним значимым магическим искусством: материя не слушалась его, стихии едва откликнулись на его зов, а искусство прозрения едва ли было сильнее, чем у человека с закрытыми глазами. Лит чувствовал в себе присутствие чего-то могущественного, но пока не мог с этим толком никак совладать.

До Варийской долины, которая находилась на западной границе королевства, оставалось не больше чем двое суток пути. Монах уже миновал Вылему – вольный город, являвшийся

главным в Риндае. Там сидел городской голова и туда же собирались владетельные государи всего риндайского края.

Риндай считался одной из самых свободолюбивых земель во всей Западной Чети. Народ, населяющий эти земли, – ринды очень долго сопротивлялись продвижению влияния Ланара на здешние земли. Ринды были полукочевыми жителями леса, и своих вождей они избирали сами, из числа наиболее достойных соплеменников. Риндам чужда была идея наследственной власти, и потому они воевали с энелианскими князьями, пока у тех не лопнуло терпение и, наконец, не было заключено соглашение о том, что Риндай войдёт в королевство, но только в качестве вольной земли.

Князья построили крепость – Вылему, которая должна была стать столицей Риндая и опорой княжеской власти, но местные жители с опаской отнеслись к идее этой крепости и потому наместник вскоре уехал из Вылемы, так как ему нечем там было править. Со временем ринды, насмотревшись на порядки энелианцев, начали строить свои деревни и жить в них вместо лесных чащ. Чуть позже ринды стали жить и в самой Вылеме, когда тогдашний Хранитель Запада Хатьоф Саврский вывел последних воинов из вылемской крепости. Вокруг неё вырос город, который также стал вольным, где ринды выбрали себе городских советников из своего числа.

Через вольную риндайскую землю стали ходить торговые караваны в Ремар, и мало уже что напоминало о тех временах, когда в Риндае каждый путник смотрел на ветки деревьев, опасаясь увидеть там лучника-ринда среди ветвей. Энелианцы мало-помалу приучили риндов к землепашеству, но прикрепостить их к земле так и не удалось. Риндайские крестьяне так и не подчинились до конца тем немногим титулованным витязям, которым короли жаловали землю в Риндае. Риндайцы стали работать на земле, но только как свободные люди. В этом ринды остались неизменны себе.

Было ещё кое-что, что оставалось неизменным, – это густые, непролазные чащи, в которых можно было плутать до самого светопреставления. Вдоль тракта тесными, беспорядочными рядами стояли ясени, вязы и липы, узловатыми ветками плотно вцепившись друг в дружку. Глядя на эти ветви, Лит понимал, почему так сложно было воевать с риндами: спрятаться на таком дереве и в таком лесу не составляло вовсе никакого труда. В старых летописях Лит, впрочем, читал о том, что некоторые воеводы поджигали лес, но это оборачивалось против них, так как в дыму и в чаду задохались их собственные воины, да и огонь будил духов леса, с которыми ринды издревле были в хороших отношениях.

Лит знал, что такое духи леса, только лишь из старых книг и рассказов учителя Гирта, но даже и этого ему хватило для того, чтобы понять, что заходить просто так в риндайскую чащу – это гиблое дело. Даже обычно безобидные лесавки здесь могли голосами заманить человека туда, откуда он уже не смог бы ни за что выйти, а уж о лешаках и говорить нечего было – эти живые воплощения леса могли мять железо, словно воск, и даже огня не всякого боялись. Читал Лит и том, что здесь водились ульвары, как их прозвали нортрандеи. Ульвар, или волчарник, считался волчьим королём, так как превосходил обычного волка во всём: в размерах, силе, уме и жестокости. Ульвар не считался ни с кем из зверей и нападал на каждого, и на человека тоже, даже если он и не был голоден. Волки следовали за ульваром, так как видели в нём своего вождя, но волчарнику нужна была стая только лишь за тем, чтобы было больше добычи. Волчий король вполне мог охотиться и один, и когда-то они населяли весь Северный Инафор. Гирт рассказывал своим ученикам, что в Хасгарде даже смогли приручить ульвара, чтобы ездить на них верхом. Лит испугался тогда при мысли о войне верхом на огромном волке...

Лошадь Лита Гевра понуро брела по дороге, иногда спотыкаясь о спрятанные в пыли камни, что заставляло её седока возвращаться мыслями в настоящее. Он прикоснулся ладонью к основанию головы животного и ощутил по лёгким покалываниям в кончиках пальцев, что его кобыла очень устала. Что Литу удавалось лучше всего, так это чувствовать эмоции других людей и животных. В отличие от всего остального спектра магических искусств, в этом Литу

действительно не было равных среди учеников Гирта Иссимарского. Лит мог видеть чувства так, словно бы это был свет определённых оттенков, и чем сильнее была эмоция, тем ярнее она выделась ему. А уж прикасаясь к живому существу, Лит и вовсе мог видеть ход его мысленных токов, но всё же он не мог читать мысли. Для этого требовалась большая колдовская сила и очень сложные заклинания, которыми Гирт пренебрёг обучить своих учеников. Но всё же, касаясь человека или твари, Лит словно бы оказывался в потоке, который движет тем, на кого Лит накладывал руки. Однако ему сложно было описать это умение словами. Многие в монастыре просили рассказать об этой его способности, но Литу нечего было толком ответить на эти просьбы – он просто мог видеть чувства, а другие люди – нет. Даже сам великий Гирт использовал для этого заклинания или зелья, в то время как Литу для этого нужно было лишь открыть глаза или протянуть руку.

Вот и сейчас Лит ясно видел инстинкты Гевры, которые говорили ей, что нужно искать отдыха. Перед глазами у него очень быстро пронеслась картина павшей лошади. Он вспомнил, что с того момента, как они выехали из Вылемы, они с Геврой ни разу не останавливались. Рано утром он покинул двор одного крестьянина близ городских стен, который с радостью дал ему переночевать. Он даже предлагал Литу снабдить его вдоволь припасами, но тот не взял, чтобы не отягощать себя лишней ношей. Крестьянин хорошо относился к братьям-лукрецианцам, так как местный риндайский священник дал ему развод с нелюбимой женой, что происходило не так уж часто. «Священная книга» Иосифа превращала развод в нарушение таинства брака, и уставы религиозных орденов всячески препятствовали тому, чтобы семейные союзы распались. Однако это всё же происходило, но только по весьма серьёзным причинам. Лит не стал интересоваться причинами развода крестьянина с его женой, посчитав, что это дело местного приходского священника, а не его.

Лит спешился и пошёл рядом с Геврой. Сухая пыль тут же осела на его одежде, но это не беспокоило Лита.

Внезапно в нём поселилось чувство неясной тревоги. Внутри него зрело ощущение опасности. И в какой-то момент он услышал полную тишину: птицы, шелест травы и деревьев – всё умолкло. Даже запахов теперь стало не слышно! Лит медленно закрыл глаза и, пытаясь очистить свой разум от растущей тревоги, увидел сквозь веки на фоне солнца два тёмных силуэта впереди. Они скользили к нему как будто бы против ветра: неспешно, но неотвратимо. Внезапно белая молния расколола небеса и ударила в эти силуэты. Оба дымчатых призрака оторвались от земли и уже в вышине рассеялись...

Лит поспешно открыл глаза и провёл рукой по лбу, мгновенно покрывшемуся испариной. Что это было? Прозрение будущего? Или прошлого? Было ли это на самом деле? Лит видел, что впереди на дороге никого нет, а позади...?

Резкий удар обрушил его наземь, кровь сразу застила ему глаза. «Хорош же прорицатель...», Лит слышал, как заржала и забилась Гевра, но кто-то закричал на неё, пытаясь ухватить за неумелую уздечку.

– Тихо, ты! Тупая скотина!

– Эй! Ты! Святоша, давай поднимайся! Разговор к тебе есть! – могучие руки взяли Лита за плечи и поставили на ноги, но поскольку сам он не был к этому готов, то чуть снова чуть не упал.

Когда ученик чародея наконец обрёл связь с землёй, а его глаза смогли снова видеть после того, как он кое-как протёр лицо пыльным рукавом, он смог получше рассмотреть тех, кто напал на него.

Это были внушительных размеров верзилы, одетые как крестьяне, но лицом больше походившие на разбойников. У того, кто держал Лита за грудки, кулаки были размером с голову телёнка, а глаза были налиты кровью. От него самого несло потом и дешёвой брагой. За поясом у него торчал ржавый мясницкий нож с широким лезвием, которым он пока что не торо-

пился воспользоваться, но Литу казалось, что это было ненадолго и бандит вскоре схватится за оружие.

К тому времени второй уже успел поймать Гевру и успокоить её, хотя она ещё нервно била хвостом. Её глаза метались в глазницах, а ноздри шумно раздувались.

Второй был одет в грязно-серую рубаху, подпоясанную крупной верёвкой, за которую была заткнута длинная дубина, лоснящаяся на солнце. Было видно, что её много раз пускали в ход: на её конце виднелись чёрные пятна от вьёвшейся крови. У него на ногах были надеты пеньковые штаны и обмотки на ступнях. Сам он был с нечёсаной чёрной бородой и всклокоченными волосами.

– Есть разговор к тебе, – повторил нападающий.

– Я слушаю, – кротко отвечал Лит, – только отпустите сначала меня, – он твёрдо посмотрел в глаза неприятеля.

Тот быстро оббежал глазами всего монаха и разжал руку, а после отошёл на шаг назад, но при этом он положил ладонь на рукоять ножа.

– Ты не шибко-то и богат, – кивнул он на Гевру.

– Если вы хотите забрать у меня что-то, то можете брать, но многого вы не получите.

– Это я вижу! Даже странно, что он дал за тебя денег...

– Кто дал денег? – быстро спросил Лит. Сердце бешено билось в груди, а взгляд постоянно наткнулся на нож. Он пытался придумать хоть что-нибудь, что могло бы помочь ему, но, как назло, ничего не шло на ум. «Хорошо, что учитель Гирт не видит!».

– Это неважно. Для тебя уже неважно. Он сказал, что ты опасен. Что ты колдун. А ты всего-то нищий монах, – бандит сплюнул на землю и потащил ржавый инструмент из-за пазухи.

– Нищий и глупый. И мёртвый к тому же... – он быстро замахнулся оружием на Лита, и пока ученик чародея застыл от ужаса, ожидая нелепой кончины, лицо бандита вдруг исказилось гримасой боли.

С поднятой рукой, с зажатой в кулаке рукоятью ножа головорез рухнул прямо под ноги Литу, а тот расширившимися от страха глазами уставился на того, кто только что хотел его смерти. Лит ухватил взглядом стрелу в спине своего врага. Прямо напротив сердца. Бандит был убит моментально.

Пока Лит разглядывал стрелу, спасшую ему жизнь, вторая, точно такая же, просвистела рядом и попала в горло бородатому. Наконечник вылетел наружу, порвав сосуды: вся грудь сразу залилась кровью, а земля перед раненым окрасилась в чёрный цвет. Сам бандит не мог издавать никаких звуков, кроме яростного хрипа. Он упал через несколько долгих мгновений и забился в конвульсиях, но вскоре затих и умер.

Лит так и стоял в оцепенении, почему-то сжимая и разжимая руки, словно бы хотел что-то взять. Он смотрел то на первую, то на вторую стрелу. Гевра, казалось, пыталась превратиться в каменный столб: как только первый человек упал, она дёрнулась было, но тут же замерла. Кобыла даже дышать от страха перестала.

Путешественник захотел проверить, жив ли ещё его противник, хотя тут и так всё было очевидно. Он взялся было руками за плечи нападавшего и попытался его перевернуть, но тот был слишком тяжёл.

– Можешь опустить его. Вряд ли он станет грязнее, чем был, – сказал кто-то спокойным, ровным голосом.

Лит быстро метнул взгляд на ту, кто это сказал.

Это была воительница в тёмном дорожном плаще, из-под которого выглядывала кожаная куртка со вшитыми пластинами из стали. За спиной у неё висел колчан со стрелами с чёрным оперением, а в руке был короткий лук. На поясе висел длинный меч в кожаных ножнах с рисунком, изображающим какого-то огромного змея. Она шла быстро, но звука её шагов Лит

странным образом не слышал, хоть и видел лёгкие клубы пыли, поднимавшиеся от её сапог. Сейчас монах мог расслышать разве что лишь стук собственного сердца.

– Опасная дорога, верно, а? – воительница приблизилась к монаху и остановилась в паре шагов перед ним. В её абсолютно чёрных, как южная ночь, глазах стояла насмешка. Её длинные воронные волосы были торопливо завязаны сзади в подобие узла, из которого выбилась несколько прядей, обрамляющих лицо со смуглой кожей и точёными чертами. На шее у женщины был тонкий еле заметный шрам.

Кажется, что она была в весёлом расположении духа и её нисколько не заботили те двое бродяг, что она только что убила. Весь её грозный вид внушал суеверный трепет и благоговение. Это было странно, но в тот миг Литу почудилось, что именно такие чувства должна внушать встреча если не с Богом, то уж точно с королём.

– От страха язык проглотил? – с прежней усмешкой спросила воительница, прикрепляя свой лук к колчану ремешками из грубой кожи.

Лит опустил тело, которое ещё держал на руках, и с подозрением посмотрел на свою спасительницу:

– Вы кто?

Она немедленно вскинула брови:

– Вот уж не думала, что теперь за спасение жизни платят невежливостью!

– Простите, простите, вы правы, если бы не вы, моя душа уже отошла бы к Господу, – он смиренно опустил голову, – моя благодарность велика, и везде, где бы ни был, буду молить Бога о том, чтобы не оставил вас в беде! – он молитвенно воздел руки к небу в подтверждение своих слов, но на его спасительницу это никак не повлияло.

– Щедро, – по-прежнему улыбаясь, проговорила воительница, – но это лишнее... Достаточно будет назвать себя и цель своего пути. Но сперва, так и быть, представлюсь я, – она предупредительно подняла ладонь, чтобы Лит не влез говорить прежде неё. – Я Инария, воин на службе у Григория из дома Клеонов, Хранителя Запада. А это мой меч Заступник, – она мягко положила ладонь на рукоять клинка. Лит не был уверен, но кажется, с такими мечами можно было орудовать одной или двумя руками, из-за чего они очень ценились мастерами.

– Теперь ты! – воительница повелительно ткнула пальцем левой руки в Лита. Вся насмешливость слетела с неё в миг, когда она представляла себя и своего господина. Сейчас Инария надменно взирала на путника сквозь каменную стену угольных глаз.

– Меня зовут Лит, я – монах-послушник из Илларионовой обители, и я направляюсь к месту основания своего ордена, в Варийскую долину, дабы поклониться святым мощам первых братьев ордена, – он низко склонился перед Инарией.

– Паломник, значит, – задумчиво проговорила воительница, – редко их нынче встретишь на этой дороге.

– Почему же?

– Бандиты, – отвлечённо ответила Инария, но в её ответе Литу почудилась принуждённость. Он ощутил это лёгким изменением внутри себя. Гирт говорил, что так чародей может чувствовать недосказанность в чужих ответах. Или ложь. Но Литу почему-то хотелось верить своей новой знакомой, поэтому он пока что отбросил лишние подозрения.

– Значит, ты идёшь в варийский монастырь, верно? – в это время Инария повернулась к Литу спиной, чтобы вынуть стрелы из тел. Она придирчиво оглядела наконечник каждой стрелы и тщательно вытерла их от крови об одежду бандитов, а после вернула в колчан к остальным стрелам. Всё это она проделала, отвернувшись от монаха, но Лита не покидало чёткое ощущение того, что если он попробует неосторожно дёрнуться, то он и в самом деле познакомится с Заступником.

– Совершенно верно, милостивая государыня...

– Пожалуй, что нам по пути, – она внимательно посмотрела ещё раз на Литю, – ты же не будешь против сопровождения? Кажется, что оно тебе не помешает...

– Длинную дорогу всегда приятнее коротать в доброй компании, – Лит был совсем не против того, чтобы его сопровождал опытный воин, особенно после того, что только что произошло. Нападение этих бандитов было тревожным знаком. И, судя по всему, некто велел им напасть именно на него, значит у кого-то неведомого есть причины желать Литю гибели... Да этот кто-то ещё и знает, что Лит чародей вдобавок. Но кто бы мог это быть, позвольте на милость узнать?

Ещё это видение перед самой атакой головорезов... Два дымчатых силуэта были нападавшие, вне всякого сомнения, а белая молния – это стрелы Инарии или сама Инария. Лит получил знак свыше, что он будет спасён, но, не получив достаточно времени, чтобы истолковать знамение, он получил спасение. Кажется, что Господу было угодно, чтобы он шёл с Инарией.

Инария, удовлетворившись ответом монаха, издала тонкий свист, похожий на песню лесной птицы. Из-за поворота, который Лит проехал чуть ранее, показался конь серой масти. Не успел монах удивиться скорости его появления, как тот уже стоял возле Инарии, позволяя ей взобраться на себя. Она похлопала его по шее, отчего конь довольно фыркнул и ударил копытом.

– Это Эрго, один из лучших коней всего Запада! – не без гордости произнесла воительница.

Рядом с Эрго Гевра выглядела крестьянской простушкой. Она косилась на коня беспокойным взглядом из-под своих тяжёлых век и боялась подойти. На Эрго была отличная сбруя из кожи с чёрным отливом. Позади седла были две перемётных сумы, к которым были приторочены несколько кинжалов с одной стороны и ещё один колчан со стрелами – с другой.

Лит решил не взбираться на свою кобылу, памятуя о том, что она ещё недавно изнывала от усталости, и он сообщил спутнице о своём намерении идти пешком рядом с Геврой.

– Да, хорошая идея, отдохнуть ей не помешает, – Инария поглядела на Гевру так, как будто бы только что заметила её, – идти нам недалеко, здесь рядом есть деревня, там можно передохнуть.

– А что с ними? – Лит посмотрел на тела убитых бандитов.

– Сообщу привратнику у ворот в деревню, чтобы отправили людей прибрать их, – она ответила простодушно и двинулась в путь без дальнейших предисловий. А Лит, успев только подумать о душах несчастных, вынужден был последовать за ней, чтобы не отстать.

Через некоторое время Лит, ещё не вполне доверяя Инарии, осторожно спросил у неё:

– Ты сказала, что ты из людей Григория Клеона? Каков князь из себя?

Инария не спешила с ответом, но, наконец, пришла к какому-то соглашению внутри себя:

– Князь Григорий один из мудрейших и благороднейших людей из всех, что я встречала. Я служу ему не по зову власти или золота, а по зову сердца. Я верю, что именно такие люди, как светлейший князь, должны стоять во главе народа и страны.

Лит подивился такому искреннему ответу, но посчитал, что так, наверное, и следует говорить воину про своего господина.

– Я слышал о том, что он честен со своим народом. В окрестных деревнях о нём плохого не сказывают.

– Это точно! – с неожиданным жаром подтвердила Инария, – светлейший князь берёт с крестьян налога столько, сколько они могут заплатить, и щедро помогает им в годы засух и неурожаев. За это люди любят его и с гордостью отдают своих сыновей на княжескую службу!

– Только ли сыновья местных крестьян идут к нему на службу? – лукаво спросил монах. Чуть более лукаво, чем сам того хотел, ведь устав ордена запрещал задавать окольные вопросы.

– Если ты спрашиваешь обо мне, то я не из этих земель. Моя родина находится далеко к югу отсюда, и я покинула её давным-давно. Я была во множестве стран и видела множество правителей земель, многие из них не заслуживают даже жизни, а не то что правления.

– Ты слишком строга к ним, – миролюбиво заметил Лит. – Единый каждому народу дарует того царя, которого он заслуживает.

Но его слова неожиданно заставили Инарию засмеяться жёстким, неприятным смехом:

– То же самое я слышала от множества глашатаев на множестве площадей. Извечная история! Если мой король тиран, значит, в этом только моя вина. Веками об этом твердят по всему Инафору людям, и на островах то же самое! Я считаю иначе! Люди не должны слепо повиноваться своим государям! Сами должны решать свою судьбу, а не уповать на милость людей, чьи предки когда-то стяжали себе славу и право распоряжаться своими соседями и передали его своим потомкам, которые, может, и не умеют ничего, кроме как бахвалиться своими пёстрыми родословными!

– А что князь Григорий Клеон думает обо всём этом? – Лит продолжал удивляться тому неожиданному пылу, с которым говорила Инария, но он посчитал, что указывать ей на это было бы невежливо, особенно после того, как она только что спасла ему жизнь.

– Светлейший князь согласен со мной, что править народом должны достойнейшие! Что править должно не по праву рождения, а по праву личной чести. Правитель должен завоевать любовь народа и тогда люди с благодарностью примут его правление и не оставят его даже после смерти. Даже после его смерти. Вспомни, монах, о ком поют песни в полях, и кто были эти люди, и есть ли среди них хоть один тиран?

– Совсем немного, пожалуй, что и вовсе никого. Но так ли много владык с чёрными сердцами? Я верю, что Создатель всеведущ и ведёт по пути благодати каждого из нас, а тех, кто спотыкается и сходит с этого пути, настигнет жестокая кара на Страшном Суде.

– Все получают по заслугам, это верно, только вот страдания простых людей сложно унять этим.

– Вера исцелит любую рану и любую скорбь. Людям нужно верить и вести праведную жизнь, тогда Царь Небесный восставит царства земные на благо народов.

Инария воззрилась на Лита с искренним любопытством:

– Видно, что крепка твоя вера.

– Только Всевышний может судить о крепости веры того или иного человека. Перед Его волей я преклоняюсь, – Лит молитвенно поднёс руки к груди и искренне обратился лицом к небу.

Они помолчали немного и Инария медленно начала вновь:

– Это всё едино, я всё равно считаю, что люди должны сами взять в руки свою судьбу. Для меня праведник тот человек, кто с оружием в руках отстаивает право слабейших, а не тот, кто предпочитает слепо подчиняться и надеяться на святое искупление.

– Каждому по делам его, – проговорил монах. – Может быть, ты и права, не мне судить тебя! На Страшном Суде мы все узнаем, что правда, а что нет.

– Какой же ты терпеливый, – улыбнулась Инария. – Согласен ждать смерти, чтобы обрести истину. Это не по мне, я желаю обрести её сейчас. Но пусть будет по-твоему, монах Лит! Дождёмся Страшного Суда и узнаем, кто прав, а кто нет. Тем более, что мы уже приехали, – внезапно закончила она.

Только тут Лит заметил, как дорога впереди вильнула и перед ними появляются массивные деревянные ворота, по обеим сторонам от которых шёл внушительный частокол.

Деревня Пороговая стояла на берегах реки Горлицы, которая была притоком могучей Карны – западной границы Энелии. Деревня так прозывалась оттого, что в своё время строилась как пограничный пост между двумя государствами, но со временем, удачным более для энелианцев, чем для её соседей, граница отодвинулась на запад, к Карне.

Пороговая была обнесена со всех сторон высокими укреплениями, оставшимися с тех времён, когда это была ещё пограничная крепость. Её мощные ворота хранили покой местных жителей. Хоть граница и отошла на запад, в деревне по-прежнему располагался небольшой гарнизон королевской стражи, набранной из сельчан данной местности. Помимо охраны государевых рубежей жители Пороговой занимались также обширной ловлей рыбы, которая торговыми караванами расходилась по всей Западной Чети.

Помимо ловли рыбы среди промыслов местных жителей было: строительство лодок и речных судов, вязание сетей, бондарство и ещё изготовление изделий из дерева. Поделки мастеров по дереву Пороговой были широко известны по всему Риндаю, а иногда караванщики привозили их даже и в другие города. В келье Литы в монастыре стояла деревянная статуэтка святого Доминиана, которая, судя по клейму, была изготовлена местным мастером.

Ворота в крепостцу были закрыты, а наверху их, в небольшой галерее, стояли два воина в доспехах королевской стражи. Они были вооружены луками и копьями, но сейчас их оружие не очень интересовало: стражники смотрели на небольшого человечка в драных лохмотьях перед воротами и хохотали:

– Эй, Картир! Может, ещё вина?!

– Мил-государь, с превели-иким удовольствием! – еле выговаривая слова пролепетал этот болезный малый.

Один из стражников исчез за частоколом, но сразу же появился, а в руке у него была деревянная кадка с водой, которую он тут же опорожнил на голову бедняге.

– На, пей!

Картир после такого «питья» опустил на четвереньки и начал трясти головой, как собака. После он повернулся к дороге, и Инария с Литом увидели, что рот у него раскрыт до ушей. Он заходился в смехе и не был в силах выговорить ни слова. Он попытался было встать, но после первой же попытки рухнул на дорогу и, развернувшись головой к воротам, заснул с улыбкой на лице.

Стражники заметили подъезжающих путешественников, и один из них, тот, что раньше только смеялся, закричал кому-то вниз:

– Открывай, Егор! Инария из Стального Ручья едет!

Ворота начали открываться, и путники прошли в деревню. Лит удивился было, что их так легко пропускают, но сразу понял, что его спутница, должно быть, часто здесь бывает. Инария даже не посмотрела на лежащего внизу Картира, только лицо её приняло брезгливое выражение, а Лит поглядел на пьянчужку с любопытством, но также прошёл мимо, не тревожа его.

Как только они миновали первые ворота, то очутились в небольшом дворе, также обнесённом со всех сторон частоколом, только уже поменьше. На противоположной стороне были такие же ворота, как и те, что они прошли, но вторые были распахнуты настежь, и сквозь них было видно широкую сельскую улицу, мощённую камнем, видно, поднятым со дна реки.

Во дворе было несколько стражников с копьями и мечами. Дорогое было удовольствие – вооружать ратников стальными клинками, но перехода на мечи с привычных секир и бердышей советник Гирт добился ещё в ранние годы правления короля Василия, сменившего Павла Второго. Мечи были намного обременительнее для казны, чем дедовские топоры, но чародей и государь на пару рассудили, что затраты на королевскую стражу в будущем окупят себя с лихвой.

Все воины были в кольчужных панцирях, а вместо курток под ними были лишь белые рубахи из толстого сукна. На их головах были надеты шлемы с острым наверху, похожим на наконечник копья. Из-за жары по лицам стражников струился пот, и они иногда прикладывали к кринкам с молоком.

– Доброе утро, госпожа Инария, – к ним подошёл один из воинов, и Инария сразу спешила. Стражник был коротко стрижен, даже ещё короче, чем требовалось по суровым монаше-

ским уставам, а ведь служивое сословие было освобождено от повинности стричь волосы, из-за чего у многих ратников локоны опускались до плеч, что помогало им при ношении тяжёлых шлемов.

– Доброе утро, Егор, сын Никула, – приветливо улыбнулась Инария, – хотя время уже близится к обеду.

– Это верно, наверняка на постоялом дворе уже поспевают суп, – у Егора, сына Никула, была подвижная голова на тонкой шее и запавшие глаза. Если бы не короткая борода и наличие массивной кольчуги, то Лит подумал было, что перед ним брат-монах. Так сильно от Егора веяло вдумчивостью и спокойствием. Остальные воины напоминали ленивых черепах, которых солнце загнало под панцирь, а Егор, который отворил им ворота, был готов послужить ещё.

– Суп – это хорошо, надеюсь на кислые щи, это было бы самое то при таком солнцепёке.

– Это уже к корчмарю, – засмеялся Егор. – Как там поживает светлейший князь Григорий? Как княжна Елизавета здравствуют?

– И князь, и его дочь чувствуют себя прекрасно, благодарю, Егор, за участие. Наследница Елизавета вскоре поедет в Крестовицу, так что ждите княжну в гости.

– Её милость за новыми платьями на Юг хотят пожаловать?

– Да, выбор шёлка в Крестовице шире, чем в столице, поэтому княжна едет туда.

– Что же, всё правильно. Выбирать меха в Калантире, а шёлк в Крестовице. Княжна Клеон мудра, – вполне серьёзно заметил Егор.

– Это точно, – в коротком ответе Инарии Литу опять почудилась недосказанность. – Можешь кликнуть десятника, Егор? Мне надо передать ему сообщение.

– Будет исполнено, милостивая государыня, – и воин тотчас позвал воеводу.

Из внутренних дверей на крик стражника вышел десятник. На нём не было доспехов, но вместо них надет жёлтый кафтан – знак его звания. При нём также не было никакого оружия, а его руки были по-начальственному упёрты в бока. Он внимательно осмотрел прибывших путников и велел Егору закрыть ворота, что и было тотчас же исполнено.

– Какой приятный молодой человек, – пробормотал монах про себя. Лит не был искушён в общении с ратниками, но предполагал, что королевскую стражу составляют простые крестьянские сыновья, но этот страж ворот совсем не вписывался в представления Лита об эне-лианском войске.

Инария быстро направилась к десятнику, который сам не торопился подойти к путникам. Лит, взяв и Эрго, и Гевру под уздцы, остался стоять неподалёку. Вскоре воительница вернулась, а десятник ушёл за стену казармы. Лит не успел толком разглядеть лицо воеводы из-за слепившего его солнца и из-за того, что разговор с Инарией длился не больше одной минуты.

– Десятник отправит людей позаботиться о телах на дороге, я ему сказала о них. Они ещё обыщут ближайшие леса, поищут других бандитов.

– Думаешь, что есть и другие?

– Я ничего не думаю, я знаю, что могут быть и другие, – Инария взяла Эрго себе и пошла в деревню, не говоря более ничего. Лит вынуждено поспешил за ней.

– А что это был за человек перед воротами?

– А, это... – рассеянно начала Инария, – обыкновенный пьяница. В местных землях не терпят такого и изгоняют их из поселений на время, чтобы научились хоть чему-то. Если это не помогает, им ставят клеймо на правой руке и выгоняют насовсем.

– Я слышал, что в иных странах на юге за пьянство вешают, это правда?

– Да, иногда вешают. Но чаще топят в вине или вспарывают живот и заливают его внутрь.

– И как это помогает?

– Не очень я думаю, ведь такие казни там постоянно проходят. А их проводят уже давно. Люди ничему не учатся.

– Но тут, похоже, за пьянство не наказывают столь строго, да и люди здесь приятнее. Справляются о здоровье Хранителя Чети и его родных.

– А, это обычное дело здесь, – Инария неопределённо махнула рукой, и Лит понял, что воительница хочет поскорее дойти до постоянного двора.

Они шли по богатой улице мимо больших деревянных домов с мастерскими и торговыми лавками. Торговля, видимо, шла бойко, ведь все избы выглядели очень нарядно, и каждая из них был не меньше двух этажей. Инария шла быстро, потому Лит не мог подолгу останавливаться перед каждым жилищем, как того хотел, хоть там и было на что посмотреть.

Купеческие хоромы заметно отличались от привычных рыбацких хат тем, что были изукрашены дорогой краской и живописными узорами. В дороге Лит обычно внимательно изучал дома местных жителей и даже иногда делал короткие записи о наиболее примечательных диковинках на полях «Истории» Велерана.

По обрывкам разговоров, долетавших отовсюду, Литу стало ясно, что в селении совсем недавно прошла ярмарка, которая закончилась весьма удачно для местных торговцев. Они сейчас подсчитывали прибыль и думали о том, как встретить следующую ярмарку, которая должна была открыться совсем скоро в Вылеме.

В корчме, куда путники зашли, оставив своих лошадей снаружи на конной привязи, тоже только и разговоров было, что о прошедшей ярмарке. Но многие помимо этого спорили также и о том, будет ли граф Мелинир Кафр покупать лес в округе, который принадлежал местной общине.

Один селянин начал громко говорить о том, что вчера самолично слышал от писца из Цветоречья – графского поместья, что в гости к Кафру чуть ли не ежедневно ходят от старосты Пороговой и вроде бы всё шло к тому, что граф будет покупать лес. Этот же кабачный глашатай начал говорить, что граф будто бы намерен продавать пороговский лес князю Клеону, что тому нужно укреплять крепости в Савре и Белегорне – землях, лежащих к северу и северо-востоку от Риндая.

– Крепости укреплять, вот-те нате! Кабы не было войны... – кто-то сказал негромко, да настолько негромко, что все его тут же услышали.

При этих словах многие начали коситься на Инарию. В округе все знали, кому она служит. Во взглядах людей начала проглядывать тревога.

Инария рассерженно отвернулась от зала и яростно зашептала:

– Вздорные базарные бабы! Нет, они хуже! Нет ничего хуже судачащего мужичья! Не успокоятся, пока всем кости не перемоят, и плевать, есть ли хоть одно слово правды в том, о чём они болтают!

– Думаю, для них это действительно важно, – миролюбиво начал Лит, – они же живут этой торговлей лесом, делами крупных землевладельцев.

– Всё равно, это не даёт им право пялиться на меня!

Тут им принесли заказанные кислые щи, тарелку со свежим хлебом и кувшин с холодным красным вином. Лит, разламывая хлеб, увидел в окно, как двое молодых крепких сельчан подносят сено к яслям.

– Что-то я не слышала о том, что у светлейшего князя есть какие-то дела с Мелиниром Кафром, – задумчиво проговорила вдруг Инария. Она водила ложкой по миске, но, казалось, что пища её нисколько не волнует.

Монаху стало любопытно, что в этих краях делает человек князя, вряд ли Инария была послана просто так объезжать окрестные земли. Лит не спросил у неё с самого начала, куда она следует и зачем, потому что больше думал о тех двоих, что были посланы покончить с ним, а сейчас ему не хотелось беспокоить расспросами о её делах. Он вспомнил вдруг о том, что ему надобно бы посетить местный храм, так как у него совсем не осталось средств на дорогу: последние его гроши должны были уйти за этот обед. Да и выказать почтение местному свя-

щеннику не помешает. В Вылеме он не посетил храма и после пожалел об этом, подумав, что надо будет впредь посещать все храмы ордена на пути.

– А кто он такой этот Мелинир Кафр? – спросил Лит, попутно усиленно работая ложкой.

– Я слышала, он из благородных людей, предки его сражались за Крестовицу в ирманских войнах. Говорят, что Линдар Кафр первым взобрался на стену Крестовицы и потому получил от короля Аристарта титул графа и поместье в Западной Чети, в Риндае, как раз недалеко от того места, где мы сейчас.

– Они и сейчас ему принадлежат? Обычно на границах поместий и вотчин стоят дорожные знаки, предупреждающие путников о том, в чьи земли они въезжают.

– Кафры были намного более успешны в ратных трудах, чем в торговых. Ни один из них не преуспел в землевладении, они просто не смогли толком управляться с поместьем. Поэтому часть земли и была продана, раньше когда-то и Пороговая была собственностью Кафров, но теперь уже нет. Насколько я могу судить, Мелинир – первый Кафр, который смог хоть как-то вести дела.

– А где располагается имение Кафров?

– Мы завтра будем мимо проезжать, как только выедем из Пороговой. Оно здесь недалеко.

– На левом берегу?! Но ведь тогда это было опасно!

Инария усмехнулась:

– Линдару Кафру было плевать на всякие опасности. Раз король дал ему землю на самых рубежах, значит, он должен эти рубежи охранять! Вот он и выстроил себе дом на самом краю своих земель, на левой стороне Горлицы, где тогда никто не жил из-за постоянной вражды с игносийцами.

– Я читал в летописях, что игносийцы – безжалостные воины и сурово мстят за нанесённые им обиды.

– Жадные до золота головорезы – вот кто они, – отрезала Инария, – я была в империи и тогда, когда у нас была вражда, и тогда, когда у нас установился мир, если это можно назвать миром. Всё, что их интересует – это новые завоевания, новые провинции, откуда можно было бы бесконечно грести золото! Они презирают нашу свободу и наш образ жизни. Считают, что только на войне место достойным людям, но главные их военачальники живут в роскошных дворцах и ведут бесконечные пиры! А то, что все пророки являлись миру только в игносийской стране, доводит их гордыню просто до исступления! И чего удивляться этому, когда они завоевали добрую половину Инафора! По их мнению, все остальные народы должны присягнуть им на верность, так как на то есть прямая воля Господа! Их церковь не устаёт об этом напоминать в своих проповедях! Не зря же Он посылал своих пророков только к игносийцам!

– Пусть пророки появлялись в империи, но ходили они повсюду и Слово Божье тоже несли повсюду. Ни один из пророков не проповедовал власти единого государя, наоборот даже, пророк Илия говорил об отказе от великого земного владычества. Великий царь может быть только один, и он на Небе, – так проповедовал Илия. Иосиф и вовсе родился в Халкидии, которая в ту пору постоянно бунтовала против имперской власти, а Исмаил, чтобы ни говорили злые языки, всегда ставил Господа на первое место, и в первую очередь он был великим пророком, а уже во вторую – полководцем.

Инария замолчала и начала думать о чём-то своём, продолжая мучить тарелку с супом.

После того, как было покончено с обедом, Лит встал из-за стола, поблагодарил хозяина корчмы за вкусный обед, отдал ему все свои монеты и пошёл в местный храм. Инария же отправилась обратно к воротам. Ей о чём-то нужно было поговорить с десятником. Монах и воительница договорились встретиться чуть позже, здесь же, чтобы наутро продолжить совместный путь.

Глава третья

Обратная твердыня

Солнце уже начало клониться к западу, когда Лит подошёл к храму Пороговой. Это был дом из выбеленного камня с массивными резными воротами из риндайского вяза на входе и длинными окнами с цветными витражами. И ворота, и витражи выглядели весьма искусно сработанными. Было видно, что на храм не пожалели денег при строительстве. Над двускатной крышей храма возвышалась квадратная башня, которую венчал колокол. Храм был самой высокой постройкой во всей деревне и единственной – из камня. Он даже возвышался над липами, которые окружали Пороговую, так что дом Господа можно было увидеть издали.

Двери в храм были открыты, а послушники в монашеских рясах, подобных той, что была надета на Лите, старательно намывали полы. Из-за чистоты храм изнутри казался ещё более красивым, хотя внутри он почти не был украшен фресками, как было принято в Ланаре и землях вокруг него.

Лит прошёл через раскрытые двери, и навстречу из глубин храма ему сразу вышел человек в белой льняной одежде.

– Красивый храм у вас! И видно отовсюду. С Божьей помощи простоит не один век! – Лит верно рассчитал, что перед ним настоятель храма, и решил сразу выказать ему своё восхищение приходом. Обычно настоятели, да и вообще все святые отцы ордена, рядились одинаково, но в некоторых местных храмах царили свои порядки, на которые владыки смотрели неодобрительно, но до поры – не порицали.

– С Божьей помощью всё произойдёт, – он ответил слегка рассеянно, пристально изучая путешественника. – Спасибо за добрые слова. Ты Лит, верно? – настоятель запоздало улыбнулся в ответ на Литовы слова о его храме.

– Да, следую из Илларионовой обители в Варийскую долину.

– Верно, к Столпам Лукрециана. Я – Варнава, глава этого прихода. – Варнава был уже седым старцем с живыми глазами и заострёнными чертами лица. Чем-то он неуловимо напоминал старого лиса, только не гораздо на хитрые уловки, а скорее наоборот – полного спокойствия. – Мне пришло письмо о тебе из твоего монастыря. Пойдём со мной, сын мой.

– Конечно, святой отец.

Варнава жестом велел послушникам затворить ворота, и после они с Литом прошли через храм к лестнице наверх, скрывающейся за алтарём. Лит подумал сперва, что Варнава предложит ему прочитать молитву, но настоятель прошёл мимо алтаря и даже не поглядел на него.

– Ты устал с дороги, верно?

– Немного. Но уже успел чуть отдохнуть и набраться сил на постоялом дворе. С Инарией... С воительницей князя Клеона... Мы встретились по пути... – почему-то Лит начал сбиваться, и Варнава ещё раз внимательно взглянул на него.

– Я уже слышал о том, что вы приехали вместе. Мне передали и сообщение, что ныне приехал монах из ордена. Так что, как видишь, мне сообщают почти что о каждом твоём шаге, – священник улыбнулся.

Они поднялись наверх по винтовой деревянной лестнице, и через коридор Лит попал в кабинет храмового владыки. Тот мало чем отличался от кельи обычного монаха, разве что здесь стоял дополнительный письменный стол с кипой бумаг на нём. Напротив стола был маленький, личный алтарь, который венчала икона пророка Иосифа. Над иконой на стене висел небольшой золотой щит, а на нём было изображено пламя с тремя длинными языками до самой верхней части обруча. Это была игвила – символ веры в Единого. На груди у Варнавы на цепочке был такой же знак, только из серебра, а не из золота.

Варнава обратился лицом к алтарю и спросил:

– Желаете помолиться?

– Да, как раз за этим я и здесь, – Лит действительно был именно за этим здесь.

Варнава слабо улыбнулся и жестом пригласил Лита к алтарю. Они оба встали перед ним на колени и вместе начали молитву. Помимо молитвы за здоровье государя и Инарии, Лит также просил Создателя о даровании долгих лет своему наставнику Гирту, который в последнее время начал терять интерес к жизни и всё больше рассуждал о неотвратимости смерти.

Слова молитвы гулко отдавались у паломника в голове. Под её конец Лит слышал звон в ушах, который заглушал его внутренний голос. Внезапно он будто бы провалился, и ему предстало видение леса, древнего и тёмного, с тысячами троп, спрятанных под густыми кронами, сквозь которые едва пробивался луч солнца.

Лит погрузился целиком и полностью в видение. Оно омутом захлестнуло его сознание. Он перестал видеть, перестал слышать, перестал чувствовать. Он шёл по этим тёмным тропам не один час и нигде не находил следов ни людей, ни зверей или птиц.

Воздух был тяжёлый и плотный, и им было очень тяжело дышать. Грудь Лита как будто сдавили жестяными обручами. Тьма, царившая вокруг, была осязаема и чёрной взвесью окутывала всё вокруг, поглощая и без того слабые проблески света...

Наконец Лит набрёл на курган посреди леса. Над ним не смыкались деревья, поэтому его можно было рассмотреть, как следует. На его вершине была поставлена мраморная статуя конного воина с поднятым вверх копьем и с короной на голове, но само оружие было обломано, а лицо статуи было кем-то нарочно сколото.

В основании кургана Лит увидел каменную плиту, а на ней древние знаки, которых он никогда не видел. Они напоминали сочетания узоров с множеством затейливых завитушек. Буквы шли непрерывно и складывались в длинные слова, понять смысл которых совершенно невозможно. Когда Лит захотел прикоснуться к плите, то с неба в статую ударила молния и вспышка света поразила воина прямо в чело. Голова, охваченная пламенем, ослепила Лита. Он смог открыть глаза.

Морок пал, и Лит понял, что наваждение длилось не многим больше, чем несколько мгновений. Рядом на коленях стоял Варнава и всё ещё тихо произносил слова молитвы, а у Лита уже не было сил продолжать. Эта молитва не принесла ему душевного успокоения, как должна была. Она принесла ему только новые тяжкие думы и тревоги.

Это было видение, несомненно, это было оно! Второе за день! Но каково было его значение? Литу недоставало ни знаний, ни мудрости, чтобы толковать предсказания. Особенно такие... Ученик чародея даже не мог понять, какие такие видения.

В этом деле мог бы помочь его учитель, но он был так далеко... Лит испытал горечь от того, что не может поделиться увиденным с тем, кто мог бы объяснить, что к чему. Монах подумал было рассказать о видении Варнаве, но после некоторых раздумий решил остеречься и не говорить ему об этом.

Видение оказало на него слишком большое влияние, Лит разволновался и едва смог скрыть от настоятеля своё душевное смятение, но, кажется, что тот всё равно что-то заподозрил. Возможно, Варнава и мог бы помочь Литу, если бы тот поделился с ним, но Лит пока решил всё сохранить в тайне и сам всё обдумать. Наспех попрощавшись с Варнавой, Лит с потяжелевшим кошельком, которым его снабдил настоятель храма, отправился обратно в корчму.

Солнце уже коснулось горизонта, когда Лит вернулся обратно на постоялый двор. Он проверил отдохавшую Гевру и зашёл внутрь. Зала гудела от постояльцев. Темы были те же, что и днём: рыбалка, промыслы, Мелинир Кафр.

Инария сидела в самом тёмном углу и что-то выпивала из высокого кувшина. Лит не видел её лица, а узнал по дорожному плащу и мечу на поясе, который она не сняла даже здесь – в безопасной и охраняемой деревне.

– Как поход в храм? Завёл новых друзей?

– Более чем успешно, – уклончиво ответил Лит. – А у тебя как прошло у ворот?

– Не так хорошо, как я рассчитывала, – Инария задумчиво посмотрела на толпу вечерних гуляк, обсасывающих последние слухи. – Тела пропали с дороги, кто-то забрал их. Люди десятника никого не нашли.

– Но кто их мог забрать?

– Тот же, кто и послал их, – Инария выразительно посмотрела на Лита. Она подвинула кувшин к монаху, в нём оказалось вино.

В её глазах плясали опасные огоньки, хотя, может, это был всего лишь отсвет огня в печи неподалёку. Но всё равно Лит смутился, так как не обмолвился Инарии о том, что ему сказали напавшие на него люди, что кто-то заплатил за жизнь монаха. Хотя воительница вполне могла бы слышать их разговор самостоятельно. Бандиты говорили не так уж и тихо, чтобы их нельзя было расслышать из лесу.

Вместо этого Лит решил спросить другое и попытался сменить тему разговора, но сделал это крайне неумело:

– Так какое дело ведёт столь прославленного воина из Стального Ручья?

– Лесть не поможет тебе проникнуть в дела светлейшего князя. И не так уж я прославлена, я предпочитаю скрываться от славы.

– Почему? Разве ты не мечтаешь о том, чтобы о тебе пели песни и складывали легенды?

– До досужих баек крестьянства мне дела нет, – лицо Инарии приобрело скучающее выражение. – Пусть рассказывают и поют, что хотят. Сила всегда привлекает страждущих. Если я стану вмешиваться во всё, что происходит вокруг, то могу привлечь внимание тех, кого совсем не следует беспокоить.

– Разве это останавливало героев древности? – Лит всё ещё пытался придумать что-то получше для разговора, но у него не выходило ничего путного, а Инарии, как казалось, было всё равно.

– Мало кто из них умер своей смертью, и совсем мало из них знали счастье в жизни. Только испытания и битвы. Это не мой удел.

– А каков он, твой удел?

– Служение истине и справедливости, и людям, что их олицетворяют. Я не ищу подвига, я ищу правды. Я не ищу встреч с чудовищами.

– Благородная цель. Думаю, её же преследовали многие из героев древности. Я и представить себе не могу, что человек рождается и его всенепременно тянет совершить подвиг, – тут Лит позволил себе улыбнуться. – Честный человек всегда хочет помочь другим, и те люди, кому он помог, благодарят его за это, называя его помощь подвигом. Ты говоришь о чудовищах, но разве герои убивали их просто ради славы? Разве монстры не разоряли поля и деревни, не жрали скот? Ты могла бы остаться в стороне, когда бесчинствует зло? Я думаю, что нет.

Лит замолчал и ждал ответа от Инарии. Наконец, она сказала:

– Приятно, что ты обо мне настолько хорошего мнения, – она оглянулась на окно. – Если ты называешь подвигом стремление к истине, то тогда, наверное, я и есть герой, хоть и не стремлюсь к этому. Но пора уже и героям отойти ко сну, – Инария резко встала и, пожелав Литу доброго сна, отправилась на верхний этаж в комнату.

Монах не мог не заметить, что она так и не ответила на его вопрос, что же она преследует в своём походе. Думая об этом, о том, кто послал к нему убийц, о сегодняшнем видении во время молитвы, Лит не заметил, как крепкое вино ударило ему в голову, и он снова обрушился во тьму. Но это был всего лишь сон. Сон, где он был в зале с дверьми, которых не мог отворить, и с потусторонними голосами, которые доносились из тёмных углов. Во тьме появилась фигура, и Лит так испугался, что проснулся на столе, залитом вином. Вспомнив бедолагу Картира, которого выставили из деревни за пьянство, Лит тоже отправился спать.

На следующее утро путешественники рано отправились с постоялого двора. Миновав деревянный мост, они оказались на западном берегу Горлицы и в старых владениях игносийцев.

Этот берег раньше был восточным окончанием провинции Ремар, что являлась частью огромной империи Игноса. Земли левого берега не были заселены пришельцами из внутренних провинций империи, но консул Ремара ревностно соблюдал нерушимость своих границ.

Консул отправлял солдат стеречь рубежи, а те, безгугя добрососедским отношением к энелианцам, нередко переправлялись через реку и грабили риндайские деревни на восточном берегу. Король Павел Второй не мог снести такого оскорбления и начал приготовления к войне. Государь поручил своему верному советнику Гирту разработать план войны против империи, и чародею удалось справиться с этой задачей, которая всем прочим при дворе показалась непосильной.

Война между двумя великими странами шла долго и тяжело, однако – жестокий позор всем игносийским владыкам – империя не смогла одержать ни единой достойной победы. Лишь после того, как игносийцы растеряли на полях сражений всю свою восточную армию, император Игносии заключил вечный мир с Энелианским королевством, согласно которому провинция Ремар потеряла внушительную часть. Король Энелии победил в войне сильнейшую державу в мире, а император отделался лишь небольшой – по меркам Игноса – территориальной уступкой. Все остались довольны таким исходом, кроме консула провинции Ремар.

Проезжая по тракту, Лит думал об истории этих мест и о том, много ли воинов прошло той же тропой в те суровые времена, по которой они едут сейчас. Инария была не особо разговорчива, и Лит решил лишний раз не донимать её скучными беседами об истории.

Небо оказалось затянуто тяжёлыми тучами с самого рассвета. Стояло утро, но было темно как в вечерних сумерках. В ветре ощутимо пахло грозой. Путники проехали поворот на Цветоречье – поместье графа Кафра. У дороги стоял знак, предупреждающий о том, что дальше начинаются ленные владения графа, так что без лишней надобности сюда лучше не заезжать. Путь шёл в гору, на вершине которой стояло само Цветоречье, но из-за темноты неба его едва было видно, и путешественники не стали останавливаться у развилки дороги, а поехали себе дальше.

– Если разразится дождь, то в Столпы Лукрециана мы попадём только завтра, – заметил Лит, глядя на чёрные тучи, медленно напирющие на них с севера.

– Дождь разразится в любом случае, не нужно быть учёным монахом из цитадели, чтобы понять это. Дорога здесь крепкая и широкая, можно и в сильный ливень проехать.

– Зачем спешить? Мы всё равно туда попадём, торопиться никуда не стоит.

– Не уверена я в этом, уж слишком необычно выглядит небо, такие тёмные дни в это время года крайне редки.

– Что ты имеешь в виду? – Лит недоумевал по поводу сказанного его спутницей.

– Разве не ты здесь чародей? Мог бы и увидеть здесь чьё-то колдовство! – Инария раздражённо ткнула в небо пальцем, и ученик Гирта, проследив за ней, уставился на тучу, которая оторвалась от остальных и стала мчаться на них так, словно её подгоняли сзади кнутами.

Лит был поражён увиденным:

– Но как ты заметила?!

Инария кротко улыбнулась:

– Просто смотрю в оба. Не так уж это и бесполезно после вчерашнего-то... Простых монахов редко грабят на дорогах, с вас же взять нечего, – Инария кинула взгляд на скромные одежды паломника. – Значит, на тебя напали не просто грабители, а наёмники, выполнявшие заказ. Мои подозрения ещё больше укрепились, когда кто-то заботливо убрал тела этих горемык с дороги. Да и то место, куда ты направляешься, говорит само за себя. Хорошо известно, что Варийская долина – это место, давно облюбованное чародеями.

– Да уж, ничего от тебя не скроешь, – Лит сокрушённо покачал головой. – Ты проницательна и умна.

– Что есть, то есть. Так, значит, ты всё же чародей?

– Ученик чародея. Еду к старцам в Столпы, чтобы научиться их мудрости.

– И откуда только вас находят, таких даровитых? – спросила Инария, краем глаза продолжая следить за небом.

– Повсюду. Святые отцы по всей стране высматривают людей со способностями, и если находят таковых, то немедленно сообщают об этом главе своего монашеского ордена.

– Тебя нашли лукрецианцы, я так понимаю?

– Я сам к ним пришёл.

– Как же это произошло?

Лит не чувствовал надобности делиться историей своей жизни с кем бы то ни было, но к Инарии он чувствовал некую непонятную тягу к откровенности, как будто давно её знал, и разговаривал как с давним другом, а не со случайной попутчицей. Он решил, что не стоит таиться, и начал свой рассказ:

– Я никогда не знал своих родных: ни родителей, ни сестёр с братьями, ни тёток с дядьями. Всё, что помню, начинается с Калантира, я вырос там, а может быть, и родился. Я жил в казённом приюте для сирот. Сколько я ни спрашивал настоятеля и учителей о моём появлении в приюте, то все отвечали одно и то же, что я постучался к ним сам в зимнюю ночь. Весь был в изорванных и мокрых одеждах. Казалось, меня только что достали из моря. Мне было тогда всего пара лет от роду, как говорят, но я не помню всего этого: моя жизнь началась с приюта, а рассказы иных людей о моём прошлом ненамного помогли мне.

Приют был бедный, что и неудивительно, хотя нам всего хватало. Мы получали не только из княжеской казны, но и от множества благодетелей. Знатные люди Калантира захаживали к нам, случалось быть и гостям из заморских стран, и многие нам жертвовали, но всё равно многого не хватало. Нас там было не менее трёх сотен, собравшихся чуть ли не со всего Севера, и некоторые из детей были хворы, кое-кто серьёзно, а лечение ведь стоит денег, и немалых...

С девяти лет я начал работать в порту. Там всегда была работа и всегда нужны рабочие руки. Работа была тяжёлой, но я не привык роптать, ведь меня с самых малых лет окружали стойкие люди. Сколько себя помню, мне всегда нравились корабли: их прекрасные и разумные формы, с экипажами из матросов, отовсюду, из множества стран, а их капитаны! Люди, выкованные из стали! К нам шли суда из всех приморских государств, ведь Калантир – это великий порт Северной Чети. Много разных людей гостило у нас, и все они были дивные, но всех моряков роднила одна вещь – любовь к морю. Дай только сойти на берег, как сразу сердце затоскует по бескрайним просторам! И я мечтал о море вместе с ними. Уйти в плавание и никогда не вернуться, посетить все страны, все народы, какие только есть, выучить все языки, узнать все культуры!

Через семь лет тяжёлых трудов меня согласился взять капитана судна, принадлежавшего одному из торговых домов города. Про них говорили, что это был один из древнейших домов на Севере. Они считались одними из основателей Калантира, и многие из князей Севера относились к главам дома Панарон со всем почтением. Я считал своё назначение на торговое судно такого прославленного дома большой удачей, но великий рок избавил меня от этого...

В вечер перед днём отплытия я ещё работал на разгрузке и был необычайный ливень. Я промок просто жутко, а на следующее утро я заболел и не мог подняться с постели... Я платил за место под кровлей в одном доме, в Рыбацком квартале. Лёжа там, я проклинал судьбу в одиночестве. Я видел сквозь крошечное оконце как форwent, на котором я должен был быть матросом, уходит в море без меня – это было невыносимо! Я лежал, и у меня не было ни сил, ни желания жить. Я не ел и не пил уже два дня, когда хозяйка дома поднялась ко мне и увидела, в каком я состоянии нахожусь.

Она тут же послала за лекарем, который быстро догадался, что боль моя вовсе не телесная, а душевная и от микстур пользы не будет, если я сам не захочу жить. Лекарь был уже стариком и многое повидал в жизни. Его звали Салампом, и он не стал призывать меня сохранить жизнь и, что главное, – душу, ведь моя смерть в глазах Бога была бы самоубийством, и за это меня бы ждала страшная кара. Нет. Саламп стал рассказывать о тех, кого он потерял, о тех больных, вверенных ему, жизни которых он не спас...

Он начал рассказывать с самого начала. Лекарь пришёл ко мне рано утром, а ушёл только поздно ночью, когда уже погасли все огни на улицах. Он рассказал мне всю историю своей жизни. Я был потрясён такой откровенностью. Моё сердце терзалось от жалости, которую я чувствовал к этому старику. Сколько же боли он перенёс! Сколько боли может выдержать душа одного человека! Через некоторое время, как ушёл Саламп, я встал с постели и съел свой обед. Я не захотел стать ещё одним горестным воспоминанием старого человека. Вместо этого я захотел победить его скорбь. Прошло совсем немного времени, и мне удалось выздороветь. Саламп улыбался тогда и говорил, что я проживу долгую жизнь. Я вернулся в порт воодушевлённый, и моя мечта о великих походах стала ещё только сильнее...

Тут небо пронзила молния и Лит замолчал. Послышался гром. Ещё одна молния ударила совсем рядом, и начался сильнейший ливень. Очень похожий на тот, что когда-то давным-давно свалил его с ног и лишил судьбы ходить в море.

Всё вокруг объяло дождём. Ничего не было видно, кроме бушующей стихии. Дорога моментально покрылась водой, а дождь хлестал всё сильнее. В конце концов капли обратились мелким льдом и с небес посыпался град.

Лит закричал, что нужно уходить с дороги, а Инария показала рукой вперёд и сразу же умчалась. Лит на Гевре поспешил за ней, но он потерял её из виду. Монах вытянул руку, дальше кончиков пальцев уже почти ничего не было видно: огромные тучи закрыли весь свет. Только разряды молний освещали дорогу. Во время одного из проблесков Лит увидел силуэт коня впереди, съезжающего с дороги. Он поспешил туда и увидел тропу, которая вела куда-то в сторону от дороги.

Лит слез с Гевры и, взяв её под уздцы, пошёл по этой тропе. Его ноги сразу же начали тонуть в грязи, но перед ним вдруг выросла стена, а в ней – чёрный проход. Недолго думая, Лит ринулся туда вместе с Геврой.

– Повезло нам, не правда ли? – услышал Лит весёлый голос Инарии. Он протёр лицо от капель дождя. Плечи и голова болели от ударов градин. С его капюшона слетела одна большая льдинка и разбилась вдребезги о ровный каменный пол.

– Где это мы? – он начал оглядываться, но видел только тёмный зёв коридора впереди.

– Лактарн-Огат, – Инария появилась справа, а за ней шёл спокойный Эрго. – Древняя подземная крепость. Раньше здесь был гарнизон Игносии, теперь – ничего.

– Разве это в духе Игносии? Строить подземные крепости.

– Её построили не игносийцы. Лактарн-Огат был выстроен теми, кто жил задолго до рождения первых императоров. Хотя название этому месту дали они, игносийцы. Обратная башня в переводе.

– Твердыня, скорее, – поправил Лит.

– Ах да, я и забыла, что все священники обучены игносийскому, ведь именно на нём была написана книга Иосифа, – Лит не стал уточнять, что книга Иосифа была написана на халкидийском, а уже после переведена на игносийский Исмаилом.

– Кто её построил, Инария?

– Неизвестно точно, как и то, насколько глубоко уходят туннели крепости. В старину говорили, что там живёт древнее зло.

– Как и везде, куда не доходит свет Создателя. – Лит всматривался изо всех сил в темноту коридора, ведущего в крепость, но не увидел ничего. – Я не чувствую того, о чём ты говоришь, никакого зла, – признался он наконец.

– Чувствуешь? В смысле своим чутьём? – Инария посмотрела на Лита с подозрительным интересом.

– Да, – слегка замешкавшись, ответил ученик чародея.

– Я имею, в виду – тем чутьём, что есть у колдунов? Как вообще оно работает? Ты видишь чувства других людей, или как?

– Не совсем так, это вроде как предчувствие, как дуновение ветра. Нужно сосредоточиться, чтобы чувствовать это.

– И, если ты сосредоточишься, ты начнёшь видеть больше остальных? Больше меня, например?

– Да, но видеть не глазами, а внутри себя – в душе. Эти предчувствия – это как связь с духовными силами, которые указывают на истинную природу вещей

– И насколько больше ты сможешь увидеть этими твоими предчувствиями?

– Зависит от того, насколько сильно я сосредоточусь, – улыбнулся слегка натянуто Лит. Ему было приятно такое внимание, однако он не понимал его причины.

– Сейчас ты сосредоточился, когда смотрел туда? – Инария указала на чёрный провал в стене.

– Да. И ничего не увидел.

– Это славно, что ты ничего там не видишь, но внутрь мы всё равно не пойдём. Переждём здесь непогоду и поедем дальше своей дорогой, – Инария уселась у порога в крепость и посмотрела наружу. Град снова сменился дождём.

– Ты знала, что здесь есть вход в крепость? – спросил спустя минуту Лит, когда понял, что его спутница утратила интерес к его магическим способностям.

– Да, в Лактарн-Огате есть множество выходов на поверхность, и почти все они скрыты от глаз, чтобы можно было тайно атаковать врага, – Инария хищно улыбнулась, и в свете молнии лицо её стало зловещим. – Лактарн-Огат простирается на огромное пространство под землёй. Здесь можно спрятать целую армию, и никто не узнает об этом.

Лит начал осматривать своды залы, в которой они находились.

– Ты рассказывал мне свою историю. Продолжай, скоротаем непогоду рассказами. – Инария достала колчан со стрелами и, разложив все их перед собой отдельно, начала чинить те, что были испорчены от частого пользования, небольшим ножом, спрятанным в голенище сапога.

Лит также присел у входа с другой стороны и под шум неутихающего дождя постарался отвлечься от мыслей о тех, кто мог выстроить подземную крепость. Он слышал о древнем народе, жившем за многие века до того, как на Северном Инафоре появились люди, но ничего точно монах об этих древних жителях не знал, так как учитель Гирт старательно избегал ответов на вопросы учеников об этой теме. Лит продолжил свой рассказ:

– После того как мудрый Саламп вернул меня к жизни, я в свою очередь вернулся к своей старой работе в порту, но через несколько недель со мной произошло одно событие, которое определило всю мою дальнейшую жизнь.

Я работал на разгрузке крановой платформы. Грузы с палуб судов и из трюмов поднимались кранами по верёвкам и перебрасывались на настил на берегу. А с этого настила мы уже разносили товары по складам. В тот день лопнула одна из опор крана. В момент, когда переносили коробка с борта, кран начал крениться прямо на нас, а был он величины немалой!

Все, кто тогда был под падающим краном, закричали, многие бросились бежать, а я застыл прямо под ним... Он падал прямо на меня, и хоть длилось это целую вечность, но всё равно мне казалось, что я не успею... Даже шага ступить не успею.

Мои ноги будто приросли к тому настилу. Я не мог оторвать их, просто не мог. Тогда, в отчаянии, я поднял руки над собой, закрыл ими голову и начал молить Господа о спасении, как вдруг услышал оглушительный треск прямо над собой! Я открыл лицо и увидел, что кран развалился! Просто разбился на куски вокруг меня, словно он был сделан из стекла!

Я увидел тотчас странное белое сияние вокруг себя. Оно мерцало как дымка в жаркий день, но тогда была ранняя весна и от сияния шёл звук, как от маленьких колокольчиков. Свет окружал меня со всех сторон, словно могучий шар. Как только я заметил его, по нему побежала рябь и сияние исчезло...

Никто из тех, кто был в порту, не заметил его, но все видели, что я должен был умереть, но не умер! Никто не знал, что случилось, но я знал одно: сам Господь отметил меня в тот день Своим даром! В тот же день и час, никому ничего не говоря, я отправился в храм в Калантире. Ноги сами несли меня туда. Я обратился к первому встреченному мной послушнику и рассказал ему всё.

Он слушал долго и внимательно, наконец, когда я кончил, он не сказал мне ничего, а только отвёл внутрь храма к самому настоятелю. Он подтвердил мои догадки о том, что спасение моё – это не что иное, как чудо, явленное Богом. Меня сразу приняли в храм. Я прожил там три месяца и в это время познавал таинства монастырской жизни, а после меня приняли в орден, которому принадлежал этот дом Бога – орден святого Лукрециана. В день посвящения службе Создателю в наш город прибыл и глава ордена Гирт Иссимарский. Убедившись в том, что мне открыто чародейство, он забрал меня к себе в ученики и стал учить таинствам магического искусства в Илларионовой обители.

Нас там было совсем немного учеников: всего лишь пятеро, и я стал шестым. Мы учились все вместе. Вставали ещё до рассвета и ложились лишь поздно вечером. Учитель тренировал нашу волю и силу бесчисленное количество раз. Мы читали древние книги на старых языках о чародействе. Это было нелёгкое обучение, но вот спустя несколько лет, как я освоился с такой жизнью, мой наставник вызвал меня к себе и отправил продолжать моё обучение в Столпы Лукрециана. Только вот не знаю, готов ли я к этому.

– Люди, много мудрее тебя, считают, что ты готов, значит, твои сомнения напрасны. – Инария медленно складывала свои стрелы назад в колчан.

– Твои слова вселяют надежду, – Лит слабо улыбнулся. Его лицо только-только успело обсохнуть после дождя, но коротко остриженные волосы всё ещё стояли торчком.

– Раз больше некому, то придётся мне, – Инария встала, чтобы лучше оценить положение на улице. Дождь с градом уже почти прекратился, что удивило её даже больше, чем само ненастье.

«Кто-то наслал этот дождь, но кто и с какой целью? И зачем он прекратился сейчас? Отчего у этого монаха такая странная судьба? Лжёт ли он о себе?» Инария искоса взглянула на сидящего Лита. «Кажется, что не врёт, я не чувствовала лжи в его словах. Но что заставило меня пойти с ним? Что заставило помогать ему?» Сплошные вопросы в темноте и нет ответов, только мудрые знают их, а мудрость что ветер в поле – никогда не поймаешь его.

– Думаю, можно уже выходить, – воительница показала на лучи света, пробивающиеся сквозь облака: тучи быстро уходили на юг. Дождь заметно ослабел, и совсем скоро должен был вернуться день.

Они вышли из каменной залы преддверия Лактарн-Огата и, перемахнув через заросли можжевельника на обочине, снова двинулись в путь.

– Мне всё не даёт покоя эта подземная крепость. Кто же выстроил её и с какой целью?

– С целью защиты – это же ясно как день, – Инария указала пальцем в небо. И действительно, был день.

– Это понятно, – слегка смутившись, продолжил монах. – Но от кого понадобилась такая защита? В древних летописях я не нашёл упоминаний о том, что на берегах Горлицы жили какие-то племена энелов в древности, кроме риндов. Да и о самой этой крепости ни слова.

– Летописи писали, когда здесь поселились первые люди из Хагнеона. Но и до нас здесь кто-то был. Это совершенно точно. Только вот они исчезли задолго до того, как сюда пришли первые люди из-за моря.

– Это очень интересно, но я почти ничего не знаю об этих древних существах! – в досаде воскликнул ученик Гирта.

– Это и неудивительно. Тебя учили умнейшие люди нашего времени, а умнейших выводят из себя неразрешимые загадки, вот они и молчат о них, – Инария лукаво улыбнулась и продолжила: – Мало что известно о тех, кто населял эти земли до нас, людей из Хагнеона. Почти всё, что известно, можно смело назвать выдумкой или ложью. Поговаривают, например, что те, кто жил здесь, звались легритами и были это не люди, как мы с тобой, а некие полужвери... Так, во всяком случае, изображено на некоторых их древних домах, которые только под землёй и сохранились: тулово вроде бы людское, а голова звериная, больше на птичий клюв походит. В Лактарн-Огате, глубоко внутри, множество разных изображений, много интересных картинок. Годами можно смотреть на них и ничего не понять, – улыбка сползла с лица Инарии, и она посуровела. – Никто так почти ничего толком и не узнал об этих легритах, как ни старался. А если и узнал, то не рассказывает об этом.

– Но почему они исчезли? Почему от них осталось так мало?

– На этот вопрос много ответов, но есть ли среди них хоть один правдивый, никому неизвестно. Говорят, их победило древнее зло, или Единый уничтожил их, или они сами постарались, а может, они всегда были мертвы, может, эта насмешка Бога над нами.

– Зачем Ему это нужно?

– А зачем мы Ему? Зачем Он создал нас? Ради своего тщеславия.

– Ты сомневаешься в том, что для каждого из нас уготован Божий Замысел?

– Я не вижу Божьей воли в крестьянине, вспахивающем поле, и в горняке, добывающем железо. Они делают это, чтобы прокормить себя, а не для того, чтобы их считали праведниками.

– Но ведь это и есть путь праведника! Честная работа и тяжкий труд – всё это путь к вечной жизни под сенью Господа. В этом и есть Божий Замысел для каждого из людей.

– Для тебя в этом смысл жизни? В честной и тяжёлой работе?

– Для меня он в служении Создателю. Труды монахов иные, нежели других людей. А для тебя в чём он? В поиске истины?

– Да, я думаю, да.

– Вот видишь, каждому из нас уготован Божий Замысел.

– Может быть, только тогда получается, что мы всего лишь безвольные орудия в руках всемогущего существа.

– Ты всё-таки ошибаешься, у нас есть свобода выбора.

– Да, не выполнять Божью Волю и быть жестоко наказанным на Страшном Суде за это, – Инария недовольно сверкнула глазами.

– И это тоже выбор, – спокойно отвечал Лит.

Инария только заливисто рассмеялась в ответ. Но внезапно она прекратила и прислушалась к чему-то.

– Подожди, постой! – быстро прошептала она, останавливая Лита жестом.

– Ты слышишь что-то? – в груди монаха начало расти волнение.

– Да! Надо уйти с дороги!

Инария быстро свернула вправо на обочину, и Лит последовал за ней. Они прошли сквозь изгородь из дикой малины и вошли в ясеневую рощу. Она была достаточно густой, чтобы поз-

волить скрыться двум путникам с лошадьми. Они затаились, чтобы треском сучьев не привлечь к себе внимания, так как теперь даже Лит слышал, что по дороге кто-то скачет.

Монах обернулся к дороге и увидел, что их прикрывают несколько рядов деревьев, но всё равно их можно было заметить, если присмотреться, да и по примятой траве было легко определить, что здесь кто-то прошёл.

Лит не успел поделиться своими опасениями с Инарией, хоть в этом и не было ровно никакой надобности: она знала об этом и так. Лицо воительницы не выражало абсолютно ничего, словно она надела каменную маску.

По дороге промчались наконец три всадника. Они были в тёмно-зелёных плащах, под которыми тускло светились зачернённые кольчуги. Их лица были скрыты капюшонами и масками из тряпок, а на поясе у каждого висело по длинному изогнутому ятагану.

Всадники проехали мимо и, кажется, даже головы не повернули в их сторону, но об этом нельзя было сказать с уверенностью. Вроде бы один из них, замыкающий, всё же скользнул взглядом по обочине, но Лит подумал, что это могло ему только показаться.

– Кто это были?! – прошептал он, когда удары конских копыт стихли вдали.

– Наёмники на ирманских конях, – спокойно ответила Инария.

– Ирманских?! Но что это значит?!

– Значит, что они прибыли издалека.

«Так вот зачем был нужен дождь. Чтобы задержать нас и позволить застать себя врасплох! Но что-то пошло не так. Непогода закончилась раньше, чем они рассчитывали. Кто прекратил дождь? Неужели этот монах? Но, кажется, он не понимает этого. Можно ли творить чудеса и не ведать об этом? Наверное, можно. Всадники промчались так, словно не ожидали кого-то здесь застать. Они не заметили следы лошадей на земле, но скоро они всё поймут и повернут обратно».

– Надо скорее уходить отсюда, они вот-вот вернуться, – заявила Инария и тут же пошла ещё дальше в лес, скрываясь меж ясеневых крон.

– Постой! Ты думаешь, что они за нами?!

– Кроме нас здесь никого нет, – последовал ответ издалека: Инария твёрдо решила скрыться в лесной чаще.

Лит поторопился последовать за ней, ведя за собой Гевру. Лошади очень не нравились в лесу.

– Так они из Ирмана? Но как они оказались здесь?

– Прискакали, – весьма лаконично ответила Инария.

Монах замолчал, поняв, что больше ничего не сможет вытянуть из своей спутницы. Они шли сквозь густой широколиственный лес с подлеском из крушины и рябины, который скрывал все следы. Свет щедро проникал на землю, и поэтому здесь росли многочисленные ягоды. Пока они шли по лесу, Лит непрерывно брал дикую смородину с кустов, которые тоже здесь попадались. Ягоды были кислыми на вкус, но оставляли приятное, бодрящее послевкусие. Смородина была крупной и полна сока.

– Вот и она, – сказала Инария, когда они набрали на лесную тропку. Она была основательно пробита в земле. По тропинке везли телеги, судя по всему, но вряд ли ей пользовались очень часто: тропа постепенно зарастала.

– Мы шли сюда? Чья это тропа и куда ведёт?

– По ней игносийцы в своё время перевозили припасы в Обратную твердыню, когда везти их по дороге не представлялось возможным. Она ведёт туда, куда нам нужно. По ней мы и пойдём.

– Игносийцы ей пользовались? А сейчас ей кто пользуется?

– Местный гарнизон иногда высылает сюда патрули.

– И они здесь возят телеги? – спросил Лит, пнув по стенке колеи во влажной земле.

– Телеги здесь возят бандиты со всяким своим ворованным барахлом, – слегка рассеянно ответила Инария.

– Так здесь бандиты?! У нас есть возможность их встретить? – Лит начал озираться вокруг, ожидая, что за каждым кустом сидит по ватаге головорезов с мясницкими ножами наготове.

– Поверь, для нас сейчас бандиты представляют наименьшую проблему, – монаху послышалась насмешка в голосе воительницы.

– Может, ты всё-таки объяснишь мне, наконец, от кого мы убегаем?

Инария помолчала немного, но всё же ответила:

– Наверное, об этом мне лучше у тебя спросить, ведь они преследуют тебя, но... – она искоса взглянула на него. – Вряд ли бы я добилась от тебя ответов, даже если бы и спрашивала. Это были люди Хайнолла. До всех этих ирманских войн, когда Ирман ещё был в силе, то Хайнолл был чем-то вроде ордена благородных воителей или могущественного клана, поддерживающего безопасность на границах государства. Но после этих... войн, – Инария тяжело вздохнула. Тут Литу пришло на память, что она говорила о том, что родом с юга, а Ирман ведь был на юге... – Оказалось, что лучшие из лучших хайнолларов пали в битвах и влияние клана было подорвано. Ныне они стали вроде гильдии наёмников, не гнушающихся никакими заказами.

Пока Инария говорила, они вышли на развилку, и воительница, не раздумывая, повернула в левую сторону. Путники шли спешившись, а Эрго и Гевру каждый вёл рядом собой.

– Как бы там ни было, – продолжала Инария, – они очень быстро заработали себе определённую славу, и сейчас, если ты встречаешь хайноллара, то лучше тебе не переходить ему дорогу. Многие из них плевали на закон. Хайноллариу ничего не стоит устроить резню на главной площади в базарный день.

– Ты говоришь о них так, словно хорошо знаешь их.

– Когда-то так и было, я была знакома с ними... Во всяком случае, мне так казалось.

Литу показалось знакомым название ордена, и он начал припоминать, где он мог его слышать ранее:

– Я вроде бы читал в «Ирманской хронике», что Хайнолл изначально был кругом советников для королей Ирмана. Они помогали королям управлять страной.

– Так было очень давно, – отозвалась Инария. – После этого Хайнолл стал нанимать соглядатаев, чтобы они следили за тем, что происходит у соседних народов, а потом они вырослись до воинского ордена. Короли тогда уже перестали на что-либо влиять, и вся реальная власть сосредоточилась в руках главы Хайнолла, так как он ведал секретами всех знатных людей Ирмана. Если ты читал хронику, то знаешь, что после смерти короля Октана Четвёртого глава Хайнолла Карл Дион отказался признавать права наследника Октана по причине его малолетства и, по сути, упразднил королевскую власть, учредив Совет первых людей, и сам же встал во главе Совета. Это время – это был пик расцвета власти хайнолларов: тогда вся страна была под ними, и никто не решался противостоять им. В это же время Энелия и начала борьбу за Крестовицу – великий порт на юге. Королю Аристару этот порт должен был обеспечивать выход в Лунное море, что превращало Энелию в государство от моря на севере до моря на юге.

Аристар тогда верно рассчитал, что недавно установленная власть Совета первых людей окажется слабой, так как она зиждется на кнуте хайнолларов. Так оно и оказалось: воля осаждённых в Крестовице ирманцев была подорвана обещаниями освободить их от тирании Хайнолла. Город был взят очень быстро, а Карл Дион безуспешно пытался вернуть его ещё двадцать лет в трёх войнах, но не приобрёл ничего, зато растерял последние остатки величия королевства. Ирманский народ, в конце концов, восстал против власти Совета первых людей, восстановив тем самым власть династии Бергонов, а Карл Дион был казнён в столице Имрахиле вместе со своими наиболее отъявленными головорезами из числа сподвижников.

– В хрониках есть также упоминания, что династия Бергонов была восстановлена не столько ирманским народом, сколько силой энелианского оружия. Ратники короля Аристарара подступили совсем близко к Ибрахилю, и, возможно, он тайно влиял на положение дел в Ирмане.

– Как и всегда: историю пишет победитель. А король Аристарар победил, когда Карл Дион решил, что может открыто взять власть себе. Он не был законным правителем, и потому власть его была слаба, даже несмотря на то, что он стоял во главе могущественного воинского ордена. Страх – не самое лучшее подспорье в управлении государством. Как бы там ни было, в Хайнолле тоже многие убеждены, что Гайсат Бергон, сын Октана, был посажен на трон только благодаря силе энелианских копий, не зря же он сразу же признал Крестовицу за Аристараром и лишил воинов Хайнолла всех древних привилегий. Ныне они до сих пор почти что изгой в родном государстве и ненавидят всех, кто привёл их к такому состоянию.

– Но почему же они здесь? Кто допустил их на нашу землю? Ведь наверняка они хотят перерезать энелианцев всех до единого!

– Точно, они хотели бы этого и достигли бы, если бы могли, а что касается того, кто допустил их... На них ведь не написано, что они из Хайнолла. Они теперь не ходят в открытую. Всё больше рядятся под обычных торговцев с юга, и это им удаётся, да и старый добрый подкуп даёт о себе знать. Для многих жителей Инафора Хайнолл вообще перестал существовать. Они этим и пользуются. Узнать их можно, только если знать их повадки, а я знаю их все, и даже те, которые позволяют им скрываться от других людей, но обычно они открывают своё истинное лицо только тому, кого хотят убить. Они ходят тайными тропами, где нет места добру. Впрочем, те, кого мы видели сейчас, не очень-то и скрывались, даже коней не поменяли.

– Выходит, их лучше обходить стороной.

– Если уж хайноллар захочет, так он и сам тебя не обойдёт стороной, – Инария обернулась назад и застала Лит потихоньку набивающим рот ягодами.

– Я бы поостереглась брать какие ни попадя ягоды в рот, в этом лесу есть и ядовитые, – предупредила она монаха.

– Например?

– Червонник, например. По виду почти ничем не отличается от черники, только красный и слегка просвечивает, если смотреть на него при ярком свете. Несколько ягод вполне могут парализовать тебя.

– Я читал в «Травнике» Гевольта, – он вспомнил об одной из книг в котомке, что висела у него за плечами, – о том, что те ягоды, о которых ты говоришь, часто встречаются в колдовских ритуалах.

– Об этом мне неизвестно, – просто ответила Инария, а Лит продолжил:

– Червонник также входит в состав множества зелий. Для травника это очень ценная ягода. Я-то, впрочем, никогда особо не работал с такими аспектами травничества, но кое-что знаю об этой материи.

– Тебя обучали знаниям о травах?

– Немного, – уклончиво ответил Лит, который всё свободное время в монастыре посвящал поиску новых растений и способу их применения в зельеварении. О червоннике он знал всё, что только можно знать человеку, прочитавшему все известные труды самых достойных зельеваров и переписавшему знаменитый «Травник». Он никогда не находил эту ягоду в природе, потому что в окрестностях монастыря она не росла, но теперь, узнав о том, что здесь она есть, Лит загорелся идеей собрать эти ягоды и вдоволь поработать с ними.

Размышляя о травах и зельях и об их воздействии на человека, Лит не заметил, как тропа, по которой они двигались, стала шире и ровнее. Теперь на ней встречались даже следы древней каменной дороги. Монах обратил внимание на неё, только когда справа вдруг начали вырастать руины какой-то старой и разломанной постройки.

Инария остановилась у ближайшей стены и отпустила Эрго.

– Нужно проверить, не идут ли за нами, так что побудь пока что здесь, – Инария сообщила это Литу приказным тоном, а после чего, не спеша, пошла обратно по тропе, и даже шагов её было не слышно, так тихо она кралась.

Лит не сразу заметил, что она ушла: его воображение было захвачено мыслями о том, что здесь располагалось раньше, где ныне зияли руины. В голову монаху шли идеи, что это мог быть древний храм в честь кого-то из Старых богов. На это наводило то, что, судя по всему, здание было круглым, а свинцовые белила сохраняли свой цвет даже спустя тьму веков. Развалины не поглотила ни трава, ни земля. В манускриптах ордена языческие храмы описывались именно так.

Не было ни намёка на крышу или её остатки. На земле удивительно мало осталось от того, что неизбежно сыпалось с руин. С первого взгляда казалось, что древние строители только стены и поставили, а про потолок и крышу забыли.

Лит вышел в центральную часть этого, как ему казалось, храма. Это оказалось очень широкое помещение: здесь могло поместиться до сорока человек. Круглые стены были гладкими, без намёка на трещины или сколы, и только в одном месте был какой-то барельеф, но расположен он был почему-то не перед смотрящим на него человеком, а у самой земли, словно бы вырастая из неё.

Монах подошёл прямо к барельефу и наклонился перед ним. Он был не очень большого размера, но изображение сохранилось очень хорошо. В камне был вырезан некий злой дух или демон, что было суть одно и то же. Его безобразные толстые лапы были растопырены в разные стороны, и на каждом из них было по четыре пальца, каждый из которых был увенчан длинным когтём. Морда демона была искажена в диком вопле, а на его голове было четыре длинных и прямых рога. Его глаза были маленькие и чёрные, словно бы преисполненные ужаса.

Лит присмотрелся: в одном из зрачков духа был посажен маленький чёрный камешек. Он казался совсем крошечным, едва ли больше горохового зерна. Монаха охватило волнение, почти что благоговение. Он осторожно вынул камень из глаза демона. Камень был гладкий, без единой вкрапинки и походил на жемчужину. Он легко выскочил из паза и лёг на руку Лита. Путешественник подбросил его на ладони, и камешек оказался значительно тяжелее, чем могло показаться на первый взгляд. Лит вновь посмотрел на барельеф. Демон без своего грозного черного зрачка уже не казался таким уж страшным. Хоть его лицо всё также изображало злобный оскал, но сейчас оно не выглядело внушительным. В глазах духа теперь стояли два чёрных провала, и он казался ослепшим.

Луч солнца выглянул из-за облака и попал прямо на барельеф. Тени исказили каменное лицо, и теперь оно вовсе выглядело жалким и потеряннным. Лит улыбнулся и снова подбросил на ладони чёрную жемчужину. Он решил оставить её у себя в знак своей первой победы над демоном. Эта схватка оказалась не такой уж сложной.

– Кто это? – услышал Лит из-за спины. Он и не заметил, как Инария тихо подкралась к нему, хотя, может, она сделала это неосознанно.

– Древний злой дух или демон, как говорят в наше время, – ответил монах. Инария оглядела белые стены древнего храма.

– Изображение демона в храме Старых богов? Это очень странно, тебе не кажется?

– В древности было много странного. Люди чему только не поклонялись. Вполне может быть, что этот злой дух помещён здесь как напоминание о чём-то. О чём-то важном для тех, кто приходил помолиться тому языческому богу, чей это был храм.

– В чём вообще разница между богом и демоном? Разве это не одно и то же? – внезапно спросила Инария. Лит даже оглянулся посмотреть на неё, действительно ли это она задала такой вопрос. До сих пор она мало походила на человека, которого интересуют такие вещи.

– Согласно древним поверьям, богом называли то существо или духа, которому дарована сила создавать и изменять материю. То есть для язычников Старый бог мог создавать вещи буквально из пустоты и изменять их. А демоны же могут только извращать материю. Они не могут создавать, только изменять. Как правило, в худшую сторону, но в сказаниях говорилось, как я помню, и о добрых демонах, которые могут помогать людям и богам. Хоть такие упоминания и встречались крайне редко.

Инария помолчала, видимо, усваивая услышанное, а после так же молча вернулась обратно к тропе. Лит был слегка сбит с толку её равнодушным молчанием и последовал за ней.

– Я запутала наши следы, пусть думают, что мы свернули на юг, обратно к дороге. Если они последуют за нами, то это задержит их ненадолго. Как думаешь, какого бога это был храм?

– Думаю, что храм Мистира. В этой местности жили раньше люди, почитавшие его, но теперь здесь никто не живёт. Это был бог ночи.

– И не только. Ещё он был богом ночного света, – поправила монаха Инария. – Мистир, или Лунный Лик, был богом луны. Люди, поклонявшиеся ему, верили в то, что лунный свет может даровать большую власть тому, кто будет верно служить Мистире. Для большинства язычников он был лишь тем, кто устанавливает свою власть с приходом темноты. Для посвящённых же Мистир был куда более значителен, чем просто бог ночи.

– Да, точно, припоминаю, – в который раз за сегодня воительница поразила монаха, – Лунный бог превыше всего ценил загадки. Он загадывал их людям во сне, и если они могли разгадать их до того, как проснутся, то тогда он даровал им силу развеивать ночную тьму.

– Примерно так оно и было, – кивнула воительница, – главный храм Мистира так и назывался – Храм Загадок. Он находился недалеко отсюда, в Рондиле.

– Рондил ведь был разрушен?

– Храм разобрали задолго до его разрушения. Последователи Единого практически не оставили ни одного храма Старых богов в целостности. Судя по всему, этот тоже был разобран в то же время, – Инария кивнула на остатки языческого храма.

– И только стены остались...

– Конечно, – воительница кивнула. – Все изображения и предметы поклонения Старым богам должны были быть уничтожены. Ты это должен знать не хуже меня.

– Мы о старых верованиях знаем только из летописей первых монастырей. Летописцы переписывали древние сказания и поверья язычников на свой лад. Свидетельств самих языческих волхвов почти совсем не осталось, а те, что есть, написаны на древних языках, знание которых почти что утеряно...

– Старые боги теперь не интересуют тех, кто ищет могущества. Они сами его потеряли, да и сами... потерялись.

Инария запнулась, остановилась и очень легко потянулась к колчану со стрелами, но рука её так и не достигла оружия: сквозь заросли малины совсем рядом с путниками пробежал олень. Лит опознал его по характерным пятнам на боках, хоть самого зверя и было плохо видно сквозь широкие кроны.

– Ты думала, что там кто-то есть?

– Там мог быть кто-то, – откликнулась Инария, прислушиваясь к треску кустарников, которые топтал испуганный олень. – А ты ничего не почувствовал? – как будто бы рассеянно спросила она.

– Нет, совершенно ничего не почувствовал, – признался Лит. – Но если бы там кто-то был, то я бы наверняка почувствовал.

– Если бы.

Солнце ярко светило сквозь деревья. На небе не было ни единого облачка. Казалось невысказанным, что несколько часов назад здесь бушевал сильнейший ливень с градом.

– Если поднажмём сейчас, то можем поспеть в долину до заката. Мне совсем не хочется встречать ночь в лесу, когда рядом бродят хайноллары, – Инария внезапно вскочила на Эрго и, не дожидаясь Лита, поскакала по лесной тропе. Монах поспешил за своей спутницей верхом на своей верной Гевре.

Глава четвёртая Варийская долина

Сумерки уже опускались над землёй, когда старая тропа вдруг кончилась, а лес вновь плотно обступил путников. Однако же, несмотря на это препятствие, поблизости был слышен стук топоров и молотков, что указывало на поселение людей.

– Это застава Хакнуф перед нами, – Инария казалась довольной, ведь безмолвная лесная тропа осталась позади, а впереди маячил безопасный гарнизон королевской стражи.

Лес уже не казался таким диким. По вырубленному подлеску и протоптанной земле было видно, что сюда часто приходят люди. Зверей не было слышно, лишь птицы пели где-то вдалеке. Над головой путников пролетел белоголовый ястреб, склонив голову: он высматривал добычу, не особо заинтересовавшись людьми.

Внезапно где-то в отдалении раздался резкий крик, от которого Лит вздрогнул. Вопль будто бы был человеческим, но Литу было сложно представить, какие ужасы должны происходить с человеком, чтобы его глотка исторгала подобные звуки.

– Кто это?! – прошептал монах едва слышно.

– Местная живность... Горлопаны.

– Горлопаны?

– Да. Речные обезьяны, которые расселились почти по всем здешним лесам. Раньше они жили возле рек, но позже, из-за прихода людей, стали уходить глубже в лес.

– Судя по крикам, твари не маленькие, – Лит начал с опаской оглядывать ветви деревьев, ожидая увидеть на них огромных диких тварей, кричащих на людской манер.

– Да, горлопаны могут вырастать очень большими, но не больше человека, не больше тебя уж точно... Их крики – это не более, чем просто крики. Они служат для устрашения. Горлопаны ими пользуются, когда их слишком мало, чтобы напасть. Когда же их много, эти обезьяны нападают беззвучно, и их слышно только в момент нападения. Так что услышать крик горлопана в этих местах – это хороший знак. Значит, нападать не будут.

– А часто эти обезьяны нападают на людей?

– Случается, – уклончиво ответила воительница. – Но не так уж, чтобы очень часто. Выжившие после их нападений рассказывали, что они любят атаковать сразу со всех сторон, окружая жертву. Набрасываются отовсюду и тотчас загрызают человека, – Инария повернулась к Литу, и чёрные глаза тревожно сверкнули в лесных сумерках. – Ещё рассказывали, что горлопаны перед нападением вымазывают свои морды соком красных ягод, чтобы выглядеть ещё более зловеще... Забавно, но местные племена поступали так же во время битв. Интересно, кто у кого это перенял?

Лит не успел толком обдумать последние слова Инарии, как впереди, среди раскидистых деревьев, стал виден просвет.

– Лучше нам выехать к дороге, она здесь совсем рядом сворачивает, а то мы подходим со стороны леса, прямо как разбойники, – Инария повернула к югу у огромного замшелого камня, на вершине которого была выбита надпись на старом наречии Игносии. Лит прочитал надпись как «межевой камень владений дома ран Турниев».

– Консул Ремара ведь происходит из дома Турниев? – спросил Лит после того, как понял смысл перевода.

– Точно, консул Клавдий ран Турний является главой своего рода. Один из самых знатных домов Игноса. Турнии уже в пятом поколении управляют северо-восточной провинцией, и сейчас мы идём по бывшим землям этой фамилии. После игносийской войны Турнии сильно потеряли во владениях. Император, конечно, постарался им это возместить, наделив их новыми правами в налоговых сборах, но всё равно это подкосило их позиции в Сенате. Они

упустили возможность посадить на игносийский трон своего родича, и это жутко их злит. Даже спустя столько лет Клавдий не упускает возможности вернуть утраченные позиции.

– Вернуть утраченные позиции? Консул хочет взять реванш у нашего короля?

– Совершенно верно, именно этого он и хочет. Вернув свои старые земли, Клавдий ран Турний возвысится в глазах остальной знати, а для простого люда и вовсе станет общепризнанным героем. И к тому же нынешний император Луций ран Краст стар и немощен, а род Крастов не имеет достойных претендентов на трон, так что тут можно делать выводы...

– Много ли людей претендует на титул император?

– Все благородные фамилии империи мечтают завладеть верховной властью. Это бесконечная борьба за трон, полная самых разнообразных интриг. Императора выбирают на общих собраниях, на которых собираются все, даже демосы – самая низшая ступень в среде граждан Игносии, простые люди, если по-нашему. Но демосы ничего не знают о том, что происходит в реальности. Богатые дома покупают голоса простого народа на собраниях зерном и зрелищами. Так обычно побеждают наиболее щедрые семьи. Но если какой-то знатный владыка совершит великий поход и дарует народу новые земли, то исход выборов предрешён, ведь все игносийцы чтят своих победителей. Можно прийти в лачугу к самому нищему гражданину и не найти там хлеба и вина, но зато ты обязательно там найдёшь походные списки – когда и где воевали его предки и какую славу они стяжали.

– Честь превыше всего, – задумчиво проговорил Лит один из наиболее знаменитых девизов Игносии. Сообщение Инарии о выборах императора дало определённый повод к размышлениям. Он читал о том, как устроена империя, в книге Велерана, но почтенный историк лишь ограничился перечислением земель огромной страны и наиболее примечательными войнами. Велеран упустил интересную деталь о том, что должность императора является выборной и что за неё идёт постоянная борьба знати. Ученик Гирта в очередной раз пожалел о том, что его образование было таким отрывочным.

За разговорами о своих западных соседях путники подошли к воротам заставы Хакнуф. На языке рондаларов – племени, которое населяло земли междуречья от великой реки Карны до Горлицы, – это слово означало «быстрый бобёр». До прихода на свою землю игносийских колонистов рондалары были речным народом. Они жили за счёт воды и леса; не знали каменных жилищ и изделий из стали, но при этом превыше всего ценили природу. Некоторые из них всё же прониклись высокой культурой детей Игноса: они покинули свои лесные жилища и переехали в деревни игносийцев. Вместе с ними они основали Рондил, который был главным городом в междуречье до тех пор, пока Рондил не был разрушен в ходе последней войны. Здесь теперь не было больших и значительных городов, а всё больше деревни и заставы энелианцев, обнесённые частоколом. Рондалары спокойно приняли новых хозяев своего края, хотя о гибели Рондила они искренне горевали. Это был их первый город.

Ворота заставы ещё были открыты, хотя солнце уже давно закатилось, а горн протрубил приготовление ко сну. Во внутреннем дворе их уже ждали: стражу Хакнуфа предупредили постовые. Инария нарочно ехала последние часы значительно медленнее, чтобы не стать неприятной неожиданностью для стражников на стенах заставы.

– Кто едет в ночи через лес? – спросил один из воинов сильным, твёрдым голосом, когда они подъехали достаточно близко, чтобы быть услышанными. В свете факелов было видно, что поверх доспехов на нём был надет плащ жёлтого цвета. На голове десятника не было шлема, так что его длинные русые волосы свободно спускались до самой груди, защищённой кольчугой.

– Инария – посланница Григория Клеона из Стального Ручья!

– Тебя я узнаю, – сказал воевода Инарии, когда путники спешили. – Но кто твой спутник?

– Монах-лукрецианец Лит, милостивый государь. Еду поклониться святым мощам основателя своего ордена в Столпы Луcreциана.

Стражник внимательно посмотрел на монаха и после весьма долгой паузы пришёл к какому-то заключению:

– Путники в ночи, воин и монах – звучит как начало песни, что барды поют у горячих очагов.

– Доброй песни или нет? – Инария подалась вперёд. Пламя факелов плясало тенью на её лице.

– Я ещё не решил, но мы были предупреждены о вашем визите, – ответил десятник. – Только по этой причине вы проведёте ночь в тёплых постелях, а не на голой земле в лесу. Моё имя Тенгол, десятник королевской стражи на службе у короля Павла, – Тенгол привычным жестом приложил руку к груди при представлении. Сразу было видно, что он относился к своей службе как к призванию. – Рад вас приветствовать в Хакнуфе, в лагере верных слуг короны. Сейчас вас отведут в казармы и определят место для ночлега для вас и место для ваших лошадей. Ваше оружие... – Тенгол окинул взглядом меч Заступник и тисовый лук за спиной Инарии, – можете оставить при себе. Наутро вас представят заставному голове Индару Сребролисту. Таково было его личное распоряжение.

– Хорошо, это хорошо, на большее гостеприимство сложно и рассчитывать, – Инария быстро поблагодарила десятника и, передав Эрго подошедшим конюхам, пошла за Тенголом и другими стражниками в казармы.

Лит посмотрел на ночное небо, полное звёзд. Тишину нарушали только уханье совы и тихие, еле слышные разговоры стражников, собирающихся у костров внутри двора. На небе не было луны, но Литу показалось вдруг, что некоторые звёзды погасли, а затем зажглись вновь, как будто огромная птица пролетела в ночной выси. Лит вновь обратил взор на других стражников. Никто из них не смотрел вверх и никто ничего не заметил. Монах пошёл за всеми в казармы.

Путников накормили холодной похлёбкой, оставшейся от ужина, но хоть пища и была холодна, в ней было мясо. Лит оценил прелесть ратной службы, потому что даже в его монастыре далеко не каждый день было мясо. А после того, как они насытились, Тенгол, как и обещал, определил им две кровати в казармах заставы.

Здесь было тихо: почти все уже спали, и только у узкого окна в дальнем конце сидел воин, лица которого было не разглядеть. Он смотрел в окно и курил длинную трубку, отчего по воздуху плыл лёгкий и приятный аромат. Лит потянул носом и узнал табак из Линдиорского княжества. Такой иногда курили моряки в порту. Это был один из лучших сортов, выращиваемых на всём Северном Инафоре.

Аромат табака стал для Литы сладостным воспоминанием о днях детства, которое запоминается только радостью и счастьем, а всё плохое для человека стирается из памяти. После вечерней молитвы монах сразу же забылся спокойным сном и наутро, ещё до общего подъёма, проснулся отдохнувшим.

В семь утра горнисты, определив время по песочным часам, пропели подъем, и сразу после последовала команда на построение всей стражи на главной площади заставы. Застава Хакнуф служила расположением для Второго Варийского полка.

Лагерь был последовательно разделён на ровные квадраты, и в центре каждого располагалось здание, а вокруг проулки, сходящиеся друг с другом под прямыми углами. Все проулки были вымощены деревянной брусчаткой, а сами постройки были сплошь из крупного тёмно-коричневого, почти чёрного кирпича. Их крыши были покрыты черепицей. Застава жила органичной воинской жизнью пограничной крепости. Хакнуф закрывал собой выход из Варийской долины к реке Горлице, следя за юго-западным подступом к внутренним землям Энелии.

Дорога, на которой был расположен Хакнуф, не имела имени на государевых картах, хотя местные жители называли её так же, как и некогда речной народ, – Рондаларской дорогой. Она начиналась от крепости Марсан, в которой находился один из бесчисленных легионов

Игноса, проходила через Пенейон – город на западном берегу реки Карны, далее через мост, соединявший Игносию и Энелию, в Варийскую долину.

Долина была окружена рядами крутых холмов и глубоких оврагов. Местность была очень трудна для прохождения. Для того чтобы обойти её с севера, нужно было двигаться к самому слиянию Карны и Горлицы, а этот путь без малого составлял почти пятьдесят вёрст. На юге путник упёрся бы в лес Эгер, древний, как сам Инафор, и пришлось бы ему идти до Лунного моря, и дорога на юг вышла бы в два раза длиннее, чем на север. Вот и выходило, что Варийская долина и Рондаларская дорога, проходящая через неё, стали единственным путём сообщения в южной части границы двух государств.

В самой долине Рондаларская дорога петляла от одной деревни к другой, проходила через развалины Рондила и, чуть отходя в сторону на север от Столпов Лукрециана, выходила прямо на расположение Второго Варийского полка. К слову сказать, Первый Варийский полк стоял в заставе Хастаф, которая располагалась на восточном берегу Карны, прямо напротив Пенейона. Воины двух полков королевской стражи несли свою вахту на границе, замыкая между собой единственно доступный тракт, который хорошо охранялся разъездами всадников и пешими отрядами.

Заставный голова в чине сотника Индар Сребролист на общем построении после смотра начал с оглашения списка воинов, отправляющихся в дозор по Рондаларской дороге. После того как все необходимые распоряжения были отданы, сотник распустил строй и обратился к воину, стоявшему к нему ближе всех. Им оказался Тенгол. Он, очевидно, напомнил голове о ночных гостях, потому что тот сразу обратил свой взор на пришельцев. Индар что-то коротко сказал десятнику и сам сразу повернулся к зданию полковой управы – единственной двухэтажной постройке на смотровой площади и во всём лагере.

Тенгол подошёл к путникам и сообщил им, что Индар Сребролист приглашает их в свой кабинет прямо сейчас. Сказано было тоном, ясно доносящим, что это была отнюдь не просьба, так что Лит поспешил должным образом поблагодарить десятника за скорость, с которой он устроил встречу с начальствующим воеводой, а Инария просто направилась в здание управы.

Сотник полка принял их в своём кабинете. Это была обширная светлица на втором этаже. Широкие окна выходили прямо на площадь, а у стен стояли большие шкафы с уложениями королевских законов, книг по истории, географии и ратному делу. Лит узнал их, так как читал многое из этого в монастыре. Более того, он переписывал некоторые из них: многие монастыри существовали на средства, вырученные от продажи рукописных книг знатым и благородным людям, и Илларионова обитель не была исключением. Вполне могло оказаться так, что в библиотеке Сребролиста могут быть рукописи, которые переписывал сам Лит.

Там были книги и на игносийском языке, и на ирманском. Литу даже показалось, что на одном из корешков он увидел нортрандские руны. Он был удивлён таким обилием литературы. Такие собрания не встречаются у кого попало: ими владеют люди глубоко образованные, и было очень похоже, что Сребролист принадлежал к их числу.

Голова заставы встретил их, стоя спиной к двери. Он смотрел сквозь окно на стражников, передвигающихся строем по площади. Охрана, стоявшая перед дверью кабинета с копьями, тихонько затворила двери. Сребролист остался с путниками наедине.

– Не далее как вчера вечером я получил сообщение, – сотник повернулся к ним лицом, но оно было скрыто тенью. В его руках было письмо – оно прибыло незадолго перед вами – и в нём было сказано, что в ночь на семнадцатое июля во вверенный мне гарнизон придёт двое путников, обвиняемых в преступлениях против короны. Некто Инария, ранее состоявшая на службе белегорнского князя Григория Клеона, а ныне преследуемая за тяжкое убийство Хасима Нурта, члена торговой гильдии Имрахилия, и некто Лит, беглый монах-лукрецианец, объявленный в розыск за подозрение в занятиях чернокнижничеством. Ниже идёт приказание вышепоименованных лиц задержать при достижении ими границ гарнизона, заковать в цепи

и отослать при усиленном конвое в крепость Граднир. Подписано сие сообщение головой крепости полковником Константином Итраном.

Как только Индар Сребролист окончил чтение письма, он оторвал глаза от бумаги, поднял их на путников, застывших в изумлении, и жестом приказал хранить молчание. Лит и так не мог вымолвить ни слова, а Инарии, кажется, было что сказать на это сообщение.

– Как вы могли заметить, эту ночь вы провели не в цепях в темнице, а в постелях королевской стражи, не самых удобных, конечно, но несравненно мягче, чем каменный пол, покрытый соломой, – Индар отложил письмо на столик, стоявший у окна. – Признаюсь, удивление моё было велико, когда я увидел личную печать воеводы Граднира на этой бумаге, ведь мне из самых достоверных источников известно, что полковник Итран сейчас находится на морских смотрях в Крестовице, а это, как вы можете судить, далеко от крепости Граднир. Как же это граф смог самолично отправить приказ, датированный четырнадцатым числом сего месяца, из крепости, при этом находясь в доброй сотне вёрст от самой крепости? Такое чудо поразило мой разум, и я стал думать, где здесь подвох? По счастливому стечению обстоятельств я сразу же догадался отправить в Граднир запрос на подтверждение вашего ареста. И только вы вышли к заставе, как почтовый голубь принёс ответ от помощника крепостного головы о том, что никаких приказов по поводу ареста указанных в запросе лиц они не отсылали и что там впервые слышат про убийство торговца из Ирмана. Так вот тут я задался ещё одним вопросом, – сотник смягчил свой голос. – Кто же мог набраться достаточно нахальства, чтобы подделать личную печать графа Итрана, о чём мне ещё предстоит ему сообщить, и зачем кому-то понадобилось отсылать вас в Граднир? Вопросы очень серьёзные, и я, хоть и считаю себя не самым глупым человеком, в одиночку не смогу их разрешить, поэтому, вместе с запросом в Граднир, я направил также голубей в Стальной Ручей, Илларионову обитель и ещё в посольство Ирмана. Ответы пришли более чем содержательные.

Воевода сделал шаг вперёд, и свет из окна упал на него. Длинные каштановые волосы с проблесками седины обрамляли сухое, ровное лицо со впалыми щеками. Внимательный, цепкий взор карих глаз, казалось, мог проникать в самую душу.

Индар Сребролист внимательно посмотрел в глаза Литу. Монах почувствовал, что его разум пронзают насквозь и он покидает своё тело, но это длилось лишь миг. Этой заминкой воспользовалась Инария:

– Благодарим вас, благочестивый Индар из рода Сребролистов, – она приложила правую руку к груди и почтительно наклонила голову. – Слухи о вашей мудрости отнюдь не преувеличение, и мне отраднее видеть, что столь достойные люди вершат государственные дела.

– Интересные слухи обо мне ходят, – усмехнулся Индар. – О вас, Инария, князь Клеон написал лично, и написанного им вполне достаточно для того, чтобы посвятить вас в королевские витязи, – Лит с ещё большим изумлением, чем когда его обвинили в чернокнижии, увидел, как порозовели щеки его суровой спутницы. А сотник обратился к монаху. – Что до ответа из вашего ордена, то мне написал старец Карлия, который настоятельно меня заверил, что вы никоим образом не можете быть замешаны в чёрных делах. Вы являетесь учеником самого советника Гирта Иссимарского и, помимо того, вскоре станете одним из самых одарённых чародеев нашего столетия, – после этих слов сам Лит уже ощутил, как кровь предательски хлынула к его щекам. – Что до ответа из посольства, то ответ был очень сух и лаконичен – среди членов торговой гильдии Имрахилия никогда не было никого под именем Хасима Нурта. Кому же это вы так досадили, что он вздумал вас заковать в кандалы?

– Нам бы и самим хотелось это выяснить, – Инария чуть помедлила, прежде чем продолжить. – Это уже не первая попытка сбить нас с пути.

– Вот как? – Индар склонил голову набок, и Инария рассказала ему о напавших на Лита разбойниках и о тех всадниках-хайнолларах, повстречавшихся им на пути в Хакнуф. Сребролист воспринял сказанное гораздо серьёзнее, чем мог предположить Лит. Он бы не удивился,

если бы сотник воспринял это всё как совпадение, но известие о хайнолларах навело Индара на какие-то мысли, которыми он, впрочем, не собирался делиться сейчас же.

– Кажется, вы, юноша, представляете для неких недоброжелателей самый горячий интерес, – сказал сотник после рассказа Инарии о проделанном ими пути. – Кто-то искренне желает вам гибели, и уже одно это заставляет меня проявить рвение по спасению вашей жизни.

– Ваше рвение вселяет веру в моё сердце о доброте человеческой. Пусть Господь не минует вас своей милостью!

– Истинно так! Но оставим дела духовные, вернёмся к делам мирским. На дороге к Столпам вас будут охранять мои люди, и я уже собрал отряд для вашего сопровождения. Они сопроводят вас, куда вам нужно.

– Это весьма благородно с вашей стороны, но неужели в этом есть надобность, ведь Рондаларская дорога, как я слышал, и без того хорошо охраняется?

– Никакая охрана не может считаться достаточной, когда поблизости рыщут враги. Постоянная бдительность! Вот что отличает хороших воинов от плохих. Мне отвратительна сама мысль о том, что по вверенным мне землям свободно рыщут треклятые душегубы из Хайноллара. Им не будет позволено совершать свои злодеяния, насмехаясь над законами нашего короля и нашего Бога!

– Благодарим вас за вашу защиту, – Инария вновь приложила руку к груди в почтительном поклоне. – Вашей помощи мы не забудем.

– Боюсь, как бы не пришли времена, когда уже мне придётся просить вас об ответной услуге, ибо будущее не сулит ничего благого.

Инария не стала спрашивать, что имеет в виду голова, хоть на лице её и отразилась тень тревоги и замешательства, а Литу достало почтения не спрашивать об этом самому.

У западных ворот путников уже ждали пятеро всадников на могучих конях. У каждого из них был лук со стрелами, стальной круглый щит и длинный прямой меч с широким лезвием, одним ударом которого можно было разрубить неприятеля. На оружии стражников стояли клейма мастеров из Стального Ручья – вотчины князя Клеона, Хранителя Запада. Во главе королевских всадников был уже знакомый путникам Тенгол, который лично вызвался сопроводить их.

Всадники ехали неспешно: торопиться было незачем. Дорога была широкой и крепкой – одно удовольствие ехать по такому добротному тракту. Обширные возделанные поля раскинулись в обе стороны от дороги. На пастбищах ближе к холмам передвигались многочисленные стада коров и отары овец. Дорога пролегла через деревни с энелианцами, рондаларами и теми игносийцами, кто не захотел уезжать после поражения в последней войне.

Лит с любопытством рассматривал рондаларов. Они были меньше ростом, чем его сородичи, примерно на одну голову, имели маленькие курносые носы, широкие рты и длинные выющиеся волосы медного цвета. Многие из них либо ходили босиком, либо носили сандалии по игносийскому обычаю. Их домики были построены из глины и крыты соломой. Некоторые из них с любопытством смотрели на всадников, свешиваясь из окон или выходя во двор.

Энелианцы в долине выглядели так же, как и везде в королевстве: рубахи или зипуны с поясами, широкие штаны и сапоги. Крестьян в лаптях было не так уж и много: в долине было много зажиточных хозяйств, некоторые хозяева даже ходили в богато украшенных кафтанах, хоть для такой одежды и было очень жарко.

Немногие игносийцы, встреченные по пути, были одеты в бордовые подпоясанные хламиды, скреплённые застёжками из металла. Только единожды им встретился человек Игноса в белой одежде. Этот благородный игносиец был коротко стрижен, как принято среди знати Игносии. Его застёжка была сработана из тёмного золота.

Он приветствовал Тенгола, и тот рассказал Литу чуть позже, что это был Пелагий ран Кавен – самый крупный землевладелец в Варийской долине. Его отец – Кардий был магистра-

том округа, когда эта земля принадлежала Игносии. Война отняла эту землю у императора, но не у Кавенов, ведь они даже увеличили свои владения за счёт покинувших долину сограждан.

Во время проезда всадников по дороге мимо одной из деревень в кустах Лит увидел пару ребятшек, которые играли друг с другом в неизвестную детскую игру, и монах заметил, что лица обоих изукрашены красным соком лесных ягод. Лит вспомнил услышанный вчера рассказ о местных обезьянах-горлопанах, которые красили себе морды перед нападением. Присмотревшись к ребятам, Лит отметил, что они оба принадлежали к рондаларскому племени и, видимо, играли в войну, обязательным условием которой был боевой раскрас. Кажется, что жители в долине придерживались унаследованных от дедов обычаев и не очень-то стремились объединяться единой энелианской культурой...

Лит достал из сумки «Историю», разыскал в книге раздел про игносийскую войну и сделал на полях запись карандашом о традиции рондаларов выкрашивать лица перед сражением.

За книжными делами Лит не заметил, как всадники подъехали к развалинам Рондила. Почти все строения в городе были снесены до основания, а на уцелевших кусках домов виднелись длинные следы копоти. Городская стена зияла огромными провалами, а кое-где горный камень заметно оплавился, будто бы по укреплениям ударило пламя, растопившее их как масло.

Молодой монах содрогнулся при мысли о том, какую невообразимую силу обрушили его соплеменники-энелианцы на головы игносийских защитников, не пожелавших сдавать город.

Почему-то Литу думалось, что Рондил уже должен бы зарости кустарниками и деревьями и они проедут мимо рощи, сквозь которую лишь едва-едва будут видны руины города, но ничего подобного. Ни единой травинки не пробивалось сквозь плотный слой саж и пепла. Даже земля здесь была уничтожена.

– Что здесь случилось? – Лит тихо обратился к Инарии. Стражники замолкли, и сквозь развалины они ехали в молчании, прерываемом лишь пением пичуг, снующих между обломанных стен.

– Думаю, об этом тебе будет лучше спросить у своего учителя Гирта, – выразительно ответила Инария, указав на останки жилища, мимо которого они проезжали. На камне отчётливо виднелись смоляные следы огромной пятерни. Ладонь пылающего исполина, коснувшегося дома, была втрое больше ладони Лита.

Ученик знал, что его учитель обладает поистине могучей силой, но Литу никогда бы не пришло в голову, что этой силы достанет, чтобы развеять по ветру целый город! А он-то три года только книжки читал в монастыре!

– При виде такого начинаешь понимать, зачем королевству нужны чародеи... И зачем нужен орден, который их готовит, – спокойно проговорила Инария, но монах решил промолчать.

Всадники миновали Ветренный холм, получивший своё название из-за постоянного ветра на своей вершине. Именно по этой причине на этом холме была поставлена мельница. Она была сложена из крупного серого камня, но на покатых стенах ещё сохранялись следы белой краски. Деревянные крылья неустанно вращались, оглашая округу лёгким приятным скрипом. Ко входу в мельницу было прислонено копьё. Оно смотрелось здесь удивительно не к месту.

Из избы при мельнице вышла женщина с большим кувшином козьего молока. Она оказалась женой мельника, который вот-вот должен был вернуться из Пенейона, где он обыкновенно торговал мукой. Хозяйка напоила путников молоком и выспросила самые последние новости, которые были известны стражникам.

Литу стало понятно из рассказа, что три дня назад над лесом Эгер будто бы видели дракона. Он промелькнул совсем ненадолго, но один из стражников стоял тогда в дозоре на вышке,

и сейчас он говорил, что самолично видел, как крылатый змей поднялся из чаши, улетел вверх и тотчас скрылся в облаках.

Жена мельника с тревогой восприняла эту новость, и Литу пришлось заверить её в том, что их не оставят в беде и что Господь не допустит нападков на своих верных последователей. Призывая её чаще молиться, монах сам подумал о том, что драконы крайне редко нападали на людей, но всё же иногда такое происходило. За последние два столетия никому не удавалось одолеть дракона, хотя многие видели здесь причину в том, что этих огромных созданий в мире осталось совсем немного, и они всё больше прячутся среди высоких гор или непроходимых чащ вроде леса Эгер.

С вершины Ветреного холма Лит смог наконец увидеть цель своего пути. До монастыря оставалось совсем немного. Столпы Лукрециана представляли собой прямоугольную крепость с высокими квадратными башнями в каждом из четырёх углов. Крепость была очень древней. Она была построена ещё во втором веке до Просвещённой эры, то есть её уже можно было считать тысячелетней.

В седой древности, когда императорами звали не верховных правителей, а полководцев, глав легионов, здесь располагался гарнизон Игносии. Провинция Ремар тогда была беспокойным котлом из варварских народов. Истинным игносийцам приходилось содержать мощные крепости, чтобы противостоять восставшим народам. Тогда эта крепость называлась Хасафор, и она предназначалась для защиты от энелов – предков современных энелианцев, которые постоянно вторгались в игносийские владения.

Хасафор стоял на одном из двух холмов в Варийской долине. На втором холме тоже некогда стояла застава игносийцев, но она была разрушена давным-давно, ещё до появления великих пророков. Ныне на её месте стояла деревня с мельницей.

После сожжения крепости варварами стены Хасафора были укреплены и старые деревянные башни заменили каменными. Новая крепость выдержала ещё множество атак, а взять её так и не смогли, но старая Игносия умирала: Сенат оказался бессилён против возросших амбиций своих военачальников. В муках гражданской войны рождалась новая империя. Крепость была оставлена легионерами, и её заполнили беженцы из охваченных войной областей, которые все вместе внимали слову великих пророков – Слову Божьему.

На окраинах могущественной державы стали разрастаться секты илианцев, как их стали называть по имени первого пророка Илии. Его самого сожгли на костре за учения, подрывающие основы веры в Старых богов – языческого пантеона. Но тот огонь стал символом новой веры, ибо не смог причинить Илии никакого вреда. Его плоть была объята пламенем, но не опалила пророка, а лишь согревала! Все, кто был на казни, видели это: первый магистрат, воины, жрецы старых культов, простые люди... Все видели, как пламя вознесло Илию прямо на небо. Это было новое начало.

Огонь веры в Создателя охватил и далёкую провинцию Ремар. Её власти нещадно бились с сектами илианцев, но ослабленные гражданской войной легионы не могли поспеть всюду... Благородный человек Лукрециан ран Гастил помогал множеству гонимых сограждан: он укрывал их в своём владении, а позже помогал добраться до Варийской долины, в то время далёкой от взоров гонителей.

Вскоре Лукрециан был раскрыт, и по настоянию жрецов Старых богов его заставили выпить чашу с ядом... Но вопреки всякому естеству тело Лукрециана не стало тлеть! Лекари обнаружили это на третий день после его гибели, когда окончилось время прощания с покойным и настал черёд его хоронить. Многие постарались скрыть тот факт, что останки Лукрециана нетленны, но через несколько дней последователи Единого тайно вскрыли гробницу ран Гастилова и убедились, что слухи правдивы. Уверовав в чудо Господне, они вывезли мощи Лукрециана в Хасафор, где и основали свою общину.

Много раз властители Ремара пытались покончить с этой общиной, но стены крепости были крепки, а вера защитников тверда. А те объявили Лукрециана святым и стали поклоняться его нетленным мощам. Их сила, подкрепляемая верой, была огромна! Страх охватывал легионеров всякий раз, когда они приближались к стенам Хасафора, который защитники переименовали в честь своего святого. Столпы Лукрециана не удалось взять последователям Старых богов, ибо земля уходила у них из-под ног. Крушение старого пантеона шло повсеместно в новой империи. В 48 году Просвещённой эры в Хасафор было привезено тело святого человека, а в 112 году император Игносии Ремул ран Карнав объявил о прекращении всех гонений илианцев, когда полководец Исмаил спас сына императора от тяжкого недуга всего лишь наложением рук...

Столпы Лукрециана стали оплотом истинно верующих и местом паломничества для всех последователей Единого, а его защитники образовали монашеский орден и назвали себя лукрецианцами в честь своего спасителя. Один из них как раз сейчас приближался к сердцу своего ордена.

Монастырь охватывал большой ров, заполненный водой, оставшийся ещё со времён последней войны с империей. Энелианцы пытались вновь превратить монастырь в крепость, когда им удалось выбить игносийцев из долины, но тогда защитные сооружения не понадобились: после сожжения Рондила война вскоре закончилась. Через ров был перекинут крепкий деревянный мост прямо к главным воротам.

Всадники подъехали к мосту и спешили. Здесь было множество разных людей, от послушников монастыря до праздных жителей долины. На мосту также стояли и королевские стражники. Тенгол переговорил о чём-то с ними и передал какие-то указания из заставы. Они выглядели расслабленными: кажется, в долине всё было спокойно. Десятник вернулся к своим людям.

– Обошлось всё без приключений, верно? – Тенгол снова вскочил на своего коня, и за ним последовали остальные стражники. – Кажется, нам пора прощаться.

– Вы возвращаетесь в Хакнуф? – спросила Инария у десятника.

– Сначала проследуем в Хастаф, после этого сразу возвращаемся обратно, но нам нужно торопиться, если вы с нами, то поспешите, если нет, то прощайте! – всадники повернули коней на дорогу.

– Вот и мне нужно в Хастаф, – задумчиво проговорила Инария. Она повернулась к Литу. – Приятно было скоротать дорогу с тобой, – она улыбнулась при этих словах. – Наши пути здесь разойдутся, но мы ещё встретимся, – она вскочила на Эрго. – Не в этой жизни, так после неё! – Инария напоминала об их споре на дороге, который только Единый сможет разрешить на Страшном Суде.

– Удачи тебе на пути и во всех твоих начинаниях! – Литу было грустно прощаться. Он совсем не ожидал, что дорога в долину даст ему так много. Кажется, он начинал понимать, зачем мудрый учитель отправил его в путь. Но чем горше была грусть прощания, тем радостнее новая встреча, как ему хотелось думать. Лит чувствовал, что скоро он увидит Инарию вновь и он будет рад этой встрече. – Заедешь в Столпы на обратном пути?

Инария вновь стала серьёзной, как тогда, на дороге, полной опасностей и неизведанного.

– Клянусь Создателем, я ещё услышу о твоём могуществе, – таков был её ответ, и она повернула на западную дорогу, поехав вслед королевским всадникам Тенгола.

Лит не смог ничего сказать на это и лишь смотрел, как его спутники уходят по дороге на запад.

– Создатель уберёжёт их души!

Лит обернулся и увидел за собой старца в белых одеждах, опирающегося на крепкий дубовый посох с круглым красным бриллиантом, вставленным в ветвистое навершие. Этот камень напомнил Литу маленькое спелое яблоко.

– Я чувствовал, что ты уже близко, – старец был очень высокого роста, что немного смутило Лита, ведь он редко видел кого-то выше себя. – Ты Лит из обители, а моё имя ты уже слышал, и не единожды. Я Самуил, настоятель этого скромного дома Единого, – святой отец позволил себе улыбнуться, и в его глазах мелькнуло что-то озорное.

Самуил Варийский был очень стар. Лит знал это, но знать и видеть – разные вещи: настоятель казался много моложе, чем представлял себе монах. Его глаза всё ещё блестели живым огнём, хоть и казалось, будто они подёрнуты дымкой. Его кожа была тронута морщинами, но ещё далека от того, чтобы забронзоветь окончательно. А волосы и борода Самуила даже и сединой-то не были покрыты! Они всё ещё сохраняли тёмно-каштановый цвет. Настоятель монастыря был игносийцем. Настоящим, а не потомком варваров из провинций. Об этом явственно говорили его длинный нос, по-орлиному загибающийся книзу, широко поставленные глаза и высокий белый лоб.

Самуил был одним из самых почитаемых владык ордена и мог бы даже возглавить его, если бы захотел. От достопочтенного Карлии Лит слышал, что Самуил почти никогда не покидает свою излюбленную долину и считает её своей родиной, хоть и родился он не в Варии, а в Игносе – столице империи. Там же он и окончил Белую Семинарию, а после неё был направлен в Столпы. Монастырь всегда был частью ордена лукрецианцев, хоть в Игносии и была Церковь святого Юстиниана, которая объединяет все храмы и монастыри илианцев и отрицает власть отдельных орденов. Служители всех религиозных орденов на земле Игносии обязаны были подчиняться Церкви и решениям её патриарха, так что Столпы Лукрециана – сердце лукрецианского ордена, – находились во власти игносийской церкви, но положение изменилось, когда в 756 году Варийская долина вместе со Столпами перешла в руки Энелианского королевства.

В Энелии нет и не было никогда единой церкви. В королевстве святые ордены были свободны распоряжаться своими правами. Многие из служителей Церкви покинули Столпы, когда монастырь оказался во власти Илларионовой обители – главной твердыни ордена, но Самуил решил остаться. Как он говорил впоследствии, война – это мирское дело, и негоже из-за этого слугам Единого спорить меж собой.

Гирт Иссимарский, посетив Столпы, сразу же убедился в искренности Самуила. К тому же он увидел, что тот искущён в магических науках, а для Гирта, самого отмеченного Божьим даром, как он часто говорил своим ученикам, не было большего доказательства преданности Создателю, чем чародейская сила, так Самуил и стал настоятелем монастыря.

Самуил тепло приветствовал Лита и, рассказав обо всём, что ему следовало знать о распорядке жизни в монастыре, лично отвёл его в келью. Гевра была отведена в конюшни одним из монастырских прислужников, мальчонкой лет двенадцати с хитрыми глазами.

Настоятель задержался в монашеской келье, когда привёл туда Лита:

– Я был бы рад, если бы у тебя нашлись ко мне хоть какие-то вопросы, – сказал он просто, чего Лит совсем не ожидал от него. Самуил вовсе не походил на остальных отцов ордена и этим удивлял монаха.

– Если это будет уместно...

– О, более чем уместно!

– Я хочу знать, когда начнётся обучение, святой отец?

– Мы начнём завтра, сын мой, лучше раньше, чем позже. Начали бы сегодня, да погода уж больно хороша! – тут он подмигнул Литу и улыбнулся в бороду. – Но разве это ты хотел спросить? Только твоё обучение тревожит тебя?

– Есть ещё кое-что... – Лит слегка закашлялся. – Простите... Есть ещё кое-что. По дороге сюда кое-что произошло.

– Какая-то встреча?

– Можно и так сказать, – Самуил уже обо всём догадался, это и так было видно. Сложно что-то утаить от могущественного чародея.

– Приятная? Полезная?

– Я бы не сказал так...

– А как бы ты сказал? Что кто-то хотел отправить тебя к Создателю? Тут лучше и не скажешь, – так же добродушно подвёл старец.

Лит замолчал и ждал, что скажет Самуил дальше. Он вздохнул и посмотрел в узкое окно кельи.

– Слишком долгое время мы считали, что сила может быть дарована свыше самим Богом! – он воздел перст к потолку. – Сила точить камни, боронить землю, ловить рыбу или же словом разжигать пламя – это всё едино. Мы свято верили в то, что всё сущее – это высшая воля, что всё происходящее – дело рук Господа. Слишком долго мы плутали во тьме собственных иллюзий, но мудрейшие из нас всегда знали правду, хоть и тщетно пытались скрывать её. В мире, что называется, в нашем мире есть силы не только божественные, вернее – не только нашего Бога. Хоть Единый и создал наш мир и нас, всё же он создал не всё. Ты же знаком с Догматом Происхождения?

– Конечно же, да! – вспыхнул Лит: как же не знать основ веры!

– О, прости, ты должен простить старику любовь к вопросам. Я очень люблю их. Кажется, я уже говорил об этом... – он снова улыбнулся.

– Простите меня, отец... Я... Моя гордыня...

– Не более, чем у других! – он властно поднял руку, прервав пустое бормотание юного монаха. – Так или иначе, расскажи мне о Догмате, утешь моё любопытство, будь так добр.

Лит прокашлялся и успокоился:

– Догмат Происхождения был оглашён пророком Илией в проповеди в Харанне. Он говорит, что Единый в милости Своей из земли, воды, огня и воздуха сотворил весь сущий мир. Но земля была пуста, и лишь ветер гулял по земле, а огонь пылал в пустоте, и вода была мертва. Тогда Бог сотворил жизнь так же, как и мир, из земли, воды, огня и воздуха, но в этот раз в жизнь Он вдохнул часть Себя, и мёртвое стало живым. Земля стала дышать, реки забились ключами, огонь рождал свет, а воздух сеял жизнь. Так появился человек, созданный волей Единого, Его руками и Его силой!

– Всё совершенно верно. Ты всё правильно рассказал, сын мой. Всё так и было. Только этот Догмат, высказанный всеблагим Илией, умалчивает об одной важной детали – что было до сотворения сущего мира?

– Ничего... Пустота! – Лит был сбит с толку таким вопросом.

Взгляд Самуила смягчился ещё больше.

– Это не совсем так. До Единого не было человека. Нас с тобой. Это так. Не было окружающего нас с тобой мира. Это так. Но был иной мир! Мир, откуда произошёл Единый. И в этом мире Он не был одинок. Нам, называющим себя мудрецами, а на деле – глупцам, неизвестно, что стало с тем иным миром после того, как Господь в милости Своей сотворил наш мир. Возможно, он до сих пор существует где-то, а возможно он был разрушен, чтобы на его руинах наш Бог воздвиг новую цитадель, которую Он населил нами, смертными. И за это мы будем вечно благодарны Ему!

– Истинно так!

– Но нам ведомо, что в том старом мире были и иные сущности, помимо Единого, и они, вне всякого сомнения, перешли в наш новый мир. Ты, несомненно, слышал о них, – тут Самуил выжидательно посмотрел на Лита.

– Старые боги! – догадался Лит.

– Именно! Старые боги! Они первыми заявили свою власть на новый мир, пока Единый выжидал... Они были слабее Его, слабее многократно, и потому нуждались в пастве, кото-

рая бы хвалила их, поклонялась им. Единый дождался, пока их ложь откроют смертные, и тогда явил нам Себя по-настоящему! Пророки и их последователи низвергли Старых богов, впрочем, они не ушли... Они ещё здесь и по сию пору, и сила их велика...

– Но ведь... Пророки, они же просто отрицали сам факт существования Старых богов! Называли всё это нелепицей и глупыми домыслами старых жрецов! – у монаха начала болеть голова от такой откровенной беседы, ему было интересно слушать Самуила, но кажется, что старец решил выдать ему все тайны мира, едва Лит пересёк порог его монастыря.

– Старые жрецы были вовсе не так глупы, – рассмеялся Самуил. – Хоть они и не смогли уберечь себя. Пророки верно поступили, отрицая Старых богов. А потомки в лице преподобного Эклеариха поступили ещё вернее, постулат которого напрочь отрицает силу языческих богов. Только так и можно убить бога – перестать в него верить. Но Старые боги пока ещё живы... Но дело не только в них. Помимо божественных сущностей в старом мире было огромное количество существ. Ты слышал о них в детских сказках и в легендах и в книгах, вероятно, многое прочёл... Иные считают их вымыслом, и хоть в том, что они болтают, действительно, есть огромная доля неправды, сами существа всё же есть и обретаются в нашем мире с самого его основания.

– Демоны?! Драконы! Может, легриты? – выпалил Лит.

Тут Самуил откровенно захохотал:

– Сразу всё скопом! Да, мальчик мой, ты умнее многих и ещё обставишь всех нас! – старец снова поглядел на Лита, и в глазах его были слёзы радости.

– Ты только что три раза ткнул пальцем в небо и три раза попал в него! Выдал все портовые байки, и все они оказались верны! Демоны – бесплотные духи из старого мира, который мы, смертные, знаем под названием Йона. Из Йоны демоны пробрались к нам в наш мир – Андар. Они живут среди нас, и мы можем чувствовать их, а сильнейшие из нас даже видеть их... – тут уж Лит не усомнился в том, что сам Самуил мог видеть демонов. – Они могут вселяться в смертных и управлять ими, направлять к своей выгоде или просто ради забавы. Мотивы многих демонов сложно предугадать. Некоторые добрые, некоторые злые, но истинно то, что они очень древние и не были созданы Единым!

Драконы – это ещё одна напасть из Йоны. Крылатые огнедышащие твари смогли пересечь барьер между мирами и поселились здесь, в нашем мире. Что до драконов, то им и дела нет до нас, и никогда не было дела, что б там ни думали себе древние цари, которые стяжали себе славу охотой на них. Драконы – это звери, хоть и очень разумные. Ты удивишься, насколько они разумны, если тебе доведётся общаться хоть с одним из этих гордых созданий.

Легриты – это раса вечных существ. В Йоне они были нечто вроде полубогов: бессмертные, свободные от смертной доли. Они перешли в Андар, как крестьянка переходит из своей избы к соседке. Здесь они остались жить... Но Единый не создавал этот мир для легритов! О, нет! Легриты были жестоко обмануты своим тщеславием, и сейчас они пропали... Все до последнего... Только их подземные города остались нам немым назиданием. Никто не знает, что стало с Древними, как их мистически называют те немногие учёные, что пытаются раскрыть загадки, оставленные нам легритами. Кто-то из них говорит, что они погубили себя сами; кто-то, что Создатель покарал Древних; кто-то, что они вернулись обратно в Йону, когда поняли, что этот мир не для них, а может, перешли ещё куда-то...

– А вы что думаете?

– Я считаю, что просто пришло их время. Но опустим это... Судьба Древних может подождать. Тебе нужно отдохнуть, а мне нужно не терять такой чудесный день и пойти прогуляться. Увидимся завтра! – Самуил вышел из кельи с таким видом, как будто только что не вывалил на Лита основы мироздания!

«Подумать только! Все легенды и байки! Догмат Происхождения! Единый – не единственный бог? Драконово пекло!» Лит остро чувствовал, что ему нужны ответы, впрочем, он

понимал, что их он и так получил предостаточно. Только вот после таких ответов вопросов стало в десять раз больше. Он понимал, что если бы Самуил ему рассказал сразу же всё, что знает о мире, то Лит бы не выдержал такого... Хотя и того, что он услышал, было более чем слишком.

Монах подошёл к окну и стал смотреть сквозь него на далёкие холмы северной гряды, окаймляющие Варию. Холмы, на которых паслись стада, покрывала обильная трава. Ниже лежали крестьянские поля пшеницы. Возле полей стояли деревни, где были видны люди и лошади. Над всеми ними парили птицы. Всё это было создано Господом в Его милости.

Самуил так и не рассказал, кто мог желать его, Лит, смерти. Кто охотится за ним? Впрочем, из сказанного настоятелем можно было предположить, что этот скрытый враг черпает магическую силу из очень древних источников... Старые языческие боги, тайные демоны, да ещё и драконы ко всему! Так и голова может пойти кругом! Лит почувствовал, что и в самом деле устал. Он снова взглянул в окно. Солнце. Солнце повсюду. День был в полной власти. Спокойствие и безмятежность.

– Мир не рухнет, если я немного отдохну, – сказал Лит сам себе, а после лёг на кушетку и заснул.

Проснулся он только к вечеру от чувства голода. Он открыл глаза, как услышал, что кто-то вошёл. Монах обернулся к двери. Это был тот мальчишка-прислужник, что отвёл Гевру. Лит припомнил, что его звали Нарфом.

– Ужин готов, милостивый государь. Изволите выйти в трапезную?

– Да-да, сейчас, очень вовремя, спасибо, ступай! – Нарф быстро ускакал куда-то. На кухню, наверное.

Лит спустился вниз и думал о том, сможет ли он ещё сегодня поговорить с Самуилом наедине? У него вертелось в голове множество вопросов, и кому-то нужно было их задать.

Его келья находилась в Восточной башне. Здесь были только жилые помещения, как сказал ему настоятель, но пока монах спускался, он не встретил ни единой живой души. Все двери были закрыты, и даже не все факелы были зажжены на лестнице, из-за чего вокруг царил полумрак. Трапезная располагалась в двухэтажной постройке в центре старого крепостного двора.

Монах вышел во двор и ощутил, как сразу похолодало. Как будто осень наступила раньше времени... Лит зябко поёжился в своей лёгкой робе. Тут же он услышал как будто бы тихий шелест сверху, вроде трепетания полотна на ветру. Лит поднял голову и увидел только Восточную башню и стены, примыкающие к ней. В некоторых окнах горел свет. Небо уже было тёмным: солнце давно уже скрылось. Внезапно какая-то тень легла Литу на глаза, он замигал и начал рыскать глазами по небу, пытаясь отыскать источник тени, но ничего не увидел. Он заметил, что на одной из крепостных стен висит полотнище с Символом Веры. Оно и трепетало на ветру.

Раздосадованный своей излишней впечатлительностью, монах широкими шагами пошёл на ужин. Он даже и не заметил, как нагрелся камень, который всё ещё лежал у него в кармане. Тот самый камень, который он вынул из зрачка демона, что был высечен в камне на стене древнего храма...

Лит вошёл в тёплую трапезную. Он увидел там братьев-монахов за длинным столом. Ученик чародея поискал глазами своего настоятеля, здесь он его не увидел. В нос тут же ударил запах жаркого, и Лит, отбросив все тревоги в сторону, направился к столу.

Глава пятая

Озёрный город

После утренней молитвы Лит вышел к дверям, ведущим в Южную башню, где он должен был встретиться с новым наставником. Брат Левант, с которым он познакомился вчера за ужином, сообщил ему во время завтрака, что Самуил будет ждать его здесь, чтобы начать обучение.

Брат Левант был монахом из Кадроса – городка под столицей. Он также стоял на реке Лавре, что и сам Ланар, только Кадрос был ниже по течению и играл роль речной крепости, прикрывающей столицу с севера. Утром Левант, помимо прочего, рассказал Литу о том, как живут люди в Кадросе и чем жизнь столичных жителей отличается от жизни в Королевском Уделе, как назывались земли в центре Энелии.

Сам Лит никогда не был в Ланаре, так что ему было интересно послушать рассказы брата Леванта. Хоть его монастырь и располагался всего лишь в двадцати верстах к югу от столицы, Лит редко покидал стены Иларионовой обители. Его увлекли рассказы про столичные нравы и порядки, про королевский двор и всё, связанное с ним.

Левант один раз был при дворе нынешнего короля Павла Третьего и многое запомнил из той поездки. Он говорил Литу о том, что король благородный и милосердный человек. Государь много делает для процветания королевства, но его окружают люди, непрестанно борющиеся между собой. Например, Хранитель Востока граф Аврам Рузарин денно и нощно твердит королю об угрозе, исходящей от Валнарского княжества: валнарский князь-де не оставит попыток занять королевский престол Энелии.

Тут брат Левант сделал небольшое отступление и уточнил, что дед нынешнего короля, Павел Второй, лишил прав на престол своего старшего сына Илариха по причине некоего тяжкого недуга последнего. Права на престол перешли к младшему брату Илариха Василию. Иларих после этого уехал в Валнар, где взял в жены княжну Савайю, дочь тогдашнего валнарского князя Миврена Ярела. Иларих объявил о том, что лишён прав на престол под надуманным предлогом и что настоящая причина его опалы лежит в том, что его отец-король никогда не питал к нему особой любви и, впав в крайность, лишил его законных прав на престол. Опальный Иларих объявил себя истинным наследником энелианской короны.

Павел Второй никак не ответил на этот злой выпад, хотя приближённые к нему отмечали, что после этого король значительно ослаб и вскоре заболел смертельной болезнью... И даже сам могучий Гирт Иссимарский не смог отыскать лекарство для монарха. После смерти новым королём стал Василий, как и было предписано Павлом при жизни. Иларих не признал это решение и объявил было о готовящейся войне, да только валнарский князь Миврен напомнил ему о том, кто управляет великим княжеством.

Валнар и Энелия никогда не имели крепких дружеских отношений, но война княжеству в тот момент была не нужна. В тот раз Иларих смирился с поражением, и всё же своих детей от Савайи он воспитал в твёрдом убеждении, что престол Энелии должен принадлежать ему. Юные Кинарих и Катарина росли в атмосфере глубочайшего презрения к нынешним правителям Энелии, а любое несчастье в Энелии преподносилось им как скорое падение дома Некридов. Все свои речи Иларих заканчивал одинаковой мыслью о том, что только возвращение истинного короля спасёт Энелию от неминуемого краха.

Иларих прожил не очень долго. Ненависть к отцу и брату всё же съела его... К сорока годам он уже был при смерти, и она вскоре настигла его. Старейший князь Валнара назначил Кинариха – своего единственного потомка мужского пола – наследником великого княжества Валнар.

Совсем недавно Миврен Ярел преставился после пятидесяти лет царствования и Кинарих как наследник принял своё княжение. В Энелии многие, особенно в Восточной Чети, разделяли опасения графа Рузарина о том, что новоявленный государь может представлять серьёзную угрозу для королевства, но большинство всё же отмахивалось от подобных опасений, говоря о том, что скорее всего новый князь так же глуп и недалёк, как и его отец. Некоторые советники предлагали Павлу встретиться с Кинарихом и заручиться его поддержкой. Они считали, что родственная кровь поможет присоединить Валнар к Энелианскому королевству. Но граф Рузарин называл такие устремления наивными и лишёнными всяческих надежд на успех, напоминая о давней неприязни знати Валнара к энелианцам. Так или иначе, ни Кинарих, ни его сестра ещё пока никак себя не проявили.

Литу было интересно послушать рассказ брата Леванта, так как хоть до него и доходили подобные истории в монастыре, но то были лишь отрывки и мимолётные слухи, а Литу была интересна история в её наиболее полном варианте. Сам великий историк, к сожалению, почил задолго до истории с изгнанием Илариха и потому не мог подробно описать эти события, а нового Велерана среди нынешнего племени пока что не сыскалось.

Пока Левант многословно расписывал позиции разных графов и князей при королевском дворе, Лит всё думал, какая горькая судьба постигла Павла Второго Некрида. Быть отвергнутым собственным сыном... Он, и верно, от горя умер. Тут никакое лекарство не поможет, даже будь ты трижды великим чародеем, всё равно не сможешь вылечить человеку разбитое сердце...

Ещё одним вопросом задавался монах: зачем король лишил сына прав на престол, в чём здесь причина? Лит продолжал ломать голову над этим и после окончания беседы с Левантом. «Верно, следует спросить об этом у учителя Гирта во время встречи, если таковая случится скоро, хотя, может, и Самуил что-то знает... Наверняка он знает...» Уже у подножия башни его раздумья прекратил некто, легко положив руку ему на плечо. Самуил заглянул в лицо своего ученика:

– Ты готов начать, сын мой?

– Да.

– Хорошо, очень хорошо. Сейчас нам нужно будет спуститься в подземелье, пойдём за мной, – Самуил сразу же, не медля ни минуты, вошёл в башню и по винтовой лестнице направился вниз. Звуки шагов настоятеля, касающихся каменных ступеней, настойчиво звали ученика вниз. Лит помедлил немного, вспоминая о вчерашнем, но решил пока ничего не спрашивать у своего наставника. Самуил, поди, сам знает, что лучше знать Литу, а что – не стоит.

Наставник спускался всё ниже и ниже по лестнице. Воздух внутри монастырского подземелья был сырой и очень тяжёлый. Казалось, людей здесь не было очень давно или они заходят сюда крайне редко, хотя на стенах висели зажжённые факелы. Кругом были мрак и запустение.

Наконец они спустились настолько глубоко, что тишина стала давить на уши. Самуил снял один из последних огней со стены и взял его в свободную от посоха руку. Теперь Лит смог увидеть ход, проделанный в стене, который шёл прямо, но уходил ещё ниже.

– Что ты чувствуешь?

– Как будто склеп какой...

– А это и есть склеп. Храм, если точнее... Храм Древних. Если уместно их так называть.

– Легриты?!

– Да. Люди в старину считали, что эти подземелья обладают некой силой. Что ж, здесь они были правы... Они думали, что если построить город или крепость на древних руинах, то сама земля будет оберегать их. Но это уже из разряда глупостей, – Самуил говорил спокойно, было видно, что ему не впервой спускаться сюда.

– А какая... Что за сила здесь может находиться?

– Очень древняя... Но не нам властвовать над ней, – веско заявил Самуил, – сила Ионы не должна принадлежать смертным людям. И поэтому здесь поставлен страж, защищающий эти руины. Легриты давно покинули этот мир, а страж всё ещё стоит.

– Мы пойдём к нему?! Но зачем?!

– Чтобы увидеть, с чем ты можешь столкнуться. Ты увидишь существо, которое намного древнее этого мира!

– Это дракон? – упавшим голосом спросил монах. Мысль о крылатых чудовищах не отпускала его. Лит уже понял, что в глубинах этого подземелья его ожидает ужасный кошмар. Он чувствовал смятение.

– Нет, это не дракон, – довольным голосом ответил наставник, – но этот зверь не менее смертоносен. Для тех, кто недостоин, – последние слова Самуил прибавил совсем тихо, и Лит едва расслышал их, но всё же он их услышал.

Учитель со своим учеником продолжили движение вперёд. Они вошли в коридор, который заметно отличался от того, по которому они шли ранее. Вход между двумя проходами был разделён высокой аркой, вершина которой была скрыта в темноте, но стены были украшены странными узорчатыми элементами, направляющимися снизу вверх. При должном воображении их можно было принять за письма, но Самуил и не думал останавливаться на входе в арку, и у Лита не было возможности рассмотреть её.

Камни внутри нового коридора были заметно крупнее, чем раньше. И они будто бы мерцали в темноте, отзываясь на свет пламени в руках Самуила. Огонь факела затрепетал от холодных сквозняков, вырывающихся снизу. Монаху чудилось, что по его ногам бегают воздушные духи сильфы, от того такой сильный ветер был здесь. Хотя, может, в этом подземелье и впрямь жили эти, любящие проказы существа. С них станется поселиться в *таком* месте.

Вскоре каменный проход закончился. Ровный коридор сменился прямыми, широкими ступенями, ведущими вниз. Кое-где сквозь лестницу попадались толстые корни, и Лит удивлялся: какие деревья могли пустить их так глубоко? Они спустились уже, наверное, на добрую сотню саженей под землю.

Стены над лестницей стали расширяться, и над головами появились очертания свода, поднимающегося всё выше и выше. Внезапно туннель, больше похожий на рукотворную пещеру великана, уступил, и они оказались на площадке перед поистине огромными воротами ярко-синего цвета.

Ученик высокого задрал голову, чтобы разглядеть вершину ворот, но свет факела не мог осветить высоту свода. Ворота казались сотворёнными из цельного куска бирюзы, настолько яркими они были, но Лит даже и представить себе не мог гору, из которой можно было добыть два драгоценных камня для створок исполинских дверей. Приглядевшись, Лит понял, что это был не камень, а металл, но какой именно, сказать Лит не мог.

Лит решил осмотреться вокруг и вдруг увидел, что вся площадка мощена ровным белым камнем. Стены здесь тоже были молочного цвета. И, как жителю Калантира, этот камень Литу уже был знаком. Именно на таком же стоял Белый дворец князя Северина.

Самуил прошептал некие слова на незнакомом Литу языке, и по обеим сторонам от огромных ворот загорелись ровным светом голубые минералы, лежащие в металлических сетчатых кадках. Теперь Лит мог внимательнее осмотреть ворота, на которых были начертаны какие-то рисунки. Рука монаха сжалась крепче на том месте, где у него раньше висела сумка с «Историей» Велерана. «Об этом следует записать!» Лит сделал всего лишь шаг к воротам, чтобы разглядеть их, как створки начали открываться!

Лит отпрянул было назад, ожидая, что за воротами встретит самое худшее, но остался на площадке, увидев, что Самуил даже не шелохнулся, словно так и должно быть. Проход медленно отворился, но за гигантскими дверьми никого не оказалось. Наставник без тени колебаний двинулся дальше, и Лит, немного замешкавшись, пошёл следом.

За воротами оказался проход из таких же белых камней. Вдоль стен стояли новые корзины с камнями, которые загорались тотчас же, стоило к ним подойти. Лит наклонился над одной из корзин и увидел, что по их стенкам вырезаны некие письмена в виде непрерывных завитушек. В отличие от тех, что были на первой арке, эти шли, как и положено, горизонтально и уже совершенно точно являлись словами на непонятном языке. Лит где-то видел такие же... Не на арке, а ещё раньше. Такие же узоры, и ведь совсем недавно... Но Лит точно не мог вспомнить где.

Лит увидел, что то, что он принял в полумраке за проход, на деле оказалось галереей. Светящиеся голубые камни постепенно набрались силы и стали давать больше света, и монах заметил фигуры и символы, вырезанные на стенах в одной сажени от пола.

На барельефах рассказывалась какая-то история. Лит видел фигуры высоких людей. У некоторых из них были вытянуты лица, как будто бы по-птичьи. На первом изображении люди обступили некий сияющий шар. На втором – они были оттеснены к границам плиты, а в центре сияние бушевало яростным пламенем. На третьем барельефе место света занял огненный косматый шар, и коленопреклонённые фигуры обратились к нему с воздетыми вверх руками. Литу стало интересно, что же он увидит дальше, но на следующем изображении был только высокий лунный серп, чьи лучи освещали одинокую чёрную фигуру. Её лицо было изображено весьма детально, и оно было прекрасно, но только в её глазах стояло безумие... Дальше всё было разбито вдребезги. Ни одной целой картины.

Пока Лит пытался отыскать хоть какой-то целый кусок на дальних плитах, Самуил позвал его:

– Иди сюда, мой мальчик. Мы уже рядом.

Наставник стоял у окончания галереи, и перед ним мерцало что-то очень похожее на воду. Ученик подошёл и увидел, что теперь он стоит на каменном бортике, окаймляющем подземное озеро. Свет камней из галереи освещал лишь небольшую часть озера, и во тьме подземелья оно казалось бесконечным.

Самуил прошептал заклинание на том же самом чудном языке – и его факел неожиданно выстрелил! Пламя вознеслось вверх и, многократно усилившись, замерло огромным жёлтым шаром под сводом пещеры, в которую они пришли.

Теперь Лит видел многое: озеро оказалось шириной с целую сотню саженей и разделяло собой два берега, на одном из которых стояли монахи, а на втором – Лит разглядел целый город!

Он видел высокие палаты из белого камня с крышами из бирюзового металла, точно такого же, из которого были сделаны ворота в подземелье. Лит насчитал сотни три домов. Многие из них выходили прямо к берегу озера, а иные уходили дальше от берега. На противоположном берегу виднелась пристань, но не было ни единой лодки. Окна зияли пустыми провалами, и не было видно ни одной живой души. Город был давно покинут.

– Что это? – неожиданно для себя хриплым голосом спросил Лит.

– Деир-Неринас! Город Озёрного Шёпота.

– Шёпота?

– Название игносийское, как ты понимаешь. Первые поселенцы, нашедшие этот город, были поражены его величием и потому говорили шёпотом. Но сейчас мы называем его менее торжественно – Озёрный город. Впрочем, насчёт нас я преувеличил. Уже давно сюда не спускался никто, кроме меня. Здесь Древние обращались к озеру. Вода в нём – это вода из Йоны, не из нашего мира. Она хранит память о тех днях, когда ещё текла по холмам и горам неведомого нам края. В ней заключено великое могущество, но я остерегаю тебя пить её! Она из одного мира, а ты из другого – и она обратит всю свою силу против смертного человека, если пожелает...

– Если пожелает? Но как это возможно?

– О, это весьма просто. Она может загореться лишь от жара твоего сердца, либо терзать тебя чудовищной жаждой, и каждый новый глоток этой воды для тебя будет всё губительнее. Материя Древних не для нас. Я бы тебе даже не советовал смотреть на озеро, потому что в данный момент *оно смотрит на тебя*, – последние слова Самуил произнёс с таким значением, что Лит поспешно перевёл свой взгляд на город на другом берегу и ему показалось, как там что-то неуловимо изменилось.

Не успел Лит сказать об этом учителю, как тот довольно улыбнулся и проговорил себе в бороду:

– А, он не спит! Славно, славно! Пойдём дальше, мальчик мой, не будем заставлять его ждать! – После этого Самуил сделал шаг вперёд и... опустил ногу на воду! Самуил шёл по воде, словно она была продолжением земли!

Тут у Литы мир кувыркнулся в голове и встал с ног на голову. Он остался стоять на месте. Его посетила безумная мысль, что вокруг всё нереально и что это всё один непрерывающийся сон. Учитель прошёл немного вперёд по воде и обернулся к нему:

– Вряд ли ты чему-то научишься, просто стоя на берегу озера, не находишь? Ну же! Смелее! Иди за мной.

Лит помнил слова учителя об озере, о том, что оно не из этого мира, и о том, что оно может с ним сделать. Лит сделал шаг вперёд и медленно опустил свою правую ногу на водную гладь. От прикосновения по воде пошли круги, но ученик ощутил твёрдую поверхность под ногой. Твёрдую, но очень скользкую и хрупкую, как будто ему приходилось идти по тонкому стеклу. Монах отчего-то испугался, что стекло может треснуть и он провалится от своих долгих раздумий, так что Лит оторвал левую ногу от бортика и поставил её на воду. Теперь он обеими ногами стоял на озере. Голова шла кругом.

– Так-то лучше! Немного веры в себя и вот уже мы ходим по воде! – кажется, для Самуила это было как прогулка за рыбой на рынок! Он снова пошёл к городу на дальнем берегу, и Литу ничего не оставалось, как последовать за Самуилом.

То ли озеро оказалось меньше, чем показалось ему вначале, то ли время здесь ускорилось, но Лит буквально через минуту оказался на противоположном каменном бортике. Только после этого он почувствовал облегчение. «Это, конечно, заколдованное место, а Самуил – великий чародей, но хождение по воде – это уж как-то чересчур!»

– Но почему же, учитель, озеро пропустило нас? Разве это не было опасно?

– В жизни очень много опасного, мой друг. Опасным может быть буквально каждый шаг, однако люди всё же ходят и там, и сям. А что до воды... Ты, может быть, удивишься, но в Йоне это совершенно обычное дело. Там вода тверда. И в этом совершенно нет никакого чародейства, тем более великого, – Самуил как будто бы прочитал мысли Литы. – Просто это другая материя.

– Шшшкэш... Кого это ты привёл ко мне? – внезапно Лит услышал какой-то новый потусторонний голос, и ему почудилось, что это Самуил вдруг изменил голос.

– Нового ученика, хочу проверить его, – а вот и Самуил ответил. Своим привычным голосом. Ледяные иголки ужаса начали пронзать тело Литы одна за другой. Он обернулся к дому, откуда услышал того, другого... Сердце пропустило удар. Монах увидел того, к кому они пришли...

Огромное тулово на восьми крепких ногах, морда с множеством чёрных глаз и быстро шевелящимися жвалами. Чудовище было серого цвета, и на фоне молочного камня его было нелегко разглядеть, но такой громадине не так-то легко спрятаться! Вышиной монстр превышал полторы сажени, его ноги были обхватом со стволы дубов, а голова была размером с цельного телка!

Монах отступил на шаг от чудовища, а тварь склонила голову чуть набок и заклацала жвалами, с которых на плиты упало несколько капель какой-то мутно-серой, мерцающей в темноте жидкости.

«Яд, должно быть», – отстранённо подумал Лит. Он перестал что-либо чувствовать; страх исчез из его разума. Вместо него пришли слова древней силы, которые наставник Гирт заставил запомнить намертво. Лит посмотрел прямо в глаза чудовищу и на изначальном языке пророка Иосифа произнёс твёрдо:

– *Дай мне огонь!*

Его руки налились ужасной болью. Он прямо чувствовал, как по сосудам течёт раскалённое железо. От кончиков пальцев до самых плеч руки Литы превратились в два огненных прута, и он испытал невыносимую боль. Чародей сам стал болью.

Но его враг был перед ним. Лит едва смог поднять свои руки, но всё же смог! С рук молодого монаха в морду твари ударили два тугих сияющих потока белого пламени. От гула огня у Литы заложило уши, но он не опускал руки, пока с кончиков пальцев не слетели последние искры.

Лита шатало, разум отказывался признавать происходящее реальностью, глаза были ослеплены ярким огнём. Он только видел впереди огромный серый холм, который раньше был пауком-исполином. Этот холм был теперь в десятках саженей от него!

– Клянусь Игносом, что это было Божественное Пламя!

Лит медленно обернулся и увидел, как Самуил в восхищении смотрит на него. Только сейчас до него начало доходить, что он сейчас впервые сотворил чудо! Он призвал силу Единого, и она пришла ему на помощь!

– Шкаш, самое что ни на есть жаркое из всех сердец, что ты приводил ко мне, – серый холм шевельнулся и в клубке из множества конечностей снова стал гигантским пауком. Лит начал было снова возносить онемевшие руки, но Самуил предостерегающе положил ему длань на плечо.

– Это не враг, не твой враг, можешь успокоиться, мальчик мой.

– Сильный огонь, шшкаш, чуть в воду меня не сбросил, – паук снова возвышался над Литом, а тот повернулся к Самуилу.

– Это Неирн, страж этого города, – наставник представил монстра.

– И этого озера, шкаш, – добавил паук.

– Точно, и озера, – Самуил выглядел довольным и не стремился скрывать этого.

– Очень рад, – без тени радости Лит поприветствовал Неирна, а тот лишь клацнул жвалами. Вроде как дружелюбно.

– Так вы из Древних?

– Шкаш, если Древний это тот, кто не был рождён в Андаре, то тогда да, шкаш, получается, что я Древний, – утвердительно ответил паук. – Но не спеши расспрашивать меня о Едином. Шкаш. Я Его не знал.

– А кого вы знали?

– Многих. И никого. Шкаш. Как посмотреть. Я знал алдуэритов. Шкаш. Тех, кто основал этот город. Потом я знал картаханов. Тех, что этот город разорили. Многих знал. И никого.

– Картаханы? Алдуэриты? Кто они?!

– Воспоминания. Шкаш. Их здесь уже нет. Их нигде нет.

– Что с ними стало?

Неирн не ответил, только вороные глаза подёрнулись дымкой. Он повернулся к озеру и уставился на него.

– Шкаш, ты привёл достойного ко мне. Он отмечен знаком великой судьбы. Шкаш. Я вижу это. Но берегись, чародей! Не я один это вижу! – после этих слов он прыгнул с каменного бортика назад, на стену ближайшего дома. По ней он взбежал вверх и исчез за крышей.

– Кто это был? – Лит повернулся к учителю в смятении.

– Неирн, – повторил Самуил. Он выглядел так, как будто только очнулся ото сна. – Древний страж этого места, – он обвёл рукой подземелье. – Не очень общительный, как ты мог заметить, впрочем, с этими древними сущностями всегда так. Видимо, в Йоне считалось неприличным поддерживать беседу дольше пяти минут.

– Неужели он и правда оттуда?

– Из Йоны? Да, оттуда. Потомок ныне угасшего рода.

– Но почему... Почему он паук?!

– А почему ты человек? Мальчик мой, великие силы не всегда приходят в сияющих доспехах и на прекрасных конях. Случается, что они даже... э-э-э... Пованивают. Серьёзно, знавал я одного древнего духа, который любил представать в образе раздутого от гнойников полутрупа.

Лит хранил молчание, он не понимал, это откровение или такая шутка старого учителя, но Самуил и сам сообразил, что его ученик в замешательстве:

– Вряд ли ты ожидал, просыпаясь сегодня, что сможешь вызвать Пламя, настоящее Божественное Пламя?

– Нет, этого я не ожидал.

– Должен тебе признаться, сын мой, что я ожидал. Могу даже сказать, что ради этого мы и спустились сюда сегодня. Вряд ли ты бы смог воззвать к Божественной силе, если бы я просто попросил тебя об этом, не находишь?

– Нет, я бы не смог...

– Вот то-то и оно... Только на грани гибели, на грани смерти ты смог разорвать внутренние пути и освободить свою силу? Ты же почувствовал это?

– Я не знаю. Я чувствовал боль, – Лит смотрел на свои руки, которые ещё совсем недавно горели ярчайшим огнём. Сейчас они были точно такие же, как и утром. – Но было что-то ещё. Не знаю что. Я видел что-то, но не глазами, а будто бы... умом.

Самуил покачал головой:

– С болью можно справиться, создав для себя магический инструмент, – мастер-чародей осторожно стукнул своим посохом о каменную набережную, и яблоко камня в его навершии тускло мигнуло, – но начало положено. Ты начал прозревать. Ты показал свой талант, но нам ещё предстоит направить его в нужное русло.

– Почему же я раньше не мог его показать? В Илларионовой обители?

– О! Я склоняюсь к такому ответу, что ты не смог проявить себя в Илларионовой обители, потому что там нет меня, – он скромно улыбнулся и начал поглаживать свою бороду. – Гирт непревзойдённый чародей. С этим мало кто может спорить. Но что касается обучения юных дарований, – он слегка склонил голову, как будто приветствуя Лита, – тут я, пожалуй, превзойду главу нашего ордена.

Уголки рта Лита поползли в стороны: ему представились эти двое старцев в креслах за чашкой чая, спорящих между собой, кто в чём лучше другого. Он снова посмотрел на свои руки.

– Святой отец, мне теперь постоянно придётся спускаться в паучьи пещеры, чтобы сотворить чудо?

– К Неирну ты можешь спуститься, когда захочешь. Вопрос только в том, захочет ли он тебя принять. Он не всегда так дружелюбен как сегодня. Что касается твоего дара, то ты теперь и сам знаешь, что он у тебя есть. Ты сам его видел, и теперь не сможешь убедить себя в обратном. У тебя, мой мальчик, и выхода иного нет, кроме как творить чудеса. И я надеюсь, сын мой, что мне однажды не придётся просить у тебя прощения за это...

– Прощения? Но за что, отец?! Это же Божий дар!

– Не обращай внимания на старческие глупости. Это именно Божий дар. Но думаю, что мы уже достаточно времени провели здесь, ты не находишь? Пора выбираться отсюда, мой друг...

Вечером того же дня Лит топтался на балконе Южной башни и размышлял о произошедшем утром. Самуил рассказывал ему известную историю Деир-Неринаса, пока их не прервал уездный староста, у которого было дело к главе Столпов Лукрециана, и Лита попросили оставить их наедине. Ученик вышел на балкон за тяжёлые двери из чёрной сосны – дерева, произрастающего на ирманских склонах.

Балкон оказался широким и с не очень высокой оградой. Сильный порыв ветра мог сбросить оттуда человека, но ветра не было, так что Лит мог беспрепятственно вышагивать по нему взад-вперёд и немного поразмышлять.

Про Деир-Неринас, как выяснилось, было не очень много известно. Так, во всяком случае, рассказывал Самуил. По предположениям, Озёрный город был выстроен на заре Андара, то есть в первые годы существования этого мира. Его построили поселенцы из Йоны, которых люди называли легритами, или Древними. Страж города Неирн называл их алдуэритами, то есть «истинными» в переводе с легритского. Город был выстроен на берегу подземного озера, которое было наполнено водами старого мира. Оно стало источником силы для алдуэритов: наделяло их чудесными способностями, продлевало им жизнь и исцеляло ото всех болезней.

Со временем жители Деир-Неринаса отказались от жизни на поверхности. Даже перестали помышлять об этом. Тут Самуил сделал небольшое отступление и заметил, что все известные ныне поселения легритов находятся именно под землёй, хотя из сообщений, дошедших до нас по большей части от других древних существ вроде Неирна, стало ясно, что в Йоне они жили, как и люди в Андаре: на поверхности. В чём причина их заточения в подземельях, было неизвестно, и даже Неирн об этом ничего толком не сообщал. Многие пытливые умы строили догадки на сей счёт, но сам Самуил считал, что по какой-то причине Создателю было угодно, чтобы легриты находились именно в своих подземных городах. Он связывал это с тем, что Он готовил Андар для людей-андарцев – своих творений, а не для легритов-йонитов – переселенцев из старого мира. Так или иначе, легриты оставались под землёй, и это продолжалось достаточное количество времени, чтобы выстроить целые государства в земной тверди.

Некоторые города могли вмещать в себя до нескольких сотен тысяч жителей, и вполне возможно, что они вмещали. Но, судя по тем немногим древним письменам, что удалось отыскать и понять при помощи стражей, не всех Древних это устраивало. Некоторые легриты начали восставать против подземного существования, ибо, вероятно, они считали, что они должны жить наравне с богами – под вечным солнцем. Неизвестно, почему им было отказано в переселении. Самуил в беседе снова развил свою мысль о Воле Единого, но привёл и иную точку зрения – некоего Фельтасара из Рамадарна, что в Линдиоре.

Фельтасар считал, что причина, по которой легриты не хотели покидать свои подземные города, была в том, что там находились источники их силы, а на поверхности они же были слабы, как и все остальные смертные существа. В большинстве мест поселений источниками могущества легритов служили материи, связанные с Йоной: будь то вода, огонь или металлы. Во всех обнаруженных поселениях были найдены особые святилища – места поклонения. В Деир-Неринасе это была вода из озера. Любые попытки смертных андарцев связаться с материями из Йоны заканчивались плачевно. Из того факта, что ничего подобного не происходило с людьми на поверхности, Фельтасар делает вывод, что в результате сотворения Андара Единым все осколки Йоны – учёный придерживался мнения, что Йона была уничтожена в процессе создания нового мира, – оказались погребены под землёй. В стремлении вернуться к источникам своей силы легриты и превратились в подземных жителей.

Как бы то ни было, в истории древнего народа наступил переломный момент. Отдельные отступники желали основать царство на поверхности и в новом мире властвовать точно так же,

как они властвовали и в старом мире. Они оказались в меньшинстве и обратились за помощью к силам, лежащим вне народа легритов. В известных исследователям письменах упоминался некий демон Эугрот, который даровал отступникам великую силу солнца, но за это они были обезображены. Самуил напомнил Литу об изображениях человекоптиц на стенах Озёрного города. Отступников сородичи называли картаханамы, что означало «искажённые». Так началась великая усобица между йонитами, но достоверных сообщений о её ходе не находили ни в одном из подземных городов. Также неизвестна и дальнейшая роль этого демона в истории Древних. Известно было лишь то, что они бесследно исчезли. Все до единого. Письменная история заканчивалась на сотворении картаханов Эугротом, а немногие очевидцы событий, вроде Неирна, не желают поведать что-либо определённое по этому поводу.

Хотя почтенный чародей и кладоискатель Нурса Вадикул из Игноса в своём жизнеописании сообщал, что в 514 году он встретил человека, одержимого одним из младших демонов, и тот поведал Вадикулу, что война между Древними идёт вне времени, но однажды одна из сторон возьмёт верх, и тогда легриты вернутся. Однако было неизвестно, что это: пророчество, насмешка младшего демона или акт тщеславия самого Нурсы Вадикула...

Двери отворились, и на балкон вышел учитель Самуил. Лит заглянул в открывшийся кабинет и никого больше не увидел.

– Чем плохи неотложные дела, так это тем, что их нельзя отложить.

– Что-то серьёзное, святой отец? – спросил Лит несколько встревоженно, хотя вряд ли могло произойти что-то серьёзное: Лит, узнавший чуть больше об устройстве мира, начал сомневаться в том, что на смертной земле вообще могло происходить хоть что-то серьёзное.

– О, нет. Ничего такого, чего нельзя было бы решить без того, чтобы просто усесться поудобнее, выпить горячего чаю и крепко подумать. О чём мы говорили перед тем, как нас прервали, не напомнишь мне, мальчик мой?

Лит улыбнулся: говорил только Самуил, а Лит слушал.

– О войне между легритами, демоне Эугроте и истории Нурсы Вадикула.

– Ох уж мне этот Вадикул! Всех почтенных людей взбаламутил своими рассказами, и ведь, поди ж ты, проверь его! Куда тот демон подевался? Убежал, и след его простыл. Вот так и рождаются легенды, ты помяни моё слово, – Самуил замолчал и повернулся посмотреть на склоны холмов, окаймляющих Варийскую долину, за которыми простирался огромный лес Эгер. С балкона высокой башни лес, тянувшийся бесконечной стеной, казался таким же древним, как и Озёрный город.

– Ты слышал историю о Деолине и Рогдене, мальчик мой? – спросил он внезапно.

– Слышал эти имена, но саму историю их – нет, кажется, кто-то в калантирском порту её знал, – Лит наморщил лоб, пытаясь вспомнить, что он может об этом знать.

– Можешь не утруждать себя воспоминаниями. Я расскажу тебе всё с самого начала, – он помолчал немного и начал гладить свою бороду, как тогда, в пещере. – Деолина была дочерью одного из князей энелов. Было это почти сразу после смерти Иосифа. Тогда в Энелии не было короля, а правили удельные князья. Не все они были равноправны, а некоторые так и вовсе были бесправны, но Деолина была дочерью Гайрда Златорукого. Богатый был князь: его удел был одним из самых процветающих. Сейчас же это земля Северинов. Гайрд был их предком, так считают сами Северины. Сам Гайрд Златорукий слыл человеком отважным и искусным в бою и стяжал себе немалую славу на поле брани. О нём и сейчас поют песни в Северной Чети, особенно за столом. Он был почитаем другими князьями и вёл вдобавок дела с Нортрандом, а тогда это ценилось даже больше, чем сейчас.

Многие в ту пору уже задумывались о том, чтобы среди энелов был один король, и говоря «король», они подразумевали Гайрда Златорукого. Кто знает, если бы история сложилась чуть иначе, возможно Энелианское королевство было бы старше на сто лет, чем сейчас... Но история не об этом.

Господь не дал Гайрду сыновей, но была у него одна дочь – Деолина, которую он любил превыше всего. И даже больше своего княжества. Множество других князей желали бы получить её в жёны. Но все они были недостойны по мнению Златорукого. Отдавать сокровища в руки недостойных было не в его правилах.

Был среди молодых наследников княжских уделов один наиболее честолюбивый – Рогден сын Тордена Скалозуба, чья вотчина лежала у западных отрогов Ливадских гор у Нарамонского плато. Рогден был жаден до славы и власти, а у его отца Тордена было множество сыновей, и Рогден отнюдь не был старшим среди них. В случае смерти своего отца он наследовал совсем малую часть земель Скалозуба. Но разве такой удел годился для пламенного юноши, воспитанного на славных легендах о героях древности? Рогден мечтал о величии! О богатстве! И его манила мысль породниться с могущественным Гайрдом Златорукиком, стать мужем его единственной наследницы, которая по слухам была ещё и необычайно красива...

Юный герой прекрасно знал о том, что Гайрд отказывает всем женихам, и он, Рогден, наверняка не станет исключением. Тогда он начал думать, как произвести впечатление на великого князя. Гайрд был самым богатым человеком среди энелов – нечего было и думать поразить его блеском золота. Тем более, что такового у Рогдена всё равно не было... Но Гайрд также был и прославленным воином, а воины ценят доблесть превыше всего! Если совершить поступок достаточно доблестный, то, может, Гайрд признает Рогдена за равного себе и сядет с ним за одним семейным столом? Но какой подвиг может их уравнять?

Рогден вспомнил, что один караванщик рассказывал ему на пиру, будто бы в северных чащобах живёт чудище – гигантский волк, – убивающее всех без разбора, кто попадался на глаза. Дружина князя не могла изловить это чудовище, потому что всякий раз оно появлялось в новых местах, за много вёрст от предыдущего места нападения, а даже если воины заставляли зверя, то не могли с ним совладать. Монстр тревожил Гайрда уже много месяцев, и он сам было отправился искать зверя, да был уже слишком стар и не смог отыскать его берлогу, как и другие до него. Юношеская удаль и лихость ударили в голову Рогдену. Он решил, что победит чудище и принесёт его голову на пике Гайрду Златорукому. Вот будет достойный подарок на свадьбу! Так думал Рогден.

Сборы юного героя были недолгими: встав с отцовской скамьи да подпоясавшись ремнём, он поехал на Север. Охотиться на гигантского волка. Долго длилась его охота на зверя. Рогден изъездил почти весь край в его поисках. Остался без гроша в кармане, и тут бы поворачивать ему к отчему дому, да гордыня мешала ему! Внутренний голос твердил ему, что победа близка, ещё чуть-чуть – и чудище явится перед ним и будет повержено... Рогден жил в лесу и питался его дарами, и однажды на утренней охоте он повстречал в лесу человека.

Тот был наг и бос, а ещё ранен в живот копьём. Рогден подивился, как этот несчастный ещё не помер! Он еле шёл и спотыкался о каждый корень. Его ноги все были в крови, и его стоны разлетались по всему лесу... Герой сразу смекнул, что его ранили княжьи люди: откуда бы у крестьян взялись копьями? А раз так, то за ним наверняка идёт погоня, хоть он и смог убежать каким-то чудом, но сейчас бедняга уже одной ногой в могиле, да и стоны его... Рогден боялся, что княжьи дружинники найдут молодого героя в лесу, а ведь он не просил дозволения князя на свою охоту... Недолго думая, Рогден наложил стрелу на тетиву и выстрелил страдальцу прямо в голову. Тот упал навзничь, даже не успев заметить, как смерть забрала его.

Рогден подошёл к убитому, чтобы забрать свою стрелу, но вместо тела несчастного он обнаружил гигантского волка, а в нём свою стрелу! В ужасе Рогден отпрянул, но тут же заметил, что чудище неподвижно. Тогда он подошёл ближе и увидел, что зверь пал. И пал он от его – Рогдена – руки. Это был оборотень – зачарованный человек – в теле волка неуязвимый для оружия, но абсолютно лишённый разума. Вот почему дружинники не могли убить эту тварь: они искали волка, а волк был человеком. И теперь после его смерти истина обнажилась... Рогден понял это, и его ликование не было предела!

Перед Гайрдом он предстал как великий избавитель от злого чудища, умолчавший, однако, о человеческой стороне зверя и выставивший всё так, словно он одолел волка в жестокой сече! Сам князь признал его подвиг перед первыми людьми своего края. Старый воин был доволен Рогденом и велел своим слугам готовиться к свадебному пиру.

Все были довольны, только сама невеста была не в восторге от суженого. Деолина была прозорлива и видела самую суть Рогдена. Голова зверя, повешенная в родовом замке, ослепила её отца, но сама она задалась вопросом, как один воин смог одолеть зверя, которого не могла одолеть вся княжеская дружина? Деолина чувствовала обман, но не могла понять, в чём он состоит. Никто не слушал её, да и кто бы стал слушать напраслину на великого героя, пусть даже и от княжны! Она молила по ночам Старых богов открыть ей и её отцу секрет Рогдена и избавить их семью от этого проходимца. Времени проходило всё больше, и уж почти все гости съехались на свадьбу...

В ночь перед самой свадьбой молитвы княжны услышал демон Заруфир. Он заинтересовался, чего так страстно может желать княжеская дочка, что ночи напролёт проводит, ища божьей милости? Заруфир предстал перед ней в образе златокудрого высокого мужчины в белых сияющих одеждах. Он представился небесным посланцем, которого боги посылают на помощь страждущим. Заруфир внимательно выслушал Деолину и легко понял, в чём здесь дело, ведь именно он заключил сделку с несчастным воином, потребовавшим от Заруфира несокрушимости в бою! Демон обратил его тогда в неуязвимое чудовище и немало повеселился, глядя, как тот, в припадке животной злобы, разорвал всю свою семью... Заруфир заверил, что завтра же утром, чуть свет, и ложь Рогдена будет рассеянна и он, опозоренный, вынужден будет бежать туда, откуда явился.

На утро свадьбы Деолина велела служанке сообщить Рогдену, что она желает видеть его в своих покоях, чтобы сообщить о том, что она, наконец, покоряется воле отца и добровольно пойдёт замуж за Рогдена. Так сделать княжне велел Заруфир. Рогден тотчас же явился, весь в нарядных одеждах и препоясанный клинком, украшенным драгоценными камнями из сокровищницы Златорукого. Как только он, сияя от радости и предвкушая сладость скорой свадьбы, переступил через порог, его охватил морок, насланный Заруфиром. Демон исказил облик Деолины и заставил Рогдена думать, будто бы волк восстал и сейчас стоит перед ним и скалит свои огромные зубы!

Рогден понял, что бежать нет смысла, ибо чудовище нагонит его, и он, обнажив меч, с кличем бросился на чудовище! Когда зверь был изрублен окончательно, то довольный Заруфир убрал свой морок, и, к ужасу Рогдена, перед ним лежала убитая им Деолина...

На крики сбегались люди князя, и Рогден в страхе бежал обратно в лес, весь окровавленный. Все видели его, сам князь видел, как он бежит, но когда он увидел свою единственную дочь... Князь попросту иссох от горя, и его род прервался. А Рогдена так больше никто и не видел. Он исчез в том самом лесу, где однажды встретил умирающего и проклятого человека. Вот такая история о Деолине и Рогдене.

– Грустная и занимательная история, но зачем вы рассказали мне её, учитель?

– Мне показалось, что после нашего утреннего путешествия у тебя может сложиться впечатление, что высшие силы весьма могущественны. И это действительно так. Их сила невообразима. Пожалуй, да... Именно так... – Самуил тяжело вздохнул. – Помни, мой мальчик, что мы всего лишь смертные, и хоть мы с тобой чародеи, но перво-наперво мы смертные люди. Слуги Единого Бога и верные пастыри для простого народа, и не нам играть с высшими силами. Помни, что если ты заключишь с ними сделку, то они поработят тебя. Можешь считать это моим наставлением тебе.

– За сладкими речами демоны затянут петлю на шею...

– Истинно так, сын мой... Истинно так, – Самуил помолчал ещё немного, и глаза его вдруг озорно блеснули. – Но всё-таки как интересно, что история целого королевства измени-

лась только из-за того, что девушка не захотела пойти замуж за непонравившегося ей молодого человека!

Позже, перед сном, Лит вспоминал рассказанное учителем. Самуил увидел в легенде не битву добра со злом и где зло победило, а простые человеческие радости и устремления. Желание отца выдать замуж дочь за достойного человека, жажда юноши добиться успеха любой ценой, борьба девушки за свою свободу – всё такое человеческое, слишком человеческое. А высшие силы наблюдают за ними и управляют, как вздумается. Переставляют фигурки на игровой доске, и ради чего всё это? Что такого получил Заруфир за жизнь Деолины? А Эугрот за войну Древних? И что получает Господь от жизни людей? Неужели только вопрос во власти? Кто больше всех почитаем, тот стоит выше всех. В этом цель борьбы великих существ меж собой – обрести как можно большую власть.

Такой вывод сделал для себя лукрецианский монах вечером, наблюдая оранжевый закат над лесом Эгер из окна кельи. Ему стало жалко всех этих великих существ. Их сила так огромна, а стремления столь ничтожны. Есть ли скрытый смысл всего этого существования, этой борьбы? Хорошо, если есть, но если же его нет?..

Часть вторая

Глава шестая Похороны

Тусклое солнце стояло низко, и ветер гнал серые облака по небу. Только что прошёл холодный дождь, и ломкие хлопья снега, выпавшего утром, покрылись тонкой ледяной коркой. Дети из деревень разламывали корку, и, доставая до мягкого снега, лепили упругие снежки, и кидали ими друг в друга. Зима шла на убыль. Было 19 февраля 787 года эпохи Просвещения.

Раздался одиночный стук в дверь, и сразу за ним – тишина.

– Войдите! – велел человек, стоявший у окна. Так стучал только Рантус Септ – старший из братьев-монахов, и, действительно, это оказался он. Хозяин кельи посмотрел на него из-за плеча.

– Брат Лит, до нас дошла горестная весть, – после этих слов он скорбно опустил глаза.

«Кто-то умер... Кто-то, кого я знал...»

– Брат Лит, владыка ордена вчера преставился... Будь милостив к нему, Рыбак! – Септ помянул пророка Илию, как это было принято только в империи.

«Учитель Гирт скончался... Что же, это было неизбежно...», – отрешённо подумал Лит и наконец повернулся к Рантусу Септу полностью.

– Благодарю, брат Рантус, за весть, хотя она и разрывает мне сердце, – тихо молвил монах. – Господь снова испытывает нас, но будем же достойны его милости. Будем молить Его об упокоении владыки Гирта и о том, чтобы наш орден возглавил достойнейший, хотя такого, как владыка Гирт, мы уже не отыщем...

Рантус Септ опять опустил лицо и после чего вышел вон из кельи брата Лита, а тот снова повернулся к окну. Дети уже ушли со снежных холмов за пределами монастыря. Солнце всё сильнее клонилось к земле: скоро должна была начаться ночь.

Лит взял свой посох и вышел вслед за Рантусом Септом, который шёл прямо в алтарную комнату. Смерть главы ордена – это великое горе, и она требует особой службы.

У алтаря уже успели собраться братья: на башне в вышине звучал колокол, созывающий на службу, а Самуил Варийский зачинал петь скорбную песнь. Обычно к службам требовалась некоторая подготовка, однако настоятель монастыря вёл дела по-простому, и потому всех монахов сразу созвали на службу.

В высоких сводах древней крепости пение монахов звучало особенно торжественно: слова священных слов врезались в белые стены и вырывались наружу, в мир Божий, где, несмотря на зимний покров, кипела жизнь. Множество свечей освещали лица немногочисленных братьев, ныне пребывающих в Столпах, но каждый из них был преисполнен неподдельной скорби, ибо многие искренне любили главу ордена. По всей стране в храмах и монастырях ныне по нему пели песни.

После службы Самуил подошёл к своему ученику:

– Мне следует выезжать завтра же в Илларионову обитель на избрание нового владыки.

– Возьмёте кого-нибудь с собой в поездку, учитель? – Лит знал, что настоятелей монастырей и храмов в поездках часто сопровождают наиболее деятельные монахи.

– Да, и я вижу, что ты уже знаешь, кого я возьму, – Самуил выразительно посмотрел на посох в руке своего ученика. – Но ты напрасно его взял на службу, мы отправимся только завтра, – Лит знал, что посох сейчас ему не понадобится, просто он не мог обходиться без него

с тех самых пор, как самолично вырезал его и поместил внутрь него чёрный гладкий камешек, который принёс с собой в монастырь.

Когда Лит обратился к наставнику за советом, как ему создать магический инструмент, Самуил посоветовал ему выстругать посох из дерева серебрин. Порода этого дерева была очень редкая и, насколько Лит знал из «Травника», росла только на берегах высокогорных рек, но Литу повезло: несколько серебринов были высажены вдоль тропы, ведущей от монастыря к южной гряде холмов.

Большая часть семян серебринов не прижилась на варийской земле, но несколько из них всё же дали всходы, и теперь деревья с серебряной корой и бледно-голубыми клиновидными листьями радовали глаз всех, кто шёл тропой.

Петляя оврагами, тропа выводила к пастбищам на холмах и к северной границе леса Эгер, считавшегося среди местных жителей таинственным и опасным. Там никто толком не жил, как считали местные, но Лит иногда чувствовал, как оттуда веет древней силой. Он спрашивал учителя о лесе Эгер, но тот ничего о нём не рассказывал. Самуил лишь говорил, что незачем тревожить то, что не тревожит тебя.

Лит думал о лесе, когда сидел на тропе. Он вырезал себе посох из куска дерева, который обломился от удара молнии. Его мысли вновь унеслись к лесной чаще.

Чародей подозревал, что там живут не только обычные звери, но и другие мистические создания. Возможно, там под землёй лежат другие города легритов, охраняемые созданиями, подобными Неирну, и внутри них хранятся секреты древнего могущества. Так ли опасна сила из старого мира, как о том говорит Самуил? Мысли монаха бродили вокруг озера, что лежал под Столпами Лукрециана... Сила Древних – древняя сила... И этот лес, в который никто не ходит, точнее, из которого никто не выходит.

Один раз на исходе августа мимо монастыря прошла группа искателей приключений. Они вошли в лес, несмотря на предостережения, что дал им встретившийся брат Левант. Монах тщетно пытался отговорить молодых людей от напрасной попытки войти в лес. С ними никто не пошёл из Варийской долины, и никто их больше не видел. Лишь два дня спустя пастухи на южных холмах снова увидели дракона, летающего далеко на юге, прямо над сердцем леса.

В тот день Лит увидел чёрную крылатую тень, скользящую по облакам, и у него душа ушла в пятки. Он попытался припомнить уроки Гирта Иссимарского, на которых наставник мог рассказывать о мистических тварях, и с сожалением признавал, что владыка ордена старательно обходил вниманием драконов.

Сидя в тени голубой кроны дерева, сохраняющего свой цвет на протяжении всего года, Лит вспоминал других учеников из Обители и размышлял о том, как сложилась их судьба и повстречались ли им неведомые существа из иного мира. Лит не получал писем от учеников Гирта и даже понятия толком не имел, куда старый учитель их послал. Лит знал только, что каждый получил своё направление, где, по-видимому, должен был найти себе нового учителя.

Самым запоминающимся из учеников был Акве Брегго – сынишка одного набожного дворянина из Мурана, портового городка в Северной Чети, что стоял в устье реки Огневины, разумеется, на энелианской стороне, а не на валнарской. Семья Брегго – как и почти что все в Муране – жила за счёт торговли с княжеством, потому как со стороны Энелии в город не вело ни одной дороги. В Муран из королевства можно было добраться только вплавь на корабле через Студёное море или же на лодке – по Огневине. По этой причине для многих жителей портового городка Валнарское княжество было намного ближе, чем Энелианское королевство, каковому королю они приходились подданными.

На всём остальном Севере к муранцам относились с подозрением, а то и вовсе считали их слугами валнарского князя, хотя, разумеется, это было далеко не так. Жители города Мурана сохраняли верность и королю в Ланаре, и князю Северину в Калантире, но остальным северянам до этого не была и дела: для них муранцы были полувалнарцами, как их называли меж

собой в Калантире. Впрочем, во всех остальных краях о Муране и слышать не слыхивали, что было чрезвычайно на руку его жителям, так как в их отношении ни на Западе, на Востоке или же Юге не существовало никаких предрассудков.

По этой причине Акве был отдан на обучение в лукрецианский монастырь близ столицы, где его с радостью приняли, а впоследствии с удивлением обнаружили в нём таланты к магическому искусству.

Акве обладал внешностью гордого и ни перед кем не склоняющегося северянина, но имел нрав достойный ревностного слуги Бога. Он одним из первых среди друзей Лита освоился с магией, и стоит честно признаться, когда под одобрительные взгляды Гирта с рук Акве срывались снопы ярких искр или языки белого чародейского огня, то Лит терзался тягостными чувствами, ибо сам за всё время обучения у Гирта так и не смог толком добиться ничего подобного.

Сам Акве, впрочем, никогда не бахвалился перед другими учениками, а напротив – старался помочь им освоить то, что ему самому уже удалось.

Больше всего Акве преуспел, помогая самому старшему из учеников Гирта. Киран Медлов перешёл уже тридцатилетний рубеж, когда, наконец, заключённая в нём магия показала себя. Однажды на охоте в таурийских землях в Весменском графстве на него наскочил дикий кабан и копьё, неумело брошенное в зверя, внезапно, подчиняясь воле Кирана, вырвалось из земли и со внушительной скоростью бросилось вдогонку за животным. Кабан упал замертво в шаге от Кирана Медлова. После этого приключения сын графского охотника тотчас же отправился на исповедь в храм, а оттуда уже в Илларионову обитель.

Огромный бородатый мужчина изначально смущал прочих учеников чародея, которые были младше Кирана на добрый десяток лет, но Гирт сразу же объявил, что кто будет потешаться над великовозрастностью Кирана Медлова, то это будет означать, что тот насмехается над самим учителем. После этого все смешки прекратились, а Киран был принят за своего и позднее, как самый старший, возглавил их малочисленную братию.

Больше всего Киран преуспел в создании зачарованных предметов, умело сочетая навыки чародея и ремесленника. В частности, ему удалось сотворить сапоги, в которых ноги не уставали во время ходьбы и человек мог идти целый день, не испытывая никаких проблем. Лит не сомневался, что учитель Гирт отправил Медлова в паломничество как раз в этих самых сапогах.

Был ещё Богдан Карлунов, который прибыл в Илларионову обитель напрямую из столицы. Его отец был известным и богатым купцом, хозяином собственного торгового дома, ведущим большую зарубежную торговлю. Богдан был на три года младше Лита, но уже успел посетить Валнар, Хасгард, Линдиор, а также провинцию Ремар и Итарисар с Дананеями.

Пожалуй, Богдан был единственным из учеников Гирта Иссимарского, кто побывал на родине учителя, впрочем, ему это не давало никаких преимуществ перед остальными учениками. Богдану не давались магические навыки так же легко, как Акве, однако и он смог показать достаточный уровень владения чародейством. Достаточный для того, чтобы освоить почти что все полученные в Илларионовой обители знания.

В чём Богдан был действительно силен, так в это знание заморских наречий: будучи сызмальства приучен к дальним поездкам и общению с иностранцами, Богдан легко воспринимал их речь и понимал их языки. К семнадцати годам Богдан Карлунов знал языки всех народов Северного Инафора, кроме наречий самых малых и диких племён. Возможно, что именно склонность к знанию иноземных языков открыла в Богдане талант умелого заклинателя. Он мог творить магию, используя самые разнообразные чародейские формулы, и, более того, Богдан постоянно изобретал новые заклинания, которые успешно работали.

Среди учеников Гирта был и один иноземный подданный. Алексис Рован Гервеин Имла – имя, которым игносийца за время обучения никто никогда не назвал. Все без исключе-

ния, и даже учитель Гирт, звали его Алексисом, против чего он никогда не возражал. Однако он был против того, чтобы его считали игносийцем, хоть все по простоте и считали его таким, раз он родился в Игносии и подчинялся законам императора Вечного города.

Алексис происходил из Халкидии, а именно из её столицы – Тергоса – города, который трижды восставал против Игноса и трижды терпел поражение. Дед Алексиса был казнён на костре как предатель империи за то, что бежал из своего легиона в халкидийское ополчение, и за это в семье Имла его чтили как героя. Когда Алексис осознал свой чародейский дар, то понял, что, будучи чародеем, сможет помочь своему родному краю сбросить имперское ярмо, но поскольку никто в империи не стал бы обучать смутьяна-халкидийца, то ему пришлось уехать в Энелию для того, чтобы великий Гирт Иссимарский обучал его магическому ремеслу.

Недостаток мастерства и таланта Алексис восполнял рвением, и по прошествии некоторого времени у него начало получаться творить магию. Особенно у него выходила та магия, для которой нужна была подлинная страсть. Там же, где была нужна концентрация и внимание, – Алексис откровенно уступал. Он был плох в зельеварении, слаб в ворожбе и мало разбирался в травах, зато по щелчку пальцев мог расколоть крупный камень или взглядом вскипятить воду в кадке.

Среди товарищей Лита был ещё один, который выделялся среди прочих. Вернее, выделялась Дарина Ивтелл. Будучи родом из Рукреоты – города близ ирманской границы, – Дарина старалась во всём подражать южным обычаям. Она была дочерью слуг в богатом доме и с самых малых лет мечтала сбежать от незавидной судьбы посудомойки с торговым караваном дальше на юг, в Ирман, для того чтобы обрести там достаток и интересную жизнь. Маленькая Дарина была обучена грамоте, и она зачитывалась сказками о несметных богатствах ирманских принцев, спрятанных в высоких замках среди барханов оранжевого песка. Живя в пограничном городе, Дарина видела множество богато одетых ирманцев, и, глядя на их шелка и жемчуга, девочка вспоминала свои жестяные тазы с двухдневной мыльной пеной, от которой у неё облезали ногти.

Отчаяние и тоска захватывали её с головой, пока однажды она на улице не встретила кавалькаду из множества всадников в превосходных доспехах. Впереди всех ехал наездник, отлично сложенный, и своим мужественным видом он затмевал всех прочих южных витязей, что до того попадались Дарине. В его чёрных как смоль волосах уже серебрилась первая середина, хотя на лице не было видно ни единой морщинки, а тонкие лихие усы лишь ещё больше молодили его.

Но Дарина и думать забыла о всаднике, когда увидела, что рядом с ним на коне золотого цвета едет всадница, прекрасная, как рассвет в оазисе. Молодая девушка с роскошными чёрными волосами и очами тёмными, как душа пирата. На девушке был надет зелёный халат с рисунком из сплетённых ладоней, а на поясе, украшенном серебром, висел ятаган с рукоятью, усыпанной изумрудами. У неё на шее, как и у всех всадников, висел треугольный знак с раскрытой ладонью внутри – символ принадлежности к хайнолларам, который был знаком всем жителям граничащих с Ирманом земель.

– Витязь Варго Кастелл с дочерью Термелиной, – услышала Дарина Ивтелл от одного из мальчишек, восхищённо рассматривающих ирманских воинов.

– Термелина Кастелл... – медленно проговорила Дарина вслед проскакавшим мимо хайнолларам. Перед её глазами ещё стоял прекрасный образ южной девушки-воина. В своей голове Дарина примеряла этот образ на себя, и новая, зарождающаяся идея захватывала её всё больше и больше. Даже то совпадение, что фамилии Ивтелл и Кастелл были созвучны, казалось в тот момент Дарине Божьим провидением, не меньше.

Долго ль, коротко ль, но Дарина побросала в котомку свои немногочисленные вещи и бежала за границу, в Ирман. Но вопреки всем надеждам и мечтам обрести счастье, в Ирмане она наткнулась на такую же унылую и постылую жизнь. Никому Дарина не оказалась нужна

в чужой стране и, помыкавшись несколько месяцев по сёлам, попыталась попасть в дом к одному благородному близ Эрвеса. Но случилось так, что по дороге бедной крестьянской девчужке повстречались несколько местных парней, живущих разбоем и берущим от жизни, что захотят.

Энелианка, а этим бандитам местные успели шепнуть, что по окрестностям ходит чужестранка, показалась им совсем лёгкой добычей. Да и вдобавок сыграло роль, что Дарина была весьма недурна собой и с возрастом всё чаще приковывала к себе взгляды мужчин: длинные каштановые волосы волной спускались к высокой груди, курносый носик в сочетании с круглыми, румяными щёчками и полными губами заставляли даже благородных господ думать порой о Дарине.

Ирманцы окружили Дарину и преградили ей путь. Огромная тень легла на глаза девушке, и Дарина Ивтелл увидела, прежде чем упасть наземь от удара в голову, два зелёных злых глаза. Девушка не лишилась сознания и потому почувствовала, как по её ногам скользит задираемая вверх юбка. Страшная боль пронзала её голову, и глаза заливало кровью, но даже сквозь боль и кровь Дарина видела, как побелели её пальцы рук и как с них начали сыпаться искры. Из последних сил она подняла ладони вверх и, прежде чем лишиться сознания, услышала истошный вопль...

Когда Дарина пришла в себя, то нашла вокруг себя три обугленных дочерна трупа. Прекрасно понимая, что её – чужестранку – обвинят в убийстве, девушка не стала дожидаться ирманских кандалов, а тут же повернулась к границе и так, с разбитой головой, и пошла обратно, в Энелию. Домой она, впрочем, так и не вернулась, убоявшись гнева родителей, а пошла в монастырь, чтобы уйти в сёстры-монахини и до конца своих дней нести искупление за грех убийства. В доме Господа, покаявшись в содеянном, Дарина стала смиренно дожидаться, какое наказание ей назначат. Но вместо этого Дарину без лишних слов отправили в Илларионову обитель на обучение к Гирту, которому и дела не было до ирманских бандитов. Наставник даже не стал утруждать себя отпущением греха, а сразу приступил к обучению. Тем самым жизнь посудомойки с Юга совершила крутой и неожиданный для неё поворот к лучшему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.